

БРОДЯГА

АНДРЕА К ХЁСТ

ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ: ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В последний день занятий Кассандра Девлин уходит с экзаменов прямо в лес. Вот только деревья тут какие-то неправильные и животные неизвестные науке, и вообще хорошо, если удастся выжить.

Обнаруженные руины зданий лишь еще больше сбивают с толку. Куда подевались люди? Что за токсичный туман исходит от руин при свете луны? И почему у Касс такое чувство, будто за ней следят?

Измученная страхом, Кассандра безумно рада появлению внушительных сетари. Угодив в мир столь же технологически продвинутой, насколько лес был примитивен, где нанокomпьютеры растут прямо внутри человеческих голов и мало кому хочется высовываться за пределы огромных белокаменных городов, Касс оказывается бродягой — беженкой, перенесенной порталом между мирами. Сражаясь с незнакомыми языком и культурой, она должна приспособиться к виртуальным классам, друзьям, умеющим телепортироваться, и стереотипу, мол, бродяги отсталые и медленные.

Получится ли найти дорогу домой? И отпустят ли Касс люди этого мира, когда узнают ее истинную ценность?

Андреа К. Хёст

Бродяга

(Пробный камень — 1)

Ноябрь

Пятница, 16 ноября

Что за?...

Где я, черт возьми?!

Эти строки не дадут мне ответа, но хоть запись произошедшего останется. Не то чтобы я знала, что именно произошло — только то, что случилось со мной лично. И да, толку от этого не особо много.

Меня зовут Кассандра Элоиза Девлин. Кратко Касс. Только не Касси.

Я возвращалась домой из школы. Свернула за угол и попала сюда. Никаких вспышек света, предупреждений или разрывающих пространство червоточин. Ничего. Но только что я была в Сиднее, а в следующую секунду уже здесь.

«Здесь» — это... Это проблема. Явно не в Сиднее. Сомневаюсь, что вообще в Австралии, разве что в Тасмании. Вот только в Тасмании есть эвкалипты, в этом я уверена. Здесь деревьев так много, что не передать словами, они густо покрывают холмы... и даже отдаленно не похожи на эвкалипты. И птицы поют неправильно.

Мобильник не ловит. Не видно ни зданий, ни проводов. Над головой не летают самолеты. И вдалеке я ничего разглядеть не смогла, так что теперь пытаюсь выбраться из чащи или хотя бы найти место с хорошим обзором. Топаю уже минут тридцать. На часах половина четвертого, но судя по небу — гораздо больше.

Мне нужны новые ноги

Деревья, деревья и, ой, смотрите-ка, еще деревья. Куда ни глянь — везде зеленые холмы, которым страшно недостает особых примет.

Все эти истории о людях, ориентирующихся по солнцу, не берут в расчет безумные петляния звериных троп — самый легкий способ пробираться сквозь лес. Я бродила вокруг, пока не нашла выступ скалы, где и решила рухнуть на ночь.

Сигнала на мобильном по-прежнему нет.

На часах шесть вечера. Должно быть совершенно светло, но солнце быстро садится, значит, я даже не в своем часовом поясе. Куда перенесут меня плюс час-два? В Новую Зеландию? Насколько там отличается время?

Конечно, выросшая на «Докторе Кто», «Баффи» и «Звездных вратах», я не должна ограничиваться Новой Зеландией. Я могла оказаться в альтернативной Австралии, в любой части света в любой период времени или вообще в другом мире. На другой планете. Или в психушке — хихикать в смиренной рубашке.

Последний вариант совсем печальный, так что лучше сосредоточиться на сборе информации.

Когда село солнце, я надеялась обнаружить Южный Крест, но было облачно. И прохладно — холоднее, чем положено накануне лета. Значит, я в чужом часовом поясе, в другом климате или, возможно, в ином времени года.

Сегодня мы сдали последний экзамен — историю — и собирались вечером где-нибудь отметить. Мама там с ума сходит. Она вызвала полицию? Что я скажу, если вернусь? Никто не поверит, что я просто шагала и попала... фиг знает куда.

От жажды я не умру — неподалеку есть ручей, и я наполнила оставшуюся с обеда бутылку из-под «Фанты». Наверное, в воде полно жучков, и мне станет плохо, но очень уж хотелось пить, а я не курильщица и не таскаю с собой зажигалку, чтобы можно было развести огонь и вскипятить воду.

Черт, костер сейчас бы точно не помешал.

Короткий перечень моего снаряжения для выживания в дикой местности:

- школьная форма (блузка, юбка, свитер, дурацкий галстук), носки, туфли, трусы, лифчик;
- резинка для волос и заколка-бабочка;
- рюкзак;
- пенал с картинкой из «Doom», под завязку набитый ручками-карандашами;
- тридцатисантиметровая линейка;
- конспекты по современной истории — бесполезно (или туалетная бумага);
- подарок Дженне на день рождения (собиралась вручить утром, но она опять заболела и не пришла на экзамен) — новенький блокнот с сине-зеленой обложкой, в котором я сейчас и пишу;
- маленькая упаковка салфеток (точно туалетная бумага);
- мобильник — скорее, бесполезен, особенно когда разрядится;
- кошелек — около двадцати баксов (в основном железки, но есть и купюры) и карточки;
- пол-литровая бутылка из-под «Фанты», наполненная подозрительной водой;
- половина залежавшегося на дне сумки батончика мюсли. Ура! (Уже нет.)

Ни ножа, ни спичек, ни одеяла. Туфли не подходят для многокилометровых прогулок. Ни разу не весело. Совсем не захватывающе. Я угодила в приключение, и оно наставило мне волдырей. Надо попытаться заснуть, сидя в грязи, в лесу, полном всяких шумных штук. И я не знаю, где нахожусь, почему и... Не хочу об этом думать.

Как же хочется есть!

Как узнать, что тут ядовито? Сейчас быгодились школьные уроки. Я наткнулась на пару деревьев с фруктами, похожими на красные груши, и не знаю, не свалюсь ли от них запертво.

Птицам они, кажется, нравятся. Я с трудом нашла плоды, не склеванные до косточки. Значит, подойдет...

Мучнистый вкус, но прошло несколько минут, и я не чувствую ничего странного. Я съела только одну штуку и собираюсь подождать со следующей на случай замедленного эффекта. Возьму с собой наименее поклеванную — вдруг больше ничего съедобного отыскать не удастся.

Ночь была черной вечностью. Вряд ли я толком поспала, скорее, дремала, постоянно вскакивая. Теперь иду в сторону восхода, поскольку этот путь кажется ровнее. Сигнала на мобильном нет. Не видно ни зданий, ни проводов, ни самолетов и т. д. и т. п.

Я в жизни столько не ходила.

Привал

За пару часов до заката я добралась до поляны с ручьем и присела, чтобы поддержать ноги в воде.

Похоже, несколько лет назад здесь был пожар. Весь склон холма покрыт травой и обгоревшими деревьями. Но отсюда открывается наилучший вид на Бесконечно Зеленую Планету. Она такая пустая и нетронутая. Я еще не уверена на сто процентов, Земля это или нет. По дороге я спугнула нескольких животных, но смогла как следует разглядеть только оленя, что совсем не сузило круг — они ведь не на одном континенте водятся. Да и на других планетах, думаю, могут быть.

Внизу изгибается мерцающий поток воды, надеюсь, река. Да, поблизости не видно никаких поселений или следов пребывания человека, но если двигаться вдоль реки, я выйду к озеру или океану, а потом... Не знаю.

От школьной формы я вся потею и чешусь. Надо бы помыться и постирать ее, пока греет солнце — а то вдруг надо мной захочет пролететь спасательный самолет. Кто ж знал, что, собираясь на экзамен, не помешает захватить с собой запасные трусы.

Хотя бы небо сегодня чистое, и ночью можно попытаться найти какие-нибудь созвездия. Астрономия не мой конек, но Южный Крест — простейшее созвездие в мире. Или вне его. А вчера из-за облаков не получилось разглядеть даже луну.

Очень-очень важно определить, Земля ли это. Если да, можно попробовать узнать съедобные фрукты и овощи. И это может оказаться МОЯ Земля. Не другое время, не параллельный мир и тому подобное. Вдруг я просто попала в незаселенную лесистую местность, а значит, дом все еще ждет меня.

Пока что нет никаких доказательств в пользу другой версии. Сила тяжести не изменилась, солнце выглядит так же, небо синее, листья зеленые. Если я увижу что-то, совершенно непохожее на мою Землю, то придется смириться с невозможностью дойти до дома. А если нет... в любом случае, даже без стопроцентной уверенности, когда доковыляю до реки, надо будет подумать не только о движении вперед. Но до тех пор лучше делать все

постепенно, чтобы происходящее меня не накрыло.

План: добраться до реки, пойти вдоль нее.

К реке

Без понятия, сколько я могу пройти за день. Возможно, доберусь до реки сегодня. Из-за ног иду очень медленно, да и в целом чувствую себя паршиво. Ночью было не слишком холодно, и я свила в траве более-менее удобное гнездышко, но проснулась в росе и с болью в горле. Туалетная бумага (салфетки) закончилась

Конспекты по истории не совсем подходят для... подтирания.

Галстук я разрезала на две части и, как могла, подложила в туфли. Корявые бинты. Ножницы для бумаги плохо режут ткань, но страшно представить, что бы я делала, не окажись их в пенале. Вещи, которые при мне, незаменимы.

Лучше жить босой

Итак, вот план: иду босиком, а туфли надеваю, только если почва слишком грубая. Ноги быстро покрываются синяками, но я просто больше не могу носить эти кожаные орудия пыток. Пятки уже превратились в кровавое месиво.

Только что обнаружила под деревом какую-то тварь. Теперь жду, когда она снова появится, и размышляю, способна ли убить животное ради пропитания. Еда — моя самая большая проблема. Последнюю красную грушу я уже прикончила. Да, попадались и другие плоды, к примеру, множество зеленых ягод, но они такие кислые, что, по-моему, просто не созрели. Еще я недавно набрала горсть крошечных, размером с палец, яблок, но от них весь рот онемел.

Красные груши — хорошо.

Пальчиковые яблоки — плохо.

Зеленые слезные ягоды — кислые, незрелые.

Подумываю о ловле рыбы, пытаюсь вспомнить способы, не включающие сети и удочки. Груши не вечны. Если придет зима — я в дерьме.

Кстати о «придет». Я приближаюсь к реке, но потеряла ее из виду, спустившись с вершины холма. Теперь сохраняю направление, что гораздо легче после полудня, когда солнце ниже и тени указывают путь. Поблизости нет места, подходящего для привала или чтобы хотя бы просто присесть, да и воду надо найти. Одной бутылки от «Фанты» совсем не достаточно.

В моем мире

Сегодня ночь школьного круиза, и я должна отмечать выпускной. Мы не хотели бороться с толпой на пляже, не говоря уже о стычке с ребятами из «Тули» на Золотом берегу, поэтому около сотни учеников из «Агулы» и Технической школы для мальчиков собирались в гавань. Подготовкой к круизу и списком

гостей занималась Ее Могущество — Елена Мидделл, неофициальная королева старшей школы «Агула». Но закрутив с Тоддом Хантером, ЕМ почти превратилась в человека и не пыталась особо командовать и зверствовать.

Я очень ждала этого круиза. Нашла великолепное серебристо-голубое платье — не детское и не вычурное. Папа Алиссы вызвался нас отвезти, значит, не пришлось бы ехать на поезде, а для обратной дороги нам выдали деньги на такси. И Ник хотел пойти. Ужасно, что

я все пропускаю. Ужасно, что мое нифига не захватывающее приключение наверняка испортит вечер и для Алиссы с Ником.

Возможно, я их больше не увижу. И не только Алиссу или Ника. Или маму. Вообще никого. Никого. Никогда.

Туристический рай

Если бы здесь имелся отель, и люди, и способ вернуться домой, возможно, мне бы и понравилось. В подобных местах обычно бродят толпы туристов — на Земле.

Но увиденное сегодня животное подталкивает меня к заключению, что это не Земля. У него бледно-золотистая шкурка, на спине, хвосте и макушке переходящая в красноватый. И оно прыгучее. На кенгуру не похоже, скорее, на нервную овцу или испуганную кошку. Зверек спустился с дерева и искал насекомых

на листьях. Его неловкие на вид длинные конечности на самом деле оказались весьма подвижными. Я назвала его древесной лисицей, и даже не будь этот малыш невероятно милым, не думаю, что смогла бы попытаться его убить.

Бесконечная ходьба

Три дня. Три с небольшим дня. Я удивлена, что еще не развалилась. И все неплохо, правда. В пустыне я бы умерла. Даже бушленд к западу от Сиднея кажется суровым в сравнении с этим местом. Здесь полно воды и днем совсем не так жарко, как в Австралии в ноябре, хотя для солнечного ожога хватает.

Пытаюсь смастерить шляпу.

Нашла еще одно дерево с красными грушами, но большинство плодов съедены или полны червяков. Три дня на одних лишь грушах — это плохо для пищеварения, к тому же горло саднит. Ужасные волдыри подсыхают, но их тяжело удерживать от загрязнения, и они уже воспалились. Не считая этого, ноги держатся — в синяках и царапинах, но не болят так, как в туфлях. Плюс я искутана насекомыми, хотя, очевидно, ничего фатального.

Думаю, река уже близко. Я нахожусь гораздо ниже, чем раньше, и деревья тут более раскидистые. У большинства из них грубая черная кора и широкие ветви, ниспадающие до самой земли. Положим, я могла бы довольно легко вскарабкаться до середины ствола, но верхушки деревьев тонкие и хрупкие, а потому бесполезны в качестве обзорных пунктов. Конечно, если бы я встретила волка, то залезла бы наверх. И возможно, узнала бы, что это древесный волк.

Не будь в этом мире хищников, олень и древесные лисицы не убегали бы от меня. Логично, правда? Начинаю подумывать о разведении костра и изготовлении оружия. Вопрос в том, как сделать это лишь с содержимым моего пенала в мире камней и веток.

Паршивая бы из меня вышла пещерная женщина.

Определенно не Земля

А знаете, как я поняла, что это не Земля? Не по животным, которых не смогла идентифицировать. Не по звездам, хотя Южный Крест как минимум неверно расположен и выглядит неправильно. Не по странным представителям инопланетных цивилизаций. Нет, мне подсказали мои часы. Каждый день солнце садится примерно на четверть часа позже. Значит, это мир, действительно похожий на Землю, но не она. Даже не альтернативная ее версия, разве что та, где по каким-то неведомым причинам день немного длиннее.

Надо придумать название.

Целый новый мир. Другие пригодные для жизни планеты на самом деле существуют. И ждать меня здесь может что угодно, море удивительных открытий. Я пытаюсь порадоваться этому, оценить потрясающий опыт, который переживаю. Но ноги болят, и хочется есть.

Даже без обнаружения планеты сегодня великий день для Касс-первопроходца. Поздним утром я наконец добралась до реки. И очумев от счастья, сиганула прямо в воду прежде, чем успела подумать о пираньях. Простительно: мне правда нужно было помыться. Дно — песок и камешки, на мелководье все прекрасно видно. Река широкая, но я уже нашла место, где можно перейти вброд. И вода совершенно пресная, без следа соли, так что пока буду идти вдоль русла, жажда мне не грозит (как и грязь!).

Пока обсыхала, доделала шляпу. Это рама из веток, оплетенная травой. Не слишком удобно, но прикрывает лицо. Время от времени я срываю еще длинные травинки, вплетаю и снова все стягиваю. А тонкие стебли соединяю, чтобы получить нечто похожее на шпагат. Возможно, моя шляпа выглядит неважнецки, но это первое, что я смастерила со времен уроков труда в восьмом классе, и явно лучше, чем ничего.

В течение дня я высматривала:

- что-нибудь съедобное;
- камни, похожие на кремень (не то чтобы я знала, как он выглядит; большинство скал здесь серые, иногда с желтым — совсем не австралийский краснозем);
- глину (для этого приходилось лапать любую встреченную грязь — глупость полная);
- дружелюбную инопланетную цивилизацию (с ними я бы точно нашла общий язык).

Это великий день и по количеству животных. Множество оленей, кто-то вроде лося, но крупнее, и серые собаки размером с терьера, бегающие вокруг стаями по трое-четверо. Какое-то время они следовали за мной, и я немного встревожилась, но не слишком — с такими я бы справилась парой пинков, в крайнем случае забралась бы на дерево. Ближе к вечеру я заметила отпечатки лап кого-то побольше и долго искала подходящее место для ночлега. Ничего безопасного не нашлось. Может, попробовать сплести гамак? Лучше всего спать подальше от реки. Если все звери спускаются на водопой, не хотелось бы пойти на закуску.

Итак, новые животные на сегодня:

- огромный лось;
- серые терьеры;
- мистер Лапы.

И птицы, много птиц, даже перечислять не стану.

Сегодня еще и день фруктов. Красные груши, ягоды и съедобные (надеюсь) орехи. Пока я ела только груши, так как хочу упорядочить эксперименты с едой, чтобы точно знать, чем отравлюсь насмерть. В горле по-прежнему скребет, но нос уже не забит. Это из-за ночевки в росе.

Ремесла и коты

Идти вдоль реки легче, чем по холмам. Здесь тоже полно подъемов, спусков и неудобных троп, поскольку тротуаром и мостками никто не озаботился, но в целом не так уж плохо.

Главным событием дня стал кот. То есть, мистер Лапы. Он появился на другой стороне реки, и возможно, лишь поэтому я сижу и пишу эти строки. Не такой крупный, как лев, скорее, похож на леопарда, только без пятен. С золотистым телом и чуть более темными, коричневыми ушами, мордой и лапами, он напомнил мне перепутавшего цвета сиамца. Зверь понаблюдал за мной через реку, затем вспрыгнул на ближайшее дерево и исчез — наверное, отправился искать мост. Я прозвала его «монстрокот». Да здравствуют ночные кошмары.

Не столь пугающими оказались выдры в реке. Или кто-то вроде выдр — я толком не разглядела, так что не в курсе, нужно ли придумывать им отдельное имя.

Все найденные ягоды остаются кислыми, но орехи великолепны! Скорлупки отходят тяжело и по виду напоминают грецкие, а вкус больше похож на кешью (я назвала их «грешью»), и хорошо было бы сообразить, как их солить и жарить. Зря не набрала побольше. Если встречу еще раз — запасусь впрок, они ведь легкие и не портятся.

Сегодня я планировала насобирать травинок и длинных плоских листьев и попытаться скрутить из них веревку или что-нибудь сплести. Пока чисто в экспериментальных целях: узнать, какие растения для этого лучше подходят и не вредят ладоням.

Но после появления монстрокота пришлось на время отказаться от рукоделия и найти большую палку. Затем я поменяла ее на длинную и прямую и пока отдыхала, натирала один конец о ближайшую скалу, пытаюсь заострить. Даже притворяться не стану, будто способна побороться с мистером Лапы, но хотя бы смогу размахивать палкой и злобно выглядеть.

Самокопание

Я никогда не любила вести дневник и потому с удивлением просматриваю это нагромождение слов. Первое, что бросается в глаза, — их спокойствие. Настоящий блеф. Я просто не записывала все свои крики и слезы. Не хочу изливать на страницы, каково просыпаться посреди ночи, задубев от холода в травяном

гнезде, слушать, как что-то двигается в темноте, и надеяться, что если оно укусит, то умру я быстро. Каждая сделанная запись может оказаться последней, и никто не узнает.

Так что я не слишком много пишу о слезах и возможной смерти. Думаю — да. По ночам, прислушиваясь к темноте. А днем Касс-первопроходец загружена делами, поскольку мне ненавистна сама мысль о том, что все мое будущее — это лишь дневник, который однажды закончится.

Жизнь без развлечений

Я постоянно ходила в походы с семьей и один раз ездила в школьный лагерь, где все время, конечно же, было забито разнообразными мероприятиями. И даже тогда я потащила с собой половину книжной полки. Одолжила мамин айпод. Записала все пропущенные сериалы и по возвращении бросилась прямиком к компьютеру — проверять форумы и веб-комиксы. Я из тех, кто смотрит телик, одновременно шарясь на «Фейсбуке», и читает за завтраком, в автобусе и в туалете.

Теперь я не узнаю, как все закончится. Не увижу очередную серию, не прочитаю новый выпуск, не покопаюсь в последней принесенной мамой стопке книг, чтобы найти нового любимого автора. Я постоянно думаю о романе, который оставила раскрытым на кровати. Я как раз добралась до момента, где героев атакуют гигантские мясистые жуки, откладывающие в людях личинки, чтобы произвести еще жуков, но тут мама крикнула, мол, если я сейчас же не сяду в машину, то она уедет одна. И теперь история застряла у меня в голове, со всеми этими жуками, преследующими героев под дождем, и неизвестно, кто станет следующей жертвой...

Экзамены — чуть ли не единственное время, когда я не приношу романы в школу. Дескать, если у меня с собой лишь учебный материал, то его я и буду листать, пока жду возле класса. В любой другой день у меня всегда есть хотя бы одна книга, чтобы читать и перечитывать.

И вот я, Касс-первопроходец, мужественно исследую чужой мир. И между слезами, жалобами и дрожью ПОМИРАЮ ОТ СКУКИ.

Сегодня никаких особых изменений. Я пыталась соткать из похожих на бамбук листьев коврик/одеяло/плащ Супермена. Основное полотно получается не так уж плохо, но я так и не придумала, что делать с краями. Нет ни иголок, ни ниток. Думаю, завтра никуда не пойду и при дневном свете попробую наловить рыбы и развести костер. Пока я даже не пыталась, ибо реалити-шоу ясно дали понять, что это мега-сложно.

Если с рыбой срастется (мое дурацкое копье оказалось совершенно неэффективным), то, возможно, из костей получатся иглы. Сложнее всего с нитками. Худо-бедно я могу сплести веревку, но совершенно не представляю, как сделать нитки. Где бы взять лошадь, которая позволит отстричь ей хвост?

Я подумываю смастерить еще много всего, но самое главное — это коврики из листьев. Большие легкие коврики, которые можно свернуть и взять с собой, на которых можно сидеть и спать. Отгородиться ими от росы и от ночи.

На дереве

Число серых терьеров растет. Раньше я видела их в группах по трое

— четверо, но этим утром за мной двинулось около двадцати собак. Я забралась на дерево. Не знаю, собирались ли они напасть, но вроде не кучковались у подножья и не подпрыгивали в попытках дотянуться до моих конечностей. Зато теперь часто проходят мимо, и какой-нибудь терьер всегда за мной приглядывает.

Неизвестно, насколько я здесь застряла, но у меня есть еда и вода. И исцарапанная жесткой корой задница.

Неделя

Прошла целая жизнь. И последние два дня я испытываю... раздражение. То есть, если мне полагалось перенестись и до посинения ковылять по этим диким лесам, не могло это случиться

ДО экзаменов? Или хотя бы после круиза? Теперь я даже не узнаю, как сдала. Все школьные проблемы сейчас выглядят такими мелкими. Я собиралась получить степень по искусству, а пока получаю, решить, чем заниматься дальше, ибо ни одна профессия не казалась достаточно интересной, чтобы зарабатывать ею на жизнь.

Ну, подумать об этом можно и здесь.

Постепенно серые терьеры ушли. Я долго ждала, не зная, безопасно ли спускаться, и в награду познакомилась с новым животным. Должно быть, оно пряталось в норе. Размером с котенка — полагаю, это детеныш, хотя и не видела взрослых, — зверек походил на древесную лисицу, только меньше, с более короткими лапами и нежно-коричневой шерстью с черными отметинами. Такой миленький. Он скакал вокруг и разыскивал что-то под листьями, то резко дергаясь, то застывая и прислушиваясь, а потом вновь бросаясь под корни дерева, где жил.

Я назвала его «милахой». Пусть ненадолго, но он поднял мне настроение.

Оставшуюся часть дня я шла и рассматривала сыпь на руках и ногах. Мелкие точки, но и это неприятно. Теперь сижу на холме вдалеке от реки и наблюдаю за восходом луны. Она впервые появляется на небе, а вот если б удосужилась выползти раньше, я бы сразу поняла, что нахожусь не на Земле. Луна большая, голубоватая, с огромным шрамом, похожим на дырку от пули или метеоритный кратер, от которого расходятся линии. Не полная, но две трети есть, и видимо, ночь будет светлой. Таинственной, красивой. Маме бы понравилось.

Я — не моя мать

Но иногда мне этого хочется.

Был период, когда я ненавидела маму. В первый год в старших

классах я перешла в школу Святой Марии. Великолепная школа, мне действительно нравилась. И в моем классе училась Эйприл Стивенсон. Она... Вот есть люди, похожие на маленькое ходячее солнышко. Без них не начинается ни одна вечеринка, ведь они так полны жизни. Эйприл просто фонтанировала идеями и чудесными историями и могла сделать все, что захочет. К ней тянулись, прямо как к ЕМ в моей нынешней школе, но Эйприл была еще и откровенно милой и любила читать, так что мы всегда болтали в библиотеке.

Эйприл считала, что научная фантастика и фэнтези — для детей. Нет, она не насмеялась над ними, но не могла понять, как кто-то старше десяти может это читать. И я сорвала сказочные наклейки со своих обложек и переключилась на другие книги. Несколько раз она приглашала меня в гости, и все было потрясающе, и миссис Стивенсон словно вышла из телевизора. Потом наступил родительский день, и мама явилась в одной из своих футболок с кельтскими драконами. Она не грубила и спокойно общалась с другими родителями, но я возненавидела ее за эту футболку.

В тот год я сказала маме слова, которые никогда не смогу забрать обратно. Что мне за нее стыдно. Что я удивлена, как долго папа с ней продержался. Мама не любит споры. В конце полугодия она просто забрала меня в другую школу, по большей части проигнорировав все мои излияния.

Раньше я считала ее лучшей мамой в мире. Когда она не читает, то создает украшения и жутких, но прикольных маленьких кукол и продает их в интернете. А еще режется в компьютерные игры. Даже в гонки, если Джулс хорошо попросит, хоть они ей и не даются. Когда же мама хочет, чтобы мы что-то сделали, то всегда старается объяснить процесс, и больше заботится о том, что правильно, а не о том, что модно. Лишь в последнюю пару лет я поняла, что никогда по-настоящему ее не стыдилась. И ни разу не сказала об этом вслух.

Не представляю, как она там сейчас. Вот бы найти способ хотя бы сообщить, что я жива. Что не похищена каким-нибудь старым извращенцем. Самое ужасное, что, пока я тут круглые сутки жалуясь на роль Касс-первопроходца, мама страдает в неведении и никогда ничего не узнает.

Длинная река

Иду вдоль изгиба реки вокруг подножия холма, и это проще, чем пробираться поверху, поскольку среди деревьев я очень легко теряюсь. Река здесь уже и быстрее (сейчас я бы сунулась в воду лишь в случае крайней необходимости), но по-прежнему чистая, без следов соли или волн, позволяющих предположить близость океана.

Ступни почернели, несмотря на постоянное мытье, и покрылись синяками и мелкими порезами, но я ни за что не надену туфли, пока не заживут натертые ими болячки. А вот сыпь на руках и ногах быстро исчезла. Думаю, ее вызвали объятия с деревом. Я потеряла в весе — юбка все больше сползает на бедра. Никогда не была худышкой, хотя и толстушкой тоже, и сейчас не отказалась бы от зеркала, чтобы узнать, как выгляжу. Но если что, от молочного коктейля тоже бы не отказалась.

Избыток зелени

Я держусь реки еще и потому, что это позволяет отдохнуть от зарослей. Подлесок тут не так уж плох, но деревья и кусты все же растут слишком близко друг к другу. Даже с вершины холма вдали ничего не разглядишь, а большие просветы встречаются крайне редко. Когда река течет прямо, я по крайней мере могу мельком увидеть, что творится впереди. Но хотелось бы чуть лучше представлять, где я и куда попаду через минуту.

Что приводит к необходимости лезть на деревья. Одна проблемка: если упаду и сломаю ногу или руку, лечить придется самой. Любой несчастный случай, пусть и самый незначительный, может оказаться смертельным. Инфекции подвластны даже мелкие царапины, а я не имею ни малейшего представления, как сделать антисептик или откуда берется мыло.

В любом случае, я нашла хорошее дерево. Думаю, что-то вроде сосны. Ствол донельзя прямой, практически столб, со множеством ровных веток, и если получится воспользоваться ближайшим камнем и добраться до самой низкой из них, то я залезу гораздо выше, чем по какому-нибудь развесистому деревцу. Пора попробовать.

Панорама

Итак, ничего кроме новых царапин и ссадин попытка не принесла. Можно четко разглядеть дорогу, но я и раньше знала, что нахожусь среди множества низких холмов, покрытых деревьями,

а между ними течет река. По-прежнему никаких признаков полей или зданий, не говоря уж о линиях электропередач. Кажется, где-то там река заканчивается. Может, просто расширяется и разворачивается, но судя по виду, скорее во что-то впадает.

Понедельник, 26 ноября

Буэ...

Очень плохо. Я попробовала новый фрукт, похожий на оранжевый виноград (апельград). Всего одна штука — и меня рвало весь вечер, к чему добавилась радость поноса. Думаю, жить буду, но как же хреново без туалетной бумаги.

Плохая ночь

Я уже сделала два больших (и очень обтрепанных) коврика из «бамбуковых» листьев. Нести их не слишком тяжело, если свернуть и привязать к спинке рюкзака. По ночам я ложусь на

один и с головой прячусь под другим. Они спасают от росы и, возможно, даже от дождя — пока ни одного не было, но небо обещает. Коврик не толще листа бумаги, а я все равно чувствую себя защищенной, хоть чем-то укрывшись.

Прошлой ночью что-то подошло прямо ко мне, хрустнув углом плетенки. Ужас просто. Я сжалась и попыталась не дышать, чтобы не превратиться в большой съедобный сэндвич с Касс посерединке. Наверное, это была корова, больше заинтересовавшаяся ковриками, чем мной. Крупная, тяжелая. Я могла слышать ее дыхание и тихий звук, когда она повернула голову прямо над моей.

А потом ушла.

Большую часть дня я провела на камне посреди реки, в тепле и безопасности, поглощая воду литрами. После вчерашнего эксперимента с едой следовало прийти в себя, но это не ядовитый плод заставил меня сжиматься в ужасе от того, чего я даже не видела.

Сегодня сплю здесь. Мне это необходимо. Но я знаю, что выбора нет, и надо идти вперед.

Коврики

Вожусь с ковриками, заново стягивая и гадая, как бы сделать нитку и иголку, чтобы подшить края. Наверное, можно просто загнуть и оплести в шахматном порядке, что их укрепит. Забота о ковриках

занимает большую часть дня.

Ножницы для бумаги, вкладываемые в пенал, даже в пенал с картинкой из «Doom», недостаточно велики и крепки, чтобы изображать нож или половину других инструментов, в качестве которых я пытаюсь их использовать. Они уже на последнем издыхании. В точилке для карандашей тоже есть крошечное лезвие, но пока я его не трогаю, да и ножницы теперь берегу на крайний случай. Возможно, еще раз попробую отбить каменный нож.

Большая вода

Впереди точно океан или озеро. Я все время вижу отражающийся от воды свет, хотя он по-прежнему слишком далеко, чтобы понять больше. Надо сегодня как следует поднапрячься и посмотреть, как далеко продвинусь

Природа ненавидит квадраты

По крайней мере, я не могу припомнить естественно сформировавшихся квадратов, не считая отдельных скал странной формы.

Впереди большой водоем. Пока непонятно, озеро или океан. Река остается пресной, без малейших следов соли. А вдалеке у правого берега стоят белые квадратные штуки.

Здания.

Не видно ни дыма, ни проводов, ни дорог, только несколько белых коробок посреди зелени. Но это столь многое меняет. Кто-то их создал, и даже если это не особо дружелюбные люди-ящерицы или типа того — плевать. Я не единственное разумное существо на планете!

Я едва сижу на месте, дописывая эти слова. Хочется бежать туда со всех ног, звать на помощь, увидеть летящий самолет, и все это сразу.

Думаю, получится добраться туда к завтрашнему вечеру. И я определенно приложу для этого все силы.

Пешком вдоль воды

Я уже недалеко от зданий и доберусь до них задолго до заката, только надо еще решить, хорошая ли это мысль.

Озеро просто огромно. Похоже, я сейчас у некоего залива, но вижу, что там, за холмами, вода разливается невероятно широко и далеко — краев не различить. Она очень холодная и спокойная, ясная, как зеленый чай; берег галечный. Над озером парами летают птицы, издавая поразительный тягучий плач. Я рада, что впервые услышала его не посреди ночи.

Здесь дюжины зданий. Древних и явно пустых, заросших зеленью даже изнутри. Иду вдоль берега по аккуратной дороге из белых камней — местами разломанных прорвавшимися на поверхность корнями деревьев, но в целом все неплохо

сохранилось. Здесь еще и что-то вроде верстовых столбов есть, хотя надписи на них такие старые и стертые, что трудно понять, знакомы ли мне подобные символы.

Здания белые, блочные, с арочными дверными проемами. Большинство одно- или двухэтажные, с плоскими крышами. Прямо приморский греческий городок с картины маслом. Они тянутся через весь холм и, думаю, должны стоять и вдоль «основного» берега озера.

Ноги совсем не в восторге от столь напряженной дневной прогулки, но я выжму из них все, пока еще светло. Надо обыскать здания и узнать, есть ли другие дома за холмом. Вдруг там люди. Вдруг там другое... жилое поселение.

Никаких дружелюбных аборигенов

Здесь давно никого нет. Правда животных хватает. Десять тысяч птиц, и вечером все поют. Маленькие свинки, которые выскакивают из кустов и мчатся прочь с таким визгом, словно я их ударила. По стенам прыгает нечто вроде белок. Я даже видела крадущуюся серую кошку, неотличимую от земной домашней. И вся эта жизнь кипит в пустом заросшем городе.

Хотя даже во времена людей современностью тут не пахло. Нет ни остатков машин, ни проводов, ни чего-то подобного. Но нет и примитивных пещерных жилищ. Не понимаю, как построили эти здания: стены и крыши кажутся единым куском белого камня. Будто кто-то взял большой блок алебаstra и вырезал ненужные части, создав комнаты с дверными и оконными проемами, а затем симпатично украсил по краю. Дома действительно хорошо сохранились: потертые, но крепкие.

От дверей, ставней и мебели почти ничего не осталось — значит, люди ушли далеко не пару лет назад. Да и вообще вещей мало (по крайней мере, в тех домах, куда я рискнула заглянуть), хотя грязи полно. К счастью, не видно человеческих костей — на Помпеи не похоже.

Тут темнеет около половины десятого по сиднейскому летнему времени, и уже сейчас довольно сложно продолжать исследования. Спать лягу на крыше крайнего дома, а завтра все как следует осмотрю. В ближайшие дни надо поискать что-нибудь полезное и решить, стоит ли здесь оставаться. Один заброшенный город еще ничего не значит. Взгляните на Мачу-Пикчу — его запустение не равняется мертвому миру.

Лишь говорит о том, что когда-то здесь жили люди.

Прогулка по городу

Все здания сделаны из того же белого камня — с остроконечными арками для дверей и окон. На каждой крыше, куда я удосужилась залезть, в центре имеется рельефный рисунок, кажется, какого-то цветка: от центральной точки к толстому ободу расходятся лепестки или лучи, или что-то подобное. Сами крыши чуть вогнутые, с дренажными отверстиями по углам, но без водосточных труб.

Чаще всего встречаются дома с двумя уровнями в передней части, одним в задней и с крошечным огороженным садиком. Похоже на ленточную застройку, но здания не прижаты друг к другу. Окна наверху тоже в форме арок, но гораздо более ровные, словно на них кто-то сел. Есть еще Г-образные дома без второго этажа, со стеной, окружающей площадку под сад. Попадаются и другие конфигурации, но всюду царствует квадрат. Даже замеченные мной башенки — это лишь несколько кубов помельче, сложенные один на другой.

На словах уродливо, но это не так. Отчасти потому, что все вокруг заросло зеленью, а еще из-за украшений. По основанию каждого дома и вокруг каждого окна и двери тянется орнамент. Геометрические фигуры или крошечные стилизованные животные. Все в блеклых желтых, синих, зеленых и терракотовых тонах.

Я шаталась по городу весь день. По дороге идти легко, но из-за острого мусора (обломки керамики) пришлось надеть туфли. С вершины холма видно, что озеро и правда огромное, а город протянулся по его правому берегу. Я направилась туда, где, похоже, некогда был центр, с более крупными, явно мощеными площадями и двумя четырехэтажными башнями.

«Северная» башня ближе всего к озеру, так что там я и решила обосноваться. Форт Касс. Сегодня сплю на крыше, поскольку небо ясное, а наверху меньше грязи.

Поблизости не видать никаких тел или чего-то на них похожего, хотя я не особо пинала мусор — как раз из-за возможности наткнуться на чьи-то кости.

Люди предпочли оставить это место и уйти? Началась эпидемия? Война?

Домашние хлопоты

Все утро я посвятила Форту Касс. Сперва как следует его обыскала и все, что показалось полезным, утащила на крышу. В каждой комнате пол покрыт толстым слоем грязи, пыли и ошметками древних гнезд насекомых. Я особо осторожничаю на случай, если тут водятся пауки. Или, ну, знаете, монстры с щупальцами, контролирующие сознание.

Металлические шуковины встречаются двух видов: те, что, стоит их приподнять, рассыпаются в хлопьевидный красный порошок, и зелено-черные, невредимые. К сожалению, почти все зелено-черные изделия, кажется, декоративные. Симпатичная скульптурка милахи, которую я прихватила, чтобы скрасить свое одиночество. Нечто, похожее на пряжку для ремня. Несколько чашек. Но до сих пор не нашлось никаких ножей, не говоря уж об иголках. Не думаю, что в башне люди жили, хотя, возможно, работали. Или это был наблюдательный пост.

После осмотра территории я вышвырнула с верхнего этажа все крупные булыжники и, соорудив самый халтурный веник в истории человечества, подмела. Рукоятка от найденного кувшина сходу отвалилась, но сам он остался цел, так что я натаскала воды, залила все вокруг, отмыла и отскоблила пол и сбила всю паутину. Не так уж плохо.

Далее на очереди — лохматые овцы. Я заприметила их в один из походов к озеру: небольшое стадо спустилось на водопой. Они паслись севернее, за домами, и разбрелись, стоило подойти поближе. Я почти уверена, что это овцы — они покрыты шерстью, хоть и с рогами, и шерсть местами ну очень длинная. Рога меня слегка нервируют, но надеюсь, получится состричь немного шерсти. Только если у них еще и острые зубы, я точно пас.

Овцы

Лохматых овец охраняют громадные лохматые бараны. Рога есть у всех, кроме детенышей, но у баранов они большие и закрученные, а на лбах — шрамы от ударов друг по другу или по любому, у кого не хватило ума держаться подальше от их женщин. Впрочем, уверена, овцы тоже бы хорошенько меня отделали, так что в конечном счете я решила не рисковать. Возможно, когда-то они и были домашними, но сейчас не слишком симпатизируют людям.

Однако шерсть я все равно добыла. Овцы живут на холмах севернее от города, на самом обширном безлесном участке, который я видела до сих пор. Кроме редких деревьев, в траве встречаются камни и ягодные кустарники. Ягоды отличаются от слезных: тоже зеленые, но с розоватым оттенком. И кислее клюквы, так что, полагаю, тоже еще не спели. Но важно то, что кусты с шипами и цепляют все подряд.

Отделавшись несколькими царапинами, я набила рюкзак клочками шерсти, и даже еще осталось. После сплетенной из травы веревки это прям огромный шаг, пусть даже шерсть желтая и замызганная. У меня на нее куча планов, но для начала — промыть. А значит, завтра я стисну зубы и постараюсь разжечь огонь.

Если получится, то помимо чистой шерсти я смогу добыть ланолин. Не представляю,

что с ним делать — поддерживать кожу в хорошем состоянии? — но хуже точно не будет.

Лунный дождь

Прошлой ночью я второй раз увидела луну. И на сей раз — полную.

Когда она взошла, я все еще сидела на крыше Форта Касс. Голубовато-белый свет постепенно отделился от дома, и казалось, что я смотрю вниз на город-призрак: все выглядело совершенно нереальным, как переливающийся мираж. Кольца в центре каждой крыши сияли ярче, чем остальное здание, и в конце концов из них словно бы полился свет. Хотя почему «словно», полился. Я сидела прямо рядом с таким кольцом и, когда из него полез густой туман, не знала, то ли замереть, то ли броситься наутек. Но кто бы на моем месте не проверил, каков он на ощупь?

Около года назад я дружила с Перри Райан. Ее родители почти не бывали дома, и она любила выпить и закурить. Курением я не шибко интересовалась, но считала, что алкоголь — это круто. Из-за него я чувствовала себя личностью. И обожала это ощущение, пока как-то раз Алисса не вытащила меня с вечеринки в доме Перри, не встряхнула и не сообщила, что я обжималась с Мэттом Уилсоном. Он из тех козлов, что делают снимки. В общем, Алисса решила поиграть в мою мамочку, и с тех пор тусовкам у Перри пришел конец.

Так что ощущение тепла и счастья, вызванное холодным голубым светом, мне было не внове, и я свернулась вокруг кольца, как вокруг грелки, и позволила себе наслаждаться. Вскоре наступила фаза опьянения. Не знаю, что заставило меня пойти поискать еще. Но я спустилась по лестнице (босиком!) и направилась туда, куда прежде лишь поглядывала — в белокаменный амфитеатр со ступенчатыми сидениями в центре города. Когда я смотрела на него днем, там кишмя кишели кошки, но этой ночью — царил только свет. Море света. Он струился с каждого здания и вливался в амфитеатр, где громадное кольцо сияло так сильно, что свет поднимался столбом. Естественно, я шагнула внутрь и попыталась пить воздух, походивший скорее на густой туман, чем на жидкость. И никогда я еще не чувствовала себя лучше, счастливее и живее, чем прошлой ночью, когда стояла там с протянутыми руками и открытым ртом, вдыхала и пила свет.

Итак. Я проснулась, свернувшись калачиком в центре амфитеатра. Самочувствие прекрасное. Никакого похмелья. Утро было в самом разгаре, светило солнце. Во рту пересохло, я отлежала руку, но в остальном осталась прежней Касс, только донельзя изумленной произошедшим.

Амфитеатр — центр сбора кошек. Их основная база, прямо как башня — моя. Обычно их тут десятки: изящных, с крупными ушами, в большинстве своем серых в полоску, но встречаются и другие расцветки. Никаких пушистых персов. Несколько котят настоящие очаровашки, но в основном настолько неприрученные и дикие, что я бы не рискнула взять одного из них на руки. Я постаралась убраться с их территории как можно быстрее, но, поскольку энергия была через край, вернулась вдоль озера назад к ручью и наблюдала за выдрами. Трудно сосредоточиться на текущих планах, когда всю ночь пил луну.

О луне ни слова

Прежде чем попытаться развести огонь, я собрала еще связку шерсти и пошла искать что-нибудь большое и металлическое, что не собиралось развалиться через секунду. В итоге выбрала плоскую сине-зеленую чашу, которую оказалось чертовски трудно сдвинуть — я

едва могла ее приподнять и каждые десять шагов опускала, ибо тяжело. Катить не рискнула (мало ли, испорчу еще). И я понятия не имею, выдержит ли она контакт с огнем.

Развожу костер внизу на берегу озера, где легко добраться до воды.

Хотелось бы мне знать, как сделать мыло. Я ополаскиваюсь ежедневно, но тело все равно покрыто слоем грязи, уже вьедшейся в кожу. О волосах вообще молчу. Если получится развести огонь, то хоть горячая вода будет, и я смогу помыться, прежде чем закину шерсть. Это самое «ЕСЛИ» — большая проблема. Я пыталась усилить солнечный свет кусочками стекла, но либо стекло недостаточно прозрачно, либо солнечный свет недостаточно ярок.

Сейчас отдыхаю, после того как бросила себе вызов и постаралась растереть палки. У меня получается немного их разогреть, но в итоге остаются лишь горячие палки и сильно уставшие руки. Перед началом эксперимента я разорвала страницу лекций по истории. Раскромсаю их помельче и попытаюсь снова.

Отдел снабжения

Итак, у меня есть огонь. Но не знаю точно, как сделать так, чтобы он не погас за ночь или в случае дождя. Это навело меня на мысль о том, что в этих домах нет каминов и очагов. Кипятить шерсть было весело, и теперь я счастливая обладательница чрезвычайно мокрой шерсти и желтой пены, снятой с поверхности. Разложила шерсть сушиться.

Пока она варилась, я начала плести еще коврики. Хочу застелить пол и занавесить окна. Еще не придумала, как поступить с верхней частью лестницы, ведущей на крышу. Что-то же должно было хорошо закрывать ее раньше, но сомневаюсь, что смогу сделать водонепроницаемый коврик.

Я никогда не отличалась особыми успехами в рукоделии. Справляюсь сносно, но маме и в подметки не гожусь. Слишком нетерпелива. Начинаю с аккуратных маленьких стежочков, затем они становятся все крупнее, все неряшливее. Но я собираюсь соорудить себе чистенькое гнездышко из шерсти и одеяло, и пусть это будет самая безобразная вещьца в округе — плевать. И я приберусь в своей комнате, осмотрю город и возьму все полезное, что смогу найти.

А потом?...

Долгосрочные перспективы сводят на нет любые вроде бы хорошие начинания.

Удручающая безграмотность современной молодежи

Я видела по телевизору, как люди стригут овец. И прялку на картинке. Знаю, что веретено должно быть острым, поскольку принцессы могут уколоть им пальцы. Алгоритм превращения шерсти в нитки, однако же, совсем другая история. А что такое прочесывание? Когда оно происходит?

В любом случае, скрутить всю шерсть в нити, а потом попытаться чего-нибудь из них соткать, я просто не в состоянии. Это заняло бы целую вечность, даже знай я, что делать. Пока что план сводится к «намыть большую кучу шерсти, чтобы было теплое место для сна». Ну еще постараюсь соорудить войлочное одеяло. Конечно, изготовление войлока — еще один процесс, которому никто не озаботился меня обучить, но подозреваю, что он похож на изготовление бумаги, а это я хотя бы видела.

Я размышляла об этом сегодня утром, пока гонялась за овцами. Овцы — по крайней мере, самки — не настолько агрессивны, как ожидалось, хоть и не менее пугливы, чем любые другие животные. Я нацелилась на средних по размеру, еще не совсем взрослых, но с которыми уже не нянчатся мамки (и не слишком рогатых!). Ножницы для стрижки были бы гораздо полезнее, чем мои канцелярские, но, сидя на спине овцы, получается срезать большие клочья. Убив все утро, я набрала целую кучу шерсти и сейчас ее кипячу, одновременно пробуя соорудить форму для войлока.

Я расположилась на дороге, на большом открытом участке, где каждый камень на своем месте. Выстроила большой прямоугольник из некрупных булыжников и бревна, и теперь собираюсь выложить аккуратненький ровный слой мокрой шерсти, а потом мять ее и прессовать, пока не станет как можно ровнее, и оставить сохнуть.

Не знаю, используют ли при изготовлении войлока какой-нибудь клей. Скорее всего, да, с моей-то удачей. Придавить шерсть будет недостаточно — нужно, чтобы она еще и не рассыпалась. Наверняка потребуется не одна попытка, с разными компонентами, но сначала попробую без добавок. Просто залить водой и нагреть. Полагаю, если всю чистую шерсть еще разок хорошенько прокипятить и взболтать, она может не выдержать и превратиться в клейкую массу, больше похожую на целлюлозное волокно для изготовления бумаги. Или нет. Все это просто предположения, но шерсти много, для экспериментов хватит, и я поищу тазы для кипячения покрупнее. Моя собственная фабрика на берегу озера.

Уже предвкушаю, как сегодня буду спать на мягкой шерсти.

Доиндустриальная гора

Сегодня, чтобы подмести оставшуюся часть Форта Касс, я сделала другой веник, получше. Изготовить инструмент без других инструментов до смешного трудно. Попробуйте смастерить веник без промышленного клея, хорошо отделанной ручки, соломы (или из чего там состоит метелка), дрели, пилы, гвоздей и молотка. Все, что я делаю, требует огромного количества предварительных работ, и самая простая вещь отнимает безумно много времени.

Сегодня утром все это показалось мне немного чересчур, в основном потому, что одна из используемых мною чаш решила, дескать, жизнь слишком тяжела, и разлетелась на осколки, чуть не заглушив все костры и заставив меня отскочить, пока не обварилась до неузнаваемости. Я едва не умерла от страха, потом эпично психанула и пошла прочь.

До сих пор я старалась избегать озера, только добывала там воду и мылась на берегу. В конце концов, это место может оказаться аналогом Лох-Несса, а я не особо жалую монстров. Даже в Австралии лучше не прыгать в воду, пока какой-нибудь местный житель не сказал, есть ли там крокодилы или бугорчатки, или акулы. За недостатком аборигенов, мне приходится наблюдать за дикой природой, поджидая, не появится ли на поверхности плавник или огромная зубастая пасть, чтобы сцапать подобрывшуюся слишком близко живность. Пока что я видела лишь множество водных птиц, вполне довольных жизнью. Ну и рыба время от времени выскакивает в воздух.

Итак, я пошла купаться. Вода оказалась холодной, но стояла жара, и я долго склонялась над тазами с кипятком, так что это даже хорошо. В любой приличной книжке, стоит героине пойти купаться голышом, откуда ни возьмись появляется сказочно прекрасный принц и старательно отводит взгляд. По части прекрасного принца полный облом, но, лежа в воде и глядя на солнечное голубое небо, я могла притвориться, что нахожусь где угодно. Просто Касс на затаившихся каникулах на берегу озера.

Моя школьная форма знавала и лучшие времена. Замызганная, поношенная, с маленькими прожженными дырочками на юбке — результат экспериментов с огнем. Пиджак я надеваю только на ночь, так что он сохранился немного лучше. Возможно, следует превратить в пижамы больше одежды.

Съезжаю с катушек

Этот дневник — мой волейбольный мяч. Я не терпела кораблекрушение, и лица на нем не нарисовано, но беседую я именно с ним. Том Хэнкс разговаривал с мячом, потому что сошел с ума или чтобы не сойти с ума?

Перечитывая, я заметила, что не так уж много написала о себе. Какой я была до всего этого. Мне семнадцать. В феврале исполнится восемнадцать. Глаза ореховые, волосы волнистые, светло-каштановые, но если много времени проводить на солнце, становятся блондинистыми — как сейчас, полагаю. Озеро — не очень-то точное зеркало. Во мне сто семьдесят два сантиметра роста, и рядом с другими девчонками я обычно чувствую себя настоящей дылдой. По словам мамы, у меня хорошая кожа, но мои прыщи доказывают обратное. Я выгляжу нормально. Не модель, конечно, но за собой слежу.

Я люблю «The Killers», Гвен Стефани и «Little Birdy». Графику Эшера. Орландо Блума Серфинг (ужасно!). Но больше всего — читать. Фантастику и фэнтези, но, сказать по правде,

почти все. В университете я собиралась изучать английский, историю и археологию и надеялась найти способ превратить в работу степень бакалавра искусств. Учусь лучше среднего, но ни в чем не блещу. Отчасти потому, что скорее почитаю, чем буду корпеть над уроками.

Моя лучшая подруга — Алисса Колдуэлл. Мне нравится Ник Дейл, кроме тех случаев, когда он мне не нравится. У меня есть брат, Джулиан. Папа ушел, когда мне было десять, но мы видим его почти каждый месяц. Больше всего на свете я мечтала стать остроумной и уверенной в себе, а не просто ошиваться на задворках компании и придумывать блестящие фразочки, чтобы при случае их вставить. Полагаю, теперь об этом можно не беспокоиться.

Находиться здесь — потрясающе. Я в абсолютно новом мире, где лунный свет — вино. Сегодня было тяжело, но на самом деле я хорошо справляюсь, честное слово.

И месячные на подходе. Ненавижу-ненавижу-ненавижу.

Среда, 5 декабря

Войлок

Шерсть уже сидит у меня в печенках. Зато у меня есть одеяло. Возможно. Я разложила его сушиться и надеюсь, что при попытке приподнять оно не развалится.

Бумажный вопрос

Мама любит иногда порассуждать о мифическом безбумажном обществе. Имеется в виду офисная бумага, но меня сейчас больше задевает полное отсутствие другой бумажной продукции. Имея выбор — либо мыть пятую точку в озере, либо после похода в туалет пользоваться листьями (я уж и не говорю о том, что туалет — это дырка, вырытая мной в земле), тоскую по бумаге каждый божий день. Конспектов по истории надолго не хватило, а пускать в ход этот дневник не хочу. Ко всему прочему я сегодня целый день сопливолю, нос заложен, а на уроках истории мне не позаботились рассказать, чем пользовались женщины доиндустриальной эпохи во время месячных, так что мне и впрямь очень не хватает общества с бумагой.

Ну и вот, из-за своего плохого самочувствия я все утро бесцельно болталась по округе, пугала поросят и докучала котам. Внизу амфитеатра, довольно глубоко, есть туннель, достаточно темный, чтобы я не горела желанием сделать что-нибудь еще, кроме как постоять на входе и заглянуть внутрь. Хорошо еще коты ведут себя как бездомные — смотрят и, если подходишь близко, убегают. И хотя их много, кажется, они не собираются вцепляться мне в горло и делать другие несвойственные кошкам вещи.

По-прежнему не рискнула бы взять одного из них на руки.

Сопли льются рекой

Небо потемнело, стало очень жарко. Я спасла свой ремесленный проект, который, к счастью, был почти сухим и не рассыпался на кусочки при первом же прикосновении. С виду он не шибко похож на войлок, скорее, на сдавленную охапку шерсти, которая едва-едва держится вместе, но даже это гораздо лучше, чем скверно сплетенная подстилка из листьев. Мягкий, чистый (слегка зеленоватый) кусочек роскоши.

Заложенный нос развился в грудной кашель. Когда начал надвигаться шторм, самочувствие было совершенно отвратительным, но я заставила себя пойти порыться в ближайшем саду и притащить как можно больше внушающей доверие пищи. О воде беспокоиться не придется, ведь лестницу на крышу перекрыть до сих пор не удалось. Я поставила под нее тазы, а постель разместила напротив стены без окон. Пока дождь еще не начался, но, кажется, он будет сильным. Как и моя простуда.

Пятница, 7 декабря

Идет дождь, болею

Весь день. Так тяжело дышать.

Непотопляемая

В десятом классе на естествознании я сидела рядом с парнем по имени Дэвид. Мы не дружили, даже не общались нигде, кроме этих занятий. Но ладили хорошо. Он был забавный и милый, играл роль клоуна, чтобы скрыть свою застенчивость. Потом перешел в другую школу, а в начале этого года я услышала, что он умер. У него всегда было слабое сердце, и время от времени он из-за этого болел. Я не знала, что сказать, что чувствовать.

Мама говорит, мол, у смерти три недостатка: боль и другие неприятные явления, чувства, которые испытывают потом твои друзья и родственники, и невозможность узнать, что случится после. Мама — атеистка. Она утверждает, что еще не встречала религию, которая не казалась бы ей притянутой за уши. Я — агностик. Мне нравится мысль, что существует нечто большее, однако я не особо напрягусь, даже если все так, как думает мама (ну, что ты просто перестаешь существовать).

Я не слишком хорошо помню последние дни, но все это время меня не покидал ужас от того, что никто ничего не узнает. Что мама никогда не узнает. И да, что я не найду всему этому никакого объяснения.

У меня здоровая семья. Простуды иногда, небольшая температура, ветрянка. Я и в больнице-то ни разу не бывала. Но вчера крайне в ней нуждалась. Без понятия, как называется моя болезнь. Думала, простудой или гриппом заражаются от других, а не просто внезапно заболевают. Что бы это ни было, я не могла дышать и шевелилась еле-еле. Температура тоже неизвестна — бросало то в жар, то в холод, — но я почти уверена, что как минимум половину времени ловила глюки (если, конечно, под потолком и вправду не кружили драконы и морские чудовища).

Ночью опять шел лунный дождь. Внутри здания все сияло, и я видела, как свет туманом струится через окна. Не знаю, все ли было точно как в прошлый раз, ибо не смогла встать и залезть на крышу. Пьяной себя не чувствовала — впрочем, я настолько очумела, что даже не уверена в реальности произошедшего, — но помню ощущение тепла и расслабленности, и дышать стало гораздо легче.

Сегодня мне не то чтобы лучше, но легкие прочистились, жар спал, и я умудрилась забраться на крышу и сделать эту запись, хоть на сей подвиг и ушел весь день.

Каким бы этот город ни был заброшенным, я счастлива, что его нашла. Даже здесь я все равно уязвима, а без крыши над головой и вовсе не пережила бы последние несколько дней. Сейчас я чувствую себя очень маленькой, но ужасно рада, что дышу.

Столько сил потратила на войлочное одеяло, а теперь оно явно нуждается в стирке.

Скукотища

По моим часам светлеет не раньше десяти утра. А окончательно темнеет около полуночи. Сейчас, когда дышать стало легче, кажется, что ночь никогда не закончится. Сегодня я только и делала, что лежала на крыше и наблюдала за птицами на озере. Беспокоюсь, что чем-то поранила глаза, поскольку кое-что вижу смазано и не совсем отчетливо.

Скоро пойду на поиски еды. А если позже почувствую себя сильнее, то, может, даже попробую выстирать свои шерстяные вещи. Чтобы сохранить рассудок, Касс-первопроходцу нужен какой-нибудь отнимающий кучу времени проект.

Не то чтобы мысль попытаться заново развести огонь наполняет меня энтузиазмом. На такой подвиг я буду способна не раньше, чем через несколько дней — слишком уж много нужно энергии и сил, а я даже по лестнице без сидячих передышек взобраться не могу.

Если за тобой действительно следят, это не паранойя

Сегодня мне лучше — проснулась жутко голодная и вдруг осознала, как же мало ела во время болезни. За утро переделала кучу всего, просто останавливаясь и отдыхая каждые несколько минут.

О том, чтобы разжечь огонь, даже думать пока не хочу, но умудрилась убрать в своей комнате и выстирать охапку шерсти и одеяло. Последнему это пришлось не по душе — на нем появились разрывы. Когда высохнет, нужно быть предельно осторожной, заноса его в комнату, если не хочу остаться вместо одеяла с лоскутами войлока.

Пока оно сохнет, обыскиваю ближайшее здание. Я уже расширила свою коллекцию металлических и глиняных изделий и даже откопала несколько ножей. Они не очень острые, и рукоятки все рассыпались, но у меня есть несколько мыслей, как это исправить. Через несколько дней попытаюсь смастерить драпировку на окна. Также хочется сделать еще одно одеяло. Не будь это настолько тяжело, изготовила бы их целую кучу. Хотя, полагаю, можно и попробовать — чего-чего, а времени у меня навалом.

Глаза все еще утомлены. Расплывается не все и не постоянно, но уже волнуюсь, как бы в конечном счете мне не потребовались очки. Впрочем, эта неприятность — ничто по сравнению с тревожным ощущением, будто за мной все время следят. Ежесекундно чувствую, как кто-то стоит прямо за спиной, или пытаюсь уловить краем глаза движение.

Насколько могу судить, это не кошки. Некоторые бродят поблизости, но я их не особо интересую, пока держусь подальше от амфитеатра.

Особое внимание я уделяю птицам в надежде, что у них есть гнезда в удобных местах. После нескольких недель на красных грушах и грешью мысль о яйцах кажется весьма привлекательной. Также хочу поэкспериментировать с другой возможной пищей, которую нашла. После дня рвоты я немного перепугалась, но сейчас вдруг подумала, а не из-за отсутствия ли некоторых групп продуктов питания так тяжело болела.

Сегодняшняя мантра

Никакое зло
Не притаилось,
Его я краем глаза не ловлю.
И
Никакие когти
Не сверкают
В тени от этой вот двери.
Но
Со мной
Все в порядке,
Просто здорово, я
В своем уме.
Нормальная.
Мне ничего не мерещится.

Они что-то замышляют

У мамы есть диск с той самой, старой музыкальной версией «Войны миров». Там еще марсиане издают этот невероятный звук, так абсолютно противоестественно завывают «У-у-у-у-ля-я-а-а-а», что сразу понятно: ничто на Земле на подобное не способно.

Высматриваю на горизонте треножники.

Звук, конечно, не такой, как на диске, но очень жуткий. Скорбные стоны, настолько низкие, что я их скорее чувствую, чем слышу. Сажу на крыше своей башни, приглядываясь и прислушиваясь, но не могу определить, откуда они раздаются. Кажется, будто стонут сами холмы.

Что бы это ни было, оно большое. Динозавры могут так изгаляться? Последние пару дней я провела в уверенности, что за мной наблюдают, и уже и так достаточно напугана. Вот бы ночью прошел лунный дождь. Или пусть меня осенит гениальная идея, как осветить комнату до самого утра. Развести костер я не в состоянии. Лежу здесь с фигуркой милахи и притворяюсь, будто не одна.

Пока еще не решила, что предпочтительнее: съехавшая крыша или настоящие твари, следящие за мной из каждого угла.

Как мышка

Не все ли равно, съест тебя медведь, лев или же огромный жуткий монстр? Возможно, монстр управится даже быстрее. Вы, наверное, скажете, мол, стать обедом для медведя — естественнее, но по мне, так это просто-напросто знакомое зло. Медведи и львы — хищники, действительно существующие в моем мире, но даже если зубы принадлежат дракону, какая разница?

Хотя некоторые монстры могут убивать медленно. Или, если существует что-то типа души или жизнь после смерти, кое-что может убивать «неправильно», повреждая душу.

Итак, как вы уже догадались, всю ночь я промучилась вопросом, что же выскочит меня сожрать.

При всем при этом ночь была хорошей. После заката шум стих, и все стало как-то светлее. Ощущение, что за мной наблюдают, прошло, и животные вернулись. Я не отдавала себе отчета, но чем явственнее я чувствовала слежку, тем меньше видела животных. Будто все они прятались, пока я, как дура, шаталась по округе.

Основное население города некрупных размеров. Иногда забегут поохотиться серые терьеры, или пробредет мимо олень или громадный лось, но не думаю, что им здесь нравится. Слишком уж открыто по сравнению с лесом. Птицы пикируют на мелких зверьков, и с высоты легче заметить, как что-нибудь приближается. Деревья и кусты тут не настолько высокие и густые, чтобы крупный зверь мог остаться незамеченным. А если монстрокошки здесь и промышляют, то лишь ночью.

Задание на сегодня: перегородить окна на первом этаже. Форту Касс еще далеко до неприступного, но каждая мелочь — шаг в верном направлении. Еще бы в глазах перестало расплываться.

Суббота, 15 декабря

Булочки с маслом были бы очень кстати

Я намотала шерсть на грубую рукоятку самого длинного найденного мной ножа и «заточила» его об камни, а затем вернулась по берегу озера к рощице, через которую проходила, чтобы нарезать длинных бамбуковых палок. Это оказалось на удивление легко, но я уже очень устала, а еще только-только время обедать. Я как те старушечки, которым нужно вздремнуть перед едой.

Охтыжнифигасебе!

Когда я проснулась, в моей комнате были два человека.

Они стояли на вершине лестницы и разговаривали. Я открыла глаза в предрассветной серости и от вида эти неясных черных силуэтов чуть не заработала остановку сердца. Взвизгнула, отшатнулась, а когда они повернулись ко мне и оказались никакими не монстрами, почувствовала себя полной дурой.

Парень и девушка в облегающей черной одежде, вроде как униформе. Похожи на азиатов (черные волосы и глаза и золотистая кожа, хотя у девушки глаза и без этой складки). Я не понимала, что они мне говорят, даже не узнавала звучание языка, но интонация не была угрожающей. Раздраженной или сердитой — возможно, но никаких «готовься-умереть» флюидов.

Они осматривали мою комнату, но ничего не трогали и, кажется, не особо горели желанием приблизиться ко мне. Я по-идиотски обрадовалась, что недавно прибралась, вся еда аккуратно разложена по чашкам и нигде не валяется мусор. И что на мне белье. Девушка все говорила, задавала какие-то вопросы, и я пыталась ответить и не заплакать, оттого что они люди. И пусть понимают меня не лучше, чем я их, но ОНИ ЛЮДИ! Потребовалась вся сила воли, чтобы не закричать и не броситься к ним.

Они перекинулись парой фраз, затем парень поднялся на крышу, а девушка жестом пригласила меня следовать за ней. Первым делом я натянула туфли и собрала рюкзак. Мне показалось, она не против подождать, хоть и держалась на расстоянии, все еще разглядывая комнату, будто подозревала, что я прячу кого-то за кувшином. Я тут же задумалась об эпидемиях. Не потому ли все покинули город?

Девушка отвела меня к озеру, остановилась у камня и указала сначала на меня, затем на камень, а когда я уселась, ушла. Но это было неважно — я все равно не замечала ничего, кроме корабля на озере.

Не лодка. Узкая металлическая шпукovina в форме наконечника стрелы, сероватая с участками темно-синего. Достаточно просторная, чтобы вместить десятки людей, и определенно не примитивная. Кем бы ни были эти люди, они более продвинутые, чем земляне.

Двое в черном, увидев меня здесь, не слишком-то удивились или заинтересовались. Они вели себя так, словно этого не ожидали, но, не обращая на меня внимания, продолжили делать то, ради чего в действительности пришли.

В отдалении на берегу я заметила еще двоих, тоже в черном, а затем от корабля что-то отчалило. Плоская платформа с двумя женщинами постарше, чем пара с Форта Касс, и в не таких облегающих, как черные, костюмах темно- и очень темно-зеленого цветов. И обе тоже такие деловые, весьма твердо указали сначала на меня, а потом на определенный угол платформы.

Не то чтобы я собиралась отказаться. Я смиренно проковыляла вперед и встала, куда велено. Платформа тут же пришла в движение, но я, хоть убей, не могла сообразить, как они ею управляют. Может, с самого корабля?

Женщины всю дорогу переговаривались и наблюдали за мной, будто опасаясь, что я накинусь на них с ножом. Я ничего не видела, кроме коридора корабля, по которому меня

провели в эту комнатку размером с коробку, а потом дверь захлопнули. Помещение такое маленькое, что скорее похоже на шкаф, но каждые несколько минут оно то нагревается, то охлаждается, то начинает жужжать. Возможно, меня облучают от паразитов.

Я здесь уже больше получаса. Жалею, что не успела пописать до того, как меня спасли.

Восхищаюсь виноградом в форме бабочек

Кажется, так давно уже не удавалось ничего написать в дневнике, хотя, судя по моим часам, прошел всего день или около того. С чего начать?

В конце концов меня все-таки выпустили из корабельного шкафа. За мной пришла женщина в очередной униформе — разных оттенков серого с накинутой сверху длинной светло-серой рубашкой. Прямо как врачебный халат. В общем, я не удивилась, что она оказалась каким-то медиком, обследовала меня и ввела несколько инъекций. Для большинства из них вместо иголок использовалось что-то вроде баллона со сжатым воздухом. Самая ужасная была прямо в левый висок, который тут же заболел, потом заболел еще сильнее, и сейчас там тупая непроходящая боль.

Врач много чего говорила, пока осматривала и тыкала меня, и мы разыграли небольшую пантомиму: она показывала на себя со словами «Иста Треммар», а я на себя, мол, Кассандра. Лучшая часть дня, кроме спасения, — душ и туалет (прикольное объяснение жестами). Туалет тут странный: скамья по форме тела с отверстием, без системы смыва и воды. После использования закрываешь крышку, и если снова откроешь, запаха нет. Дно хорошенько рассмотреть не получилось, но вроде выглядит как пустая коробка. Туалетная бумага — довольно толстые, чуть увлажненные квадраты, как детские салфетки. И душ — теплая вода и мыло!

Хотелось остаться там навечно, но, отправляя меня на помывку, Иста совершенно невразумительно махала руками, потому я решила, что нужно поторопиться. Никакого полотенца — стоило выключить воду, и с потолка на меня обрушился поток горячего воздуха.

Мне приготовили белую рубашку, а всю свою одежду пришлось сложить в пластиковый ящик. Найти расческу и зубную щетку не получилось, так что я, как смогла, пригладила волосы пальцами и вслед за Истой поплелась в полную кресел комнату. В медицинском кабинете все было сконструировано так, чтобы аккуратно задвигаться и занимать как можно меньше места, и я почти ожидала и тут увидеть что-то наподобие тесного салона самолета эконом-класса, но нет. Три ряда мягких откидных сидений (гибрид стоматологического кресла и кровати), каждый ряд на собственной платформе. Когда я легла, подушки стиснули меня со всех сторон, словно фиксируя. Своеобразное ощущение, но абсолютно удобно.

Иста сделала мне еще одну инъекцию, на сей раз снотворного. Я успела увидеть, как вокруг моего сидения возник пластиковый (или стеклянный) пузырь, а затем вырубилась и очнулась уже здесь. Не на корабле, в другой небольшой, но не тесной комнатке, на полке-кроватьи из белого камня с матрасом. Тут есть очень толстое пластиковое окно (не открывается) с видом на крышу чего-то, что выглядит как огромная груда соединенных построек: сплошь белые глыбы — до жути напоминает город, в котором я жила, но все здания слеплены вместе, и лишь кое-где встречаются окна и двери. Кроме этого видны только облака и темный беспокойный океан.

Дверь заперта, но я нашла шкаф с чистой одеждой (белье, серые колготки/рейтузы и свободный белый халат). Еще прямо возле окна есть полка из белого камня и стул перед ней, из чего я сделала вывод, что полка — это такой узкий стол. И больше ничего. Я пыталась стучать в дверь, но не отчаянно, типа «я-в-панике-выпустите-меня-отсюда», обыскала все

вокруг и поняла, что делать, в общем-то, нечего — только в окно глазеть. Ну хоть зрение вроде прояснилось.

Зелени не видно. Не представляю, почему все эти люди живут, замурованные здесь, когда бескрайние просторы озер и лесов отданы каким-то кошкам. Я стараюсь по каким-нибудь приметам определить, что все еще на той же планете, но тут нет ничего, кроме зданий из белого камня и воды, а солнца или луны не разглядеть за облаками. Довольно плотное футуристическое воздушное движение. Я немного попрыгала, проверяя гравитацию, но если разница и есть, она так незначительна, что можно списать все на игру воображения.

При мне не оказалось никаких моих вещей, даже часов, так что не знаю, сколько я тут сидела, когда наконец появился мужчина с подносом еды. В той же форме, что остальные, но в розовых и фиолетовых тонах. И он первый, кто вел себя так, словно я интересна, а не просто маленькая проблема, требующая решения. Другими словами, он на меня пялился и задавал кучу непонятных вопросов, на которые я не могла ответить — и все это пока пересекал комнатушку и ставил поднос на стол. Благо, снаружи ждал один из зеленых костюмов, иначе, уверена, «допрос» бы еще долго продолжался. Я чувствовала себя одной из этих детей, выращенных волками, или типа того.

Как только дверь закрылась, я накинулась на еду. Два куска чего-то теплого, желтого и густого. Не сладкого. Разновидность сырого хлеба? Желе с фруктами, а именно с виноградом в форме бабочек. Куча овощей в виде палочек — зеленых, белых и желтых, которые, кажется, естественным путем выросли с мой мизинец в толщину и длину. Желтые на вкус как морковка, косящая под сельдерей, белые — восхитительны, а зеленые — очень соленые. Я долго разглядывала последнюю виноградинку, силясь понять, может ли виноград и впрямь сам вырасти настолько похожим на бабочку. На вкус — ванильные яблоки с текстурой винограда.

Глядя, как я набиваю всем этим рот, вы бы и не догадались, что когда-то я не стала бы ужинать ничем, кроме картошки фри с соусом. Только в старших классах это переросла, хотя и в последнее время порой трепала маме нервы, отказываясь даже пробовать некоторые блюда. Но когда проведешь целых полчаса, раздумывая, а не съесть ли червивые кусочки красной груши ради белка — и даже попробуешь кусочек, — привередой тебя больше не назовут.

Прежде чем человек в розовом костюме вернулся и забрал поднос, прошла целая вечность. Затем зеленый костюм отдал мне рюкзак, так что теперь у меня опять есть этот дневник, часы и все остальное. Даже моя одежда, чистая, но очень потрепанная. И что дальше?

Невнимательная

Просидев в комнате несколько часов, я наконец сообразила, что шкаф — это не единственная внутренняя дверь. Я, наверное, и шкаф бы не нашла, не будь он слегка приоткрыт. Когда он закрыт, видно лишь небольшое углубление. Если на него надавить, панель отодвигается и проскальзывает в стену. Потому-то рядом с более очевидной дверью в коридор я в конце концов заметила еще одно углубление. И оно оказалось дверью, и теперь у меня есть собственная ванная.

После самого долгого в мире душа я разобрала вещи. Они как-то перезарядили мой мобильник. Хотя я почти все время держала его выключенным, за пару недель заряд кончился. Я тут же прослушала все свои мелодии. Потом еще и еще раз. Пять песен от

начала до конца и несколько отрывков. Прослезилась.

И теперь у меня есть игры! Никакого сигнала сотовой связи, что неудивительно, но хоть тупые развлечения, где нужно победить.

Ты тоже можешь сделать впечатляющую карьеру в медицине: присоединяйся к нашей программе подопытных кроликов прямо сегодня!

Пришли два зеленых костюма и проводили меня к двум серым костюмам: той же самой женщине и мужчине помоложе. Думаю, я в каком-то крыле службы безопасности военной больницы. Все в форме.

Головная боль от инъекции усилилась. И новые тычки, уколы, пробы крови и исследования в странных аппаратах отнюдь не помогли. Дико скучно. Единственное, что интересно, — кроме нескольких самых очевидных случаев, я никак не могла понять, как они управляют всеми этими штуковинами.

Я попыталась показать жестами, мол, голова трещит и мне бы аспиричику, благодарю покорно. И меня вроде даже поняли, но в ответ лишь смотрели жалостливо и качали головами. Полагаю, здесь это тоже означает отказ. Ощущения в голове с трудом поддаются описанию — как будто заложены пазухи, но над левым глазом. Из-за этого глаза заволкло серой дымкой с извивающимися червями. Подозреваю плохую реакцию на то, от чего там меня иммунизируют, но во время обследования костюмы не казались хоть немного удивленными или взволнованными.

Мне нужно прилечь.

Взрыв мозга?

Весь день пролежала, свернувшись клубочком в постели. Совсем расклеилась из-за этой головной боли и отнюдь не дружелюбно повела себя с серыми костюмами, когда они пришли проверить, как я тут. Чувствую себя лабораторной крысой. Уверена, здесь повсюду камеры. Не могу даже потушить свет. Нет выключателей.

Такое ощущение, словно передняя левая часть головы сейчас взорвется. Душ немного помогает, или я просто пытаюсь наверстать упущенное. Мыло жидкое, с сильным пряным ароматом. Когда не моюсь, всматриваюсь в зеркало в ванной. Левый глаз покраснел, но не припух. И я ужасно выгляжу. Всегда думала, что похудеть не помешает, но я отошала. Не подозревала, что все настолько плохо. Прошел всего месяц.

Снаружи штормит, но грома не слышно, отчего молнии кажутся странными, будто ненастоящими. Вода выглядит очень темной и необъятной. Я рада, что не там, но уже начинаю жалеть, что здесь. Я просто не могу понять этих людей. Они совсем не удивились, наткнувшись на меня в городе, хотя явно не распознали мой английский. Один из уколов вроде бы излечил остатки сильной простуды, и они покормили меня, одели и поместили в эту комнату. И что-то мне ввели. Не верю, будто это просто прививка. Неужели они находят так много случайных людей с других планет, что считают за норму использовать их для экспериментов? Ведь даже не пытаются найти способ со мной пообщаться.

Если бы голова болела не так сильно, у меня хватило бы сил испугаться.

Изображение стен

С глазами опять что-то не то. Не как тогда, когда некоторые объекты были размыты. Нет, на сей раз я вижу линии. Символы. Будто очертания комнаты поверх самой комнаты, с закорючками там и сям. То ли какая-то голограмма, то ли пора волноваться насчет галлюцинаций.

Голова, кажется, больше не собирается взрываться, хотя до сих пор немного побаливает.

Тронутая

Головная боль более-менее прошла, но сейчас я вижу точку. Зеленую точку.

И эта галлюцинация устойчивая. Похожа на фрагмент игры в шашки, парящий на уровне глаз. Не могу ее потрогать, и, кажется, она не отбрасывает тень. Торчит здесь уже как минимум десять минут.

Я слышала, некоторые люди видят звуки как цвета. И опухоли мозга иногда давят, куда не нужно, и доставляют неприятности. Вопрос, что эта инъекция со мной сделала, уже вышел из разряда просто пугающих.

Кроме того, я заметила, что до сих пор ночь. Перед штормом был день, но с тех пор солнца я не видела. Возможно, я опять в другом мире. Сила притяжения на самом деле слабее, или я просто чувствую себя энергичнее? Действительно ли тут целые сутки темно, или я подрыхла светлое время?

Инъекция слов

Меня опять доставили к серым костюмам и — О-ОХ! — уложили на еще одно кресло типа стоматологического, но с собственным маленьким колпаком. Не могу сказать, что прям горела энтузиазмом, но за дверью караулили зеленые костюмы. Что лучше: быть гордым объектом исследований или избитым бунтарем?

Только я отметила, что в центре этой комнаты тоже есть зеленая точка, как они включили свою жуткую пыточную машину, и сквозь заднюю часть глаз полезли... слова.

Вся прежняя головная боль сразу показалась мелочью в сравнении с введением в башку словаря.

Кто-то и впрямь должен разъяснить этим людям про обезболивающие.

Думаю, у меня начались судороги. Трудно сказать, но помню, как меня держали за руки. Еще я ненадолго теряла сознание, а костюмы потом рассуждали о моем сердцебиении и прочем, но все это как в тумане. Спустя некоторое время я, наверное, отрубилась основательно, и сейчас опять в своей коробке.

В моей голове разместилось великое множество слов. Стоит взглянуть на что-нибудь, как они начинают бормотать. Пока я это пишу, робкое эхо предлагает мне иной набор звуков и изображение причудливых загогулин — полагаю, варианты написания. Сомневаюсь, что теперь «знаю» этот язык, но звуки сами приходят на ум, когда я смотрю на вещи или даже просто о чем-то думаю. В общем, на каком-то уровне я могу понять, что говорят серые костюмы — равно как исковерканные объявления о прибытии поездов на вокзале, когда мельком улавливаешь суть и додумываешь остальное. Не совсем то же, что иметь англоинопланетянский словарь.

Я даже в силах прочесть закорючки, которые мерещатся мне по всей комнате. То есть, взглянув на них, я прям стопроцентно вижу надпись «Нет доступа», но стоит присмотреться повнимательнее, как понимаю, что не узнаю ни букв, ни тем более слов. Странно. И все же язык, залитый прямо в мозг, экономит кучу времени, и не трещи так башка, я была бы довольна на одиннадцать баллов из десяти возможных.

Слишком много информации

После инъекции словаря мне дали несколько часов на восстановление и еще раз поесть, и стало значительно лучше. Затем провели в комнату, похожую на зал заседаний, для разговора — настоящего разговора! — с первым серым костюмом и еще одним новым. Но встроенный переводчик еще не значит, будто я могу автоматически произносить их слова или понимать грамматику, так что я в основном слушала и старалась разобраться, какого черта вообще происходит. Особенно сильно с толку сбивали небуквальные фразы — ну как что-нибудь типа «развесить уши», несомненно, смутило бы самих инопланетян. Они говорили очень медленно, а на столе лежала пленка, которой пользовались как компьютерным экраном. На ней мне в помощь показывали картинки, что оказалось весьма кстати. Первый увиденный здесь экран — во всех комнатах, где я была, на удивление пусто.

Отзвук в голове уже сообщил мне, что «иста» в имени «иста Треммар» — это звание, что-то типа доктора. Другой серый костюм — са Лентс, и подозреваю, что «са» — это общее уважительное обращение. Он будет моим попечителем.

Много веков назад люди — лантары — обитали на той планете, где меня нашли. Она называется Муина. Лантары были преданы науке и близки к Эне (что по непонятной причине, кажется, означает «пространства»). В общем, они вызвали катастрофу, которая «сотрясла пространства». Из-за этого объявились тысячи мутантных монстров — ионотов — и начали поедать людей, так что все лантары сбежали на другие планеты. Конкретно эта называется «Тара». Жизнь тут не из легких, и иногда сюда проникают те самые ионоты.

В последнее время люди с Тары опять начали путешествовать по разным планетам, чтобы попытаться решить проблему с монстрами. Они нашли другие миры, где поселились потомки сбежавших с Муины, но считают, что жить на самой Муине пока еще слишком опасно. Весь встреченный мной народ в униформе состоит в здешней исследовательской организации по защите от ионотов (называется «КОТИС» — либо какая-то аббревиатура, либо просто не переводится).

Помните, я писала, что никто особо не удивился, обнаружив меня в городе? Ну, так оно и было. По их оценке, не менее двадцати человек в год случайно переносится из одного места в другое через нечто, по описанию похожее на туннель: или на Муину, или в один из известных миров, или куда-нибудь еще. Они находят около половины — кого живым, кого мертвым. И если родной мир счастливица известен, его отсылают обратно.

Земля, как вы, наверное, догадались, не входит в число известных миров. Мне задали кучу вопросов в надежде понять, не появлялся ли тут уже бродяга с моей планеты. Да, тех, кто случайно проходит через туннель, называют «бродягами». Са Лентс — что-то вроде антрополога. По его словам, ни один из миров не подходит под мое описание Земли, и он с нетерпением ждет возможности узнать и написать о ней. Повезло ему, полагаю.

В любом случае, я была права, когда говорила, что в город костюмы явились вовсе не ради моего спасения. Есть особенный вид ионотов — ддоры (громадины), очень редкие. Из того немногого, что я поняла, они вроде как киты Эны. Что ж, громадины и впрямь громадные, если это они издавали тот неопиcуемый звук, перед тем как меня нашли. Тарианцы обнаружили одну ддору на Муине и кинулись было ее изучать, но опоздали и взамен получили всего лишь меня.

Трудно поверить, что земляне пришли с какой-то другой планеты. Во-первых, будь это правдой, у нас сохранились бы легенды или сказания об ионотах или об этой странной Эне, или о Муине. Хоть местные и говорят, мол, все случилось несколько тысяч лет назад, «современные» люди живут на Земле как минимум десятки тысяч лет. Так что не убедили. Впрочем, скорее всего, какая-то связь да есть, ведь люди с Тары выглядят в точности как земляне.

Бродяги считаются своего рода беженцами, и если забыть про то, что я из «нового» мира (и потому вызываю легкое любопытство), во мне нет ничего особо необычного. К счастью, кажется, политика в отношении беженцев на Таре отличается от австралийской. Обязательное задержание мне бы вряд ли понравилось. Но хотя тарианцы пытаются найти все планеты, куда расселились муинцы, а значит, в некотором роде пытаются найти и Землю, они не хотят меня обнадеживать. По всей видимости, в последнее время ионоты совсем распоясались, и сейчас местные ребята больше заняты защитой, чем исследованиями.

Са Лентс станет моим опекуном. Еще немного карантина и обследований, и я начну вливаться в общество, а потому по крайней мере пару лет, пока учу язык и получаю навыки, достаточные для работы, буду жить с са Лентсом и его семьей. И так уж удачно совпало, что он напишет небольшую научную статью про Землю. У него две дочери: одна старше меня,

другая — младше. Старшая недавно уехала из дома.

Иста Треммар и са Лентс начали обсуждать, сколько мне нужно времени, чтобы научиться использовать «Куну» (это слово, кажется, также означает «пространства»), и мы немного поговорили, из-за чего я только еще больше запуталась, пока наконец не сообразила, зачем мне сделали инъекцию в висок. С «пространствами» я так и не разобралась, но, насколько поняла, в плане компьютеров, сетей и вообще виртуальности местные намного опережают землян, и прежде чем впихнуть в меня словарь, им пришлось установить мне в голову интерфейс.

Я — киборг! На Таре используют нанотехнологии, и последние несколько дней, пока компьютер встраивался в мозг, голова у меня разрывалась. И точка в центре комнаты и всплывающие слова — не галлюцинация. Это просто дисплей с настройками по умолчанию. Прежде чем меня отошлют с са Лентсом, мне нужно будет пройти базовое обучение по связи-с-виртуальным-окружением-с-помощью-интерфейса. На данный момент у меня ни к чему нет прав доступа, так что я могу видеть только точку.

Только что перечитала последнюю длинную запись, и она совсем не похожа на предложенные мне объяснения. Выглядело все так: мне показывали картинки, явно предназначенные для детей, и твердили на своем:

— Муина. Дом. Планета. Дом. Лантары. Люди.

А я сидела там с озадаченной физиономией, ведь встроенный языковой блок позволяет распознавать понятия, но не слова. Не знаю точно, сколько из записанного совпадает с тем, что до меня пытались донести. Картинки помогли больше, чем слова.

Вернувшись в свою комнату и приняв душ, я заплакала. Потому что быть спасенной — еще не значит отправиться домой. И как бы странно это ни звучало, потому что местные мне не удивились.

Скажи «А-а-а»

Еще одно медицинское обследование — отличное начало дня. Если, конечно, это начало. Снаружи никогда полностью не темнеет, и лампы в комнате не гаснут, потому за временем следить сложновато. Трапезы одну от другой не отличить (нечто фруктовое, овощные палочки, хлеб или обработанная рыбная масса), так что ориентируюсь исключительно по тому, когда со мной решают побеседовать, и по часам, которые показывают время совершенно другой планеты.

Способность задавать вопросы, и неважно, насколько медленно, очень сильно изменяет сеансы обследований и тычков. Доктор — довольно милая дама. Она даже извинилась за то, что не дала мне обезболивающих, но, как я поняла, это могло помешать процессу самоустановки интерфейса.

У нас состоялся длинный, пусть и несколько детский разговор об интерфейсе, после чего я окончательно запуталась. Из головы не выходит картинка, как маленькие ниточки разрывают мой мозг, пока он не вытекает из носа, но судя по полезным иллюстрациям, которые показала мне иста Треммар, наниты настолько микроскопические, что сетью покрывают внутренние стенки сосудов. Компьютеризированный холестерин? По словам исты Треммар, почти у всех бродяг сильная природная связь с Эной, и почему-то это влияет на то, сколько тела покрыто «полезной площадью» интерфейса. Что снова сбило меня с толку: я просто не понимаю, что такое Эна и как она связана с нанитами.

Может, иметь большой интерфейс хорошо, а может, и нет, но, кажется, важно лишь умение его использовать. Эти люди все время связаны с очень сложным виртуальным миром, и начинают жить там, едва научившись ходить.

«Куна» вроде переводится как «виртуальное пространство». Наверное. Ужасно не хватает настоящего словаря, а не этих довольно туманных ощущений, будто то, что они говорят, похоже на то, о чем я знаю. До сих пор не совсем догоняю, что подразумевают под Эной. Может, это какое-то другое измерение? Или мир злых духов? Тот факт, что она участвует в очень быстрых путешествиях с одной планеты на другую, наводит на мысли о гиперпространстве, но ведь гиперпространство — это всего лишь научно-фантастический термин, который придумали люди, нет?

Так себе

Не спится. Даже не уверена, что сейчас мне положено спать.

Сегодня был мой первый сеанс с са Лентсом. Я сообщила ему, мол, сомневаюсь, что земляне произошли от муинцев, а он ответил, дескать, выходцы с Муины, осевшие в других мирах, тоже забыли свои корни, и что я, судя по генам, определенно потомок муинцев. Я уж не стала указывать, что все может быть наоборот, и это муинцы — потомки землян.

Остальное время мы занимались географией. Я нарисовала пальцем на покрывающем стол экране очень корявую карту Земли и вписала страны, которые смогла вспомнить.

Завтра, как только костюмы убедятся, что инъекция языка, на которую я отреагировала «плохо», не вызвала никаких необычных реакций, мне полагается приступить к изучению интерфейса. Очень скучно. Жаль, что я не захватила для компании свою фигурку милахи.

Цифровое сознание

Больше никаких жалоб на скуку. Изучая интерфейс, начинаю понимать, что такое иметь в голове компьютер.

Курс предназначен для маленьких детей и наряду с использованием интерфейса учит их читать. Только читать. Они не учат детей писать. Вроде бы очевидно, и все же так странно. Если выбрать букву из алфавита быстрее, чем написать, зачем зря напрягаться? Со мной занимается сложная программа, которая выглядит как приятная леди чуть за тридцать. Сана Дора. До меня слишком долго доходило, что она не настоящая личность в реальном времени, но наконец я все-таки осознала, что, стоит прервать ее своими корявыми вопросами, она отвечает, а затем продолжает говорить с того же самого места, где остановилась, абсолютно тем же тоном.

Занимаюсь уже целую вечность — очень уж хочется выйти из этой комнаты — и чем лучше осваиваю основы, тем замысловатее становится обучение. Сначала были только я и сана Дора. Мы стояли в живописном зале, и сана велела нажимать кнопки, которые я видела перед собой. Не могу внятно описать, как я это делаю. Они просто пролетают мимо и активируются по моему желанию. Следующая ступень — алфавит. Интерактивная игра «Прикоснись к букве», которая любой 3D-фильм заткнет за пояс. Кажется, будто нахожусь в своей комнате и одновременно в этом красочном мире летающих букв, цветов и умильных животных. Два мира налагаются один на другой. Это сильно обескураживает, если не закрыть глаза и не заблокировать реальность.

В их алфавите двадцать восемь букв.

86400

Я могу выключить свет! Это кажется таким достижением, но насколько я поняла, означает лишь, что обучающая программа считает меня пятилетней. А еще я могу открывать внутренние двери, не касаясь замков, и затемнять окна так, что они выглядят как сильно тонированное стекло. Все это чрезвычайно

легко — просто после выполнения обучающих упражнений у меня повысился статус, и теперь я могу пользоваться некоторыми незначительными жилищными функциями. Введенный язык также чуток прижился — в ближайшее время прилично я не заговорю, но он помогал мне на всех этих детских уроках. Полагаю, это можно назвать ускоренным обучением, и я двигаюсь вперед семимильными шагами — уже даже могу задавать вопросы посложнее.

Во время вчерашних занятий с са Лентсом мы с помощью моих часов пытались сравнить продолжительность земного и тарианского года. К счастью, хотя для цифр они используют другие закорючки, их система счисления, по-видимому, такая же, как наша. Не представляю, как бы справлялась, используй они двоичную или троичную, или какую другую. У меня хорошо с математикой, но не *настолько*.

Несмотря на встроенный в голову калькулятор, все равно очень трудно думать их цифрами, так что я пользуюсь ими только для умножения и деления больших чисел, а расчеты провожу в конце дневника. Са Лентс говорит, мол, я пишу очень интересно — для него это наверняка что-то типа наскальной живописи.

Итак, в одном земном году примерно три тарианских. По тарианскому летосчислению са Лентсу уже больше ста. Их «жилые сутки» — около двадцати шести земных часов, и они точно разделены на десять «часов» по сто «минут» каждый. Здешние секунды немного отличаются от земных, и их по сто в каждой минуте. Каждый пятый из таких дней — солнечный (этим и объясняется, почему на улице так подолгу темно). Я совершенно не понимаю, как на планете день может быть длиннее, а год короче, чем на Земле, и при всем при том такая же гравитация.

Взгляд в себя

Ден = секунда

Джоден = минута

Кассе = час

Каороне = жилые сутки

Као = сутки (один цикл день-ночь)

Так что мое имя немного похоже на местное обозначение отрезка времени. Гораздо лучше, чем земное толкование. Кассандра означает «та, что ловит мужчин в сети» — наверняка самый отстойный смысл, какой только может быть у имени. И это если не углубляться в проклятие Аполлона, когда все считают тебя сумасшедшей, и ты знаешь, что все закончится очень печально, но ничего не можешь с этим поделать. Никогда не понимала, почему мама так меня назвала — обычно в таких вопросах она разумнее. Я могу сходу озвучить с десятков миллионов имен, которые понравились бы мне больше, чем то, что означает трагическую никчемность и сумасшествие.

Да, я повторяюсь, но мысль о собственном безумии действительно сводит меня с ума. Ну, то есть, проходить на другие планеты через трещины во Вселенной? Компьютер, встроенный в мозг? Вероятность, что я все же хихикаю в смирительной рубашке, становится все выше.

Но я не свихнулась. Я бы знала, где-то в глубине души точно бы знала, что это все мое воображение. Иллюзия. Начнем с того, что я бы никогда не выдумала такую сильную болезнь или волдыри от туфель. Мне это не мерещится. Не мерещится.

...

Нужно побольше спать и поменьше заниматься интерфейсом. Тогда я перестану так изводиться из-за глупостей.

Вторник, 25 декабря

Шлю привет

Счастливого Рождества, мама. Счастливого Рождества, папа. Счастливого Рождества, Джулс. Будь у меня сейчас возможность как-то вас приободрить, я бы это сделала.

Вперед, к новой жизни

Меня выпустили из Института! Последний медосмотр показал, что в тщательном наблюдении больше нет нужды, и са Лентс взял меня «на поруки».

Однако кое-что, сказанное доктором перед выпиской, заставило меня очень ясно осознать, в каком обществе я оказалась. Недавно у меня появились минимальные права доступа к окружающим системам, но здешнее правительство имеет право доступа ко мне. Мой интерфейс отнюдь не односторонний, и не я его контролирую. Это и школа, и развлечения, и датчик здоровья, и сигнализация. Он пошлет сигнал тревоги в случае моей болезни или травмы, и он в силах заставить мозг регулировать выработку гормонов. По умолчанию меня «отрегулировали» на невозможность зачатия. Тут очень жесткие правила по поводу рождения детей, и чтобы зачать, нужно разрешение. На каждого ребенка. Надо пройти какие-то тесты, подтверждающие, что ты станешь достойным родителем, и тому подобное.

То, что меня посадили на противозачаточные без моего разрешения... вызывает очень странные чувства, особенно учитывая наш неловкий разговор с мамой насчет детей в начале года, перед свиданием с Шоном Джи. Мы с Шоном дружили несколько лет и пытались понять, не сможем ли стать друг для друга чем-то большим, но идея оказалась провальной. Мы пробовали всего-то пару раз (а потом жуткое смущение привело нас в чувство) и были крайне осторожны, но при желании я вполне могла бы родить ребенка. Здесь такого выбора нет. Для начала мне пришлось бы заполнить анкету и надеяться, что кто-то там поставит печать «ОДОБРЕНО».

Са Лентс берет меня к себе домой в место под названием «Унара». Придется долго лететь на самолете (или танзе, как тут называют эти космические летающие машины — они совсем не похожи на наши самолеты). Это займет несколько часов, но учиться пользоваться интерфейсом я могу где угодно. Мне в голову встроен целый мир, который надо освоить, и он питается от моего собственного тела, так что, пока сама не выдохнусь, батарейки не сядут.

Теперь, вызубрив несколько основных слов, я все увереннее пользуюсь интерфейсом. Принципы работы не слишком-то отличаются от электронной почты или браузеров, только без мышки и клавиатуры. Кое к чему у меня еще нет прав доступа, но мне пришлось прерваться и записать информацию вводных уроков о том, как сохранять в личной библиотеке все, что вижу и слышу. Каждый человек на Таре — система видеонаблюдения. Об этом определенно стоит помнить, разговаривая с кем-нибудь или просто находясь в пределах чьей-то видимости и слышимости. Без конца твержу себе, мол, это как наши доступные всем мобильники и YouTube, но трудно хоть чуть-чуть не ужаснуться.

Общаться с людьми — все еще очень сложная задача. Слушать получается более или менее сносно (по крайней мере, улавливать общую идею), но пройдет еще целая вечность, прежде чем я смогу нормально разговаривать. Я не *знаю* слова. Это не как настоящий словарь. Невозможно ввести «кот» и найти «ниар». Вместо этого я думаю «кот», а мой мозг выдает кучу возможных слов и еще больше полезных подписанных картинок. Но порой фиг поймешь, что означает то или иное изображение — животное, хищник или котенок? — а с абстрактными понятиями все еще хуже. Когда люди говорят, голова наполняется

картинками, ощущениями и странной уверенностью, будто я знаю, что они говорят, но при этом не догоняю, откуда. Чтобы смысл дошел, точный перевод не обязателен. Стараюсь уразуметь, как сделать мысленные заметки о словах, в значении которых уверена.

Так или иначе, я рада хотя бы выбраться с этой военной базы.

Перегруз

До сегодняшнего дня я почти никого не встречала. Пару ребят в черном еще на Муине, затем несколько зеленых и серых костюмов и парня, который приносил мне поесть. А говорила вообще лишь с двумя — с са Лентсом и истой Треммар. В здании КОТИС я, в сущности, видела только три комнаты и несколько коридоров. Но самое главное — мой интерфейс был на самом нижнем уровне из возможных.

Пока мы летели (закрытым военным рейсом), са Лентс учил меня пользоваться новыми интерфейсными фишками. Это немного смахивает на выбор, посмотреть фильм с субтитрами или без, но гораздо круче. Когда я включила опцию «Публичная информация: люди» и узрела парящие над головами имена, то не выдержала и рассмеялась. Вселенная «Варкрафт» без наплечников. Скорее всего, скрыть свое имя невозможно — как и полностью обрубить правительству доступ к своей голове.

Есть куча способов отображения или фильтров. Под тегом «Открыто» хранится уйма информации, доступной каждому, которая разбита на разные уровни: экстренные ситуации, навигация, оформление, объявления, развлечения и все в таком духе. И еще есть «Закрыто» или «Ограничено» — то, что можешь видеть только ты или избранная группа. Научив меня включать и выключить все эти способы отображения, са Лентс велел оставить только навигацию и оформление до прибытия в Унару. Хороший ход.

Тара невероятно перенаселена. Я не понимала, до какой степени, пока сидела взаперти, но людей тут, как селедок в бочке. Судя по описанию са Лентса — и по карте мира, которую он научил меня просматривать, — на планете много мелких островов, но только два приличных участка суши, и даже они по размеру больше смахивают на Тасманию, чем на Австралию. Унара занимает почти весь остров под названием «Вехана». Никаких пригородов, нет даже небоскребов, только эта уходящая глубоко под землю и поднимающаяся высоко над поверхностью бескрайняя глыба из белого камня — такая же, как Институт, но куда громаднее. Прямо человеческий улей. Внешних окон типа тех, что были у меня, почти не видно. Они и не особо популярны, потому что заставляют людей чувствовать себя выставленными на обозрение и незащищенными. Я не смогла понять, что имеет в виду са Лентс: действительно ли окна небезопасны или это своеобразная агорафобия?

В общем, мы летели по очень плохой погоде над темными неприветливыми водами, пока не достигли Карче Лэндинга — главного аэропорта Унары, которая по размеру больше, чем все крупные города Земли вместе взятые. Куда ни глянь, *везде* люди, снуют во все стороны. Даже два включенных фильтра оказались чересчур. В Унаре «оформление» предполагает голограммы рыб и облаков и извивающиеся по всему зданию узоры. Слишком много цвета и движения. Я его отключила.

Са Лентс, кажется, не возражал — или просто не удивился, — когда я вцепилась в его руку. Теперь, прокручивая все в голове, я понимаю, что на самом деле это был просто гигантский торговый комплекс, только просторнее и с посаженными повсюду растениями (в основном овощами). Еще обстановка слегка напоминала «Джетсонов» своими стеклянными туннелями и мчащимися по ним длинными поездобразными штуковинами. Давно я так не пугалась, как из-за этого бесконечного движения, толп людей и высоты центрального

атриума Карче Лэндинга. И шума. Улей гудел.

Мы сели на один из стеклянно-колбочных поездов, в котором, к счастью, шума было почти не слышно, так что я смогла немного прийти в себя и глазеть только на людей. Я не осознавала, что здесь не все азиаты (или выглядят как азиаты, неважно: людей с черными волосами, золотистой кожей и азиатскими глазами я называю азиатами). Примерно один из десяти тарианцев выбивается из образа. Я не заметила никого темнокожего или бледного, с нордическим типом внешности, но встречается множество переходных оттенков, и я не единственная светлокожая шатенка, так что хотя бы не сильно выделяюсь.

Либо мы не так генетически похожи, как мне сказали, либо тут модно красить волосы, особенно в цвета вроде лаймово-зеленого. Одежда почти нормальная, хотя в официальный мужской костюм, кажется, входит длинное пальто или мантия. Я уж было решила, что все на планете носят обтягивающую униформу, но оказалось, только военные. Ненна — младшая дочь са Лентса — одевается так, будто вынырнула прямиком из какого-то видеоклипа, но, думаю, попытку описать Ненну я оставлю на потом. Мне уже давно пора спать.

Здесьние подростки разменяли пятый десяток

Дочь са Лентса, Ненна — неиссякаемый источник разговоров. Да и просто неиссякаемый источник — все время двигается, пританцовывает, носится туда-сюда. Мне она нравится, но я рада, что мы живем не в одной комнате.

У Лентсов квартира с тремя спальнями в районе под названием «Кессин». До сих пор они очень хорошо ко мне относились, хотя са Лентс постоянно на работе в каком-то университете, а его жена, Кетта, насколько я поняла, трудится кем-то вроде брокера фондовой биржи и почти все время проводит в своем домашнем офисе, уставившись на нечто мне невидимое. Са Лентс на несколько дней поручил меня заботам дочери, дабы она помогла мне приспособиться, пока не возобновились наши беседы. Он знает, что говорить мне намного тяжелее, чем слушать, а у Ненны очень хорошо получается объяснять все подряд, задавать вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет», и подшучивать над моим младенческим статусом. Впрочем, я пока и двух слов связать не могу, так что дотошные расспросы попросту бессмысленны.

Ненна очень взбурена возможностью приглядеть за бродягой. Она начала самозабвенно объяснять, как менять украшения стен и получить доступ к куче развлечений, и рассказывать, что, по ее мнению, стоит посмотреть и послушать. А еще заставила меня примерить ее одежду. Как там поется? «Из нас получатся прекрасные домашние любимцы». Да, чувствую себя новым питомцем, есть немного, но на самом деле Ненна просто нормальный ребенок, и намерения у нее исключительно благие.

Сразу же выяснилось одно: она абсолютно помешана на черных костюмах. Сетари. Это слово означает «эксперты» или «специалисты», или типа того, и после двух фильмов, кучи постеров-голограмм в пространстве комнаты Ненны и ее бесконечной болтовни о них я уяснила, что сетари — своего рода парапсихические солдаты. Она была крайне разочарована, что я видела только двоих, и то мельком.

Фильмы очень помогают, хоть пока и непонятно, насколько там все близко к реальности или преувеличено. Один был таким трехмерным, что в попытке уследить за всеми событиями приходилось оборачиваться, но в остальном — довольно похоже на Голливуд. Полагаю, это значит, что культурные различия между нами не так уж и велики. И пусть большая часть сюжета выше моего разумения, просмотр значительно расширяет словарный запас: я выхватываю наиболее часто встречающиеся фразы и приветствия. Если к моим занятиям по интерфейсу добавить фильмы и телепередачи, станет куда легче и интереснее.

Сейчас Ненна в школе. Да, многое можно изучать по интерфейсу, но посещение уроков все равно обязательно — ради спорта, лабораторных работ и других групповых занятий. Настоящий солнечный свет в город не проникает, так что вместо официальных дня и ночи каждые сутки делятся на три смены. Ненна учится в третью, четыре дня из шести, и тогда я могу от нее отдохнуть. Как ни приятно, что есть желающий со мной поговорить, все же хорошо порой посидеть в тишине и подумать.

Пока мне нельзя выходить из квартиры, но са Лентс пообещал, что разрешит Ненне устроить мне экскурсию, как только я немного освоюсь.

Это не мой мир

Сколько бы я ни замечала сходств с Землей, отличий не меньше.

Начнем с того, что на Таре и не демократия, и не монархия. Как я поняла из разговоров с са Лентсом, тут своего рода квази-меритократия. Чтобы получить ответственный пост, нужно пройти экзамены на связанные с этим знания и практические навыки. По-видимому, сдавать экзамены нужно почти для любой должности. Доказать свою пригодность. Высшие невоенные чины в правительстве — лаханги (своеобразные мэры, только вот на их попечении города с населением в десятки миллионов), и каждый житель может подать заявление, чтобы стать лаханги. Соискатели должны пройти целую кучу тестов, а затем совет выбирает из набравших наивысшие баллы. Я спрашивала са Лентса, возможно ли подтасовать результаты или купить лучшие баллы, или хотя бы подкупить совет, но он постарался увильнуть от ответа и заявил, мол, такие вещи трудновыполнимы, однако никакая система не совершенна.

Я уже размышляла о мошенничестве и о том, означают ли встроенные в голову компьютеры полное отсутствие преступности, но все не так однозначно, как я полагала. За гражданами не наблюдают постоянно, но, например, при проникновении в чей-то дом без разрешения там находится включится тревога. Если ты на кого-то нападешь, жертва может немедленно переслать спасательным службам изображение того, что видит. А если тебя оглушат, интерфейс направит сигналы с просьбой о помощи. В одном из просмотренных с Ненной фильмов преступники через специальную программу меняли то, кем их считала система, и получали неположенные им разрешения. Скорее всего, это примерно так же правдоподобно, как любой выходящий за рамки разумного голливудский сюжет про хакеров, и все же основывается на возможном. Тара производит впечатление работающего, упорядоченного и законопослушного, но ни в коем случае не идеального общества. Я еще не скоро забуду про принудительный контроль рождаемости. И да, еще их атакуют монстры. Во всех предложенных Ненной фильмах есть или симпатичные парни, или атаки монстров, или и то, и другое — в общем, они не так уж отличаются от тех, что я смотрела дома, ха.

А еще тут не носят шпилек. Забавно, что я это заметила. Гардероб Ненны набит сапогами на платформе и сандалиями, плюс несколько пар лодочек, и в фильмах героини носят то же самое. Не видела, чтобы кто-то ковылял на острых высоких каблуках. Макияж и прически довольно похожи — разве что яркие цвета очень популярны, — и кажется, здесь есть сложный обычай наносить на лицо красновато-коричневые рисунки. Геометрический узор для парней, волнистые завитки для девушек, обычно на одной щеке, в углу лба или вверх от горла. Как я поняла, чаще всего так разукрашиваются с формальной, парадной одеждой.

Печатных книг не видела вообще. Отстой. Я не против текста на экране, и если читать внутри головы, не отсвечивает, глаза не устают, но это просто не то же, что нормальная бумажная книга. И я ни разу не ела ничего мясного, кроме рыбы, да и ту не слишком часто. По крайней мере, думаю, что это рыба. Может, они готовят монстров, на которых охотятся.

Хотя обычно на Таре сохраняют фамилию в браке, традиционно муж принимает фамилию жены, так что Лентс — семейное имя жены са Лентса. Это вроде даже круто.

За пределами звезд — общество злого потребления

У меня есть деньги. Пособие с очень длинным и туманным официальным названием, но в сухом остатке получается «стипендия для заплутавших инопланетян». Ненна и ее мама берут меня прикупить одежды и посмотреть на какой-то вид спорта под названием «тайро».

Все еще мечусь между живейшим интересом и неожиданным желанием заорать. Мне намного больше по душе ходить по магазинам на Таре, чем голодать на Муине, так что «ура!» относительно милосердной инопланетной цивилизации. Но пособие — это громкое и ясное послание, что дальнейшие планы таковы: я учу язык, нахожу работу, строю здесь жизнь. Отправить меня домой попросту не является для этих людей приоритетом.

Работаю над чувством благодарности.

Покрасовались

Ненна считает мой вкус в одежде очень скучным, но в остальном день прошел хорошо. Трудно не наслаждаться покупками, и я нашла шмотки себе по душе, и каким-то чудом моя голова не взорвалась от наслоенных с помощью интерфейса изображений, которые были повсюду. Еще я умудрилась не слишком пялиться на редких прохожих с реально вопиющей внешностью: светящиеся голубые схемы под кожей, постоянно перетекающая и меняющая форму одежда и отростки волос, которые вытягиваются и трогают всех, кто оказался рядом... Ненна называет их «тэба». Думаю, это что-то типа готов. Или авангардных художников-экспериментаторов. Вот уж кто очень красочно напомнил, что я не просто в каком-нибудь старом торговом центре.

Но главное: тайро рулит.

Представьте себе большие стеклянные коробки с рядами зрителей снаружи вдоль стен. На каждой стене по лунке, все разного цвета. И шесты на различной высоте — совсем как насесты для канареек. Прибавьте четыре команды, играющие во что-то типа экстремального гандбола тремя мячами одновременно. Затем превратите игроков в абсолютные подобию Человека-паука, которые могут запрыгивать на стены, отталкиваться от лунок и скакать-крутиться-кувыркаться. И летать.

Парапсихические таланты, прямо как черные костюмы. Эти суперспособности каким-то образом связаны с Эной. Похоже, почти все на Таре могут в той или иной степени ей пользоваться, хотя что-то типа полета — только для элитных спортсменов.

А возможно, Эна или интерфейс усиливают естественные парапсихические способности. Ненна слишком уж сумбурно все объяснила.

В любом случае, смотреть матч по тайро было очень весело. Игроки отскакивали от стены прямо передо мной и вообще вытворяли такое, что Цирк дю Солей позеленел бы от зависти. И мы прекрасно пообедали, а потом мама Ненны поговорила со мной... ну, о девичьем, как тут все это делается. Для начала, из-за противозачаточных у меня не будет месячных, и это большой плюс. И она вручила мне крем, офигительно удаляющий волосы (наноси раз или два в год, и никакой щетины) и дезодорант в виде восковых палочек. Еще она дала мне несколько советов по этикету, и я аж расплакалась, так сильно она напомнила мне маму — такая же сдержанная, спокойная и уютная, — и она обнимала меня, пока я выставляла себя полной дурой, и сказала, мол, мне не нужно притворяться, что я не тоскую по дому и не напугана.

Январь

Вторник, 1 января

Тройной Новый Год!

С Новым Годом! Жаль, что я сейчас не люблюсь фейерверками. Интересно, празднуют ли местные наступление нового года хотя бы наполовину с таким же размахом? Ведь он тут каждые четыре месяца.

Сегодня приезжает старшая сестра Ненны, Лиана, и мы пойдем на Крышу. Я знаю, что Ненну экскурсия немного тревожит: на этой планете снаружи в основном либо холод и шторм, либо холод и ветер, и большинство людей попросту туда не суются. Я пыталась описать ей Австралию, и думаю, Ненна распсиховалась бы даже от Сиднейской бухты, не говоря уже о чем-нибудь типа аутбэка. Тарианцы предпочитают исключительно закрытые помещения. Не то чтобы я исходила буш вдоль и поперек, но, уф, надеюсь, Ненну никогда не перебросит на Муину.

Фьють

Как я поняла, для Тары день выдался хорошим. Дождь не лил, небо лишь слегка затянуло облаками, а ветер не сбивал с ног. Море виднелось далеко внизу и выглядело как на одной из этих картин с накренившимися от шторма парусниками. Но даже оно не шло ни в какое сравнение с подавляющей необъятностью города. Крупнейший участок суши на планете — и почти весь занят цельной глыбой из белого камня, похожей на ассиметричную ступенчатую

пирамиду без конца и края.

Снаружи было достаточно оживленно, но почти вся активность сводилась к танзам (воздушным кораблям), взлетающим и садящимся в отдалении. Я заметила на этих безбрежных белых просторах еще несколько человек. Ремонтники, по словам Лианы.

Она, кстати, серьезнее и не такая славная, как Ненна. Не грубила, но и не смогла скрыть, насколько для нее утомительна моя медленная и корявая речь.

Дары моря

На Таре много съедобного выращивают под водой. Я замечала, что некоторые овощи похожи на водоросли, но всех масштабов не осознавала. Также под садоводство приспособили большие атриумы и «парковые зоны», а еще есть бочки с ряской и гидропонные установки. Город занимает не всю сушу, но свободные участки, судя по всему, это в основном поврежденные ветром природные заповедники. Здесь разводят рыбу в океанских «садках», а мясо — невероятно дорогой деликатес.

Сегодня я почти целый день (пока Ненна на занятиях) осваивала интерфейс. Ну, тут уже даже не совсем работа с интерфейсом, скорее школа для детишек. Уроки для шестилеток все еще даются мне с трудом, и они такие скучные. Временами просто руки чешутся посмотреть вместо них развлекательные каналы, но как-то раз наткнувшись на шоу с пометкой (ее я увидела уже позже) «абсолютное погружение», я решила, что лучше подтянуть язык, прежде чем наобум пробовать здешние развлечения. «Абсолютное погружение» — не эвфемизм для порно, хотя, уверена, иногда используется и в этом смысле. Нет, «абсолютное погружение» означает, что каждое чувство, которое возможно записать на интерфейс, транслируется зрителям. Зрение, слух, обоняние и осязание. Я ни разу не забылась полностью. Знала, что сижу в кресле, но поверх этого наслаивался чей-то чужой опыт. Я выдержала лишь несколько минут, а после рванула в душ.

Все время твержу себе, что надо ответственнее относиться к урокам, но после пяти минут арифметики начинаю скрипеть зубами от злости. Я. Недавно. Закончила. Школу. Я знаю сложение. Надеюсь убедить кого-нибудь поскорее подогнать под меня этот тупой курс.

Понятно, что Лентсы дают мне время освоиться, прежде чем что-то требовать, но вскоре са Лентс захочет работать над своим исследованием Земли, и конечно же, я не могу жить с ними вечно. Из того малого, что я смогла накопить с помощью интерфейса, у бродяг, даже когда они выучат язык, не такой уж широкий выбор профессий. И я так и не разобралась, сколько тарианское правительство будет оплачивать мои попытки обустроиться.

Ненна сейчас тоже думает о карьере: завтра у нее несколько тестов на профпригодность, и она делает вид, что не волнуется. Говорит, мол, собирается стать знаменитой певицей, так что ей не нужны отличные результаты на этой проверке. Звезды эстрады почти так же популярны, как сетари. В самом любимейшем сериале Ненны героиня одновременно и певица, и сетари. И как вы, наверное, догадались, без кучи симпатичных парней там тоже не обошлось.

Снимков реальных сетари практически нет. Очевидно, черные костюмы не являются публичными фигурами. Их еще в раннем детстве забирают на остров КОТИС и воспитывают паранормальными солдатами. Встречи с семьей ограничены. Так и не поняла, могут ли они отказаться.

Все летит к чертям

Только что получила назад свой дневник. Случилось много всего паршивого, и я больше не буду жить с Лентсами.

Ненна сдала тест хорошо, и на следующий день ей позволили куда-нибудь меня сводить, отпраздновать. И разумеется, она решила щегольнуть мной перед друзьями.

Мы пошли в нечто среднее между кафе и галереей с игровыми автоматами, где проходят соревнования по «*Dance Dance Revolution*», только на арене красовались парапсихическими способностями. За столиком нас поджидали несколько девушек и пара парней. Быть экзотической диковинкой месяца отнюдь не весело. Не то чтобы они были невежливы или насмехались надо мной. С восторгом слушали английскую речь. Во время рассказа о моем «выживании» внимали каждому слову, хотя мои попытки говорить на тарианском звучали для них полной бессмыслицей. В отличие от людей из КОТИС, ребят в равной степени интересовали и Земля, и Муина. Находиться на свежем воздухе, самому искать себе пропитание, спать под звездами — для тарианцев все это невероятно чуждо и пугающе.

Кроме того, они хотели знать все-все-все о сетари, которых я встретила.

У сетари есть определенный уровень защиты, а это значит, что их невозможно заснять (с помощью интерфейса — думаю, обычная камера сработала бы). При съемке без разрешения видны лишь очертания.

Я нашла хороший способ остановить разговоры, показав им свой мобильник, хотя он снова почти разрядился. Друзья Ненны записали все мелодии и вытянули из меня обещание перевести тексты. Что ж, хорошая возможность подтянуть язык. Кажется, им понравились две песни Гвен Стефани и «*Mr Brightside*». «*Sweet Dreams*» в исполнении Мэрлина Мэнсона всех озадачила, а больше всего по вкусу им пришлась заключительная композиция из игры «*Portal*» — «*Still Alive*», так что, полагаю, местные сходят с ума по слащавым мелодиям. И все же исповедь психованного компьютера-убийцы, противоречащего самому себе, непереводаима.

Немного погодя парни решили помериться парапсихическими силами, и если прежде было просто неловко, то тут все пошло наперекосяк.

Ненна упорно и терпеливо объясняла мне все, что связано с сетари, и к тому моменту я уже знала немного больше о суперспособностях. У всех людей есть связь с Эной. По-видимому, это нечто вроде сверхъестественного измерения (или мир снов, или еще что). Связь проявляется в виде телекинеза, пирокинеза и прочего: известных талантов где-то пара дюжин. У коренных муинцев связь с Эной была гораздо сильнее, чем у большинства современных жителей Тары. Игроки в тайро сильны, но самые мощные таланты служат в подразделении сетари, где одаренных детей загоняют до предела, чтобы увеличить их способности.

Однако с интерфейсом и специальным оснащением в определенных комнатах даже у слабых экстрасенсов может получиться использовать свой дар. Полагаю, этих двух парней можно назвать «проекторами» — они создавали иллюзии. Не очень четкие, но смотреть было весело.

Считается, что у бродяг довольно сильная связь с Эной, и прежде чем пойти домой, Ненна уговорила меня попробовать проекцию рисунков и левитацию. Выглядело так: стою я

в центре комнаты, старательно об этом думаю, и ничего не происходит. Беспокоиться, что случайно что-нибудь подожгу или взорву, не приходилось — в комнате имелся фильтр, потому усиливались только определенные действия. Честно говоря, я даже обрадовалась, что ничего не получилось. Было бы жутковато неожиданно оказаться экстрасенсом.

Способность Ненны — телепортация, хотя она недостаточно сильна, чтобы перескочить дальше, чем на полметра или около того, даже с небольшой помощью. Но смотреть, как она мельтешит с одного места на другое, было поразительно: это делало ее чем-то большим, чем просто болтливый ребенок. Чем-то волшебным.

Если Ненна очень сильно постарается, то может переместить кого-нибудь еще, и она предложила мне «прыгнуть» с ней. Ужасная идея.

Мы прыгнули к ближайшему атриуму и пролетели два этажа. Я сломала ключицу и теперь вся в синяках. Состояние Ненны намного хуже. Она повредила спину, и несмотря на продвинутые нанотехнологии в медицине, надолго загремела в больницу.

Я безумно рада, что она не умерла. Трудно поверить, но я бы этого не вынесла. Видите ли, это все из-за меня. Они точно не знают, но думают, будто есть во мне что-то такое, из-за чего прыжок Ненны пошел не так.

Так что сейчас я на пути в КОТИС. На сей раз не с са Лентсом, а в сопровождении мрачного зеленого костюма. Хоть это и был несчастный случай, чувствую себя просто ужасно. Я ее ранила.

Воскресение, 6 января

Обратно в лабораторию

Бесконечные сканирования. Очевидно, меня уже проверили на предмет потенциальных парапсихических способностей, но обнаружили только возможность стать проектором (наверное, самый бесполезный талант в мире, где каждый сам себе домашний кинотеатр). Когда меня наконец-то отослали поспать — в мою старую комнату, — я не смогла.

Отчасти потому, что все тело болит. Да, сломанные кости латают с помощью нанитов, но им все же нужно срастись как следует, и я должна лежать на спине, чтобы не давить на ключицу. Действие обезболивающих заканчивается слишком быстро.

Завтра еще обследования. Никаких причин сбоя в прыжке Ненны так и не нашли.

На всю катушку

Сегодня они перешли к практическим экспериментам в другой части здания КОТИС — огромной укрепленной комнате со смотровыми окнами и тяжелыми металлическими блоками, выставленными в ряд от маленьких до больших. Зал для испытаний номер один.

Сначала «они» (голоса людей, которых я никогда не встречала, в моей голове) приказали мне встать в центре комнаты и попытаться создать иллюзию или телепортироваться, или сдвинуть маленькую коробочку, или сделать хоть что-нибудь. Я не смогла. Чувствовала себя полной дурой.

Затем они прислали ко мне сетари — парня лет двадцати пяти, поразительно похожего на Джонни Деппа. А еще у него самая приятная улыбка из всех, что я когда-либо видела. Вообще. Он сказал, что его зовут Мейз (а может, Мейс — все тарианские слова пишу очень приблизительно, алфавит невозможно точно сопоставить с привычными мне буквами). Он поочередно поднимал с помощью телекинеза металлические блоки, но сумел добраться лишь до середины ряда. Затем велел мне встать рядом и делать то же, что во время нашего с Ненной прыжка. Я ответила, мол, не делала ничего, просто стояла, пока она держала меня за руку. Тогда Мейз попросил повторить все в точности и взял меня за руку, а я постаралась не выглядеть невероятно смущенной и не думать о том, как сильно Ненна хотела бы оказаться на моем месте.

Он снова начал тягать железо. Осилит где-то две трети ряда и закончил с широко распахнутыми глазами. Ну, я б на его месте тоже так отреагировала, ведь последние несколько блоков были размером с вагон. Затем привели еще одну сетари — очень красивую девушку с заплетенными в длинную косу волосами, ровесницу Мейза. Ее звали Зи, и все повторилось, с той лишь разницей, что ее глаза были широко распахнуты с самого начала.

После потянулась бесконечная череда скучных вариаций держания за руку и поднимания блоков. Как выяснилось, что бы я там ни делала, это продолжает работать еще немного даже после того, как отпустят мою руку. Я вроде как новый талант: увеличитель или усилитель. Далекое не так забавно, как иметь собственные парапсихические способности, но, думаю, волнение и растерянность окружающих — это скорее хорошо, чем плохо. Сейчас опять в своей комнате. Время учить «два плюс два».

Отвалитегады

Они решили расширить мой интерфейс. Как я поняла, у сетари он охватывает все тело, а не только часть головы — это увеличивает их связь с Эной, а значит, и силу. Так что мне поставили кучу «гипоинъекций» — даже в ступни! — и только *потом* сообщили, что сделали. А затем полностью отрубили мой интерфейс, даже языковой блок отключился.

Тара чуть не подверглась нападению Кассзиллы. Могли б хоть сделать вид, что спрашивают. Меня бросило в жар, голова закружилась, я очень грубо и громко высказалась на английском и не закричала лишь потому, что изо всех сил старалась не разреветься у них на глазах. Первый раз был ужасен, мне хватило.

Пятница, 11 января

О. о

Нет слов, так отвратно я себя чувствую. Задумываю очень страшную месть.

Понедельник, 14 января

Тем, кто все еще жив

Что ж, в этот раз они меня почти прикончили. Последние несколько дней провела в реанимации. Мой расширенный интерфейс *на самом деле* увеличился, начались судороги. Вроде бы. Не слишком хорошо помню.

Все еще ужасно себя чувствую; с трудом уселась, чтобы сделать запись. Состояние более-менее нормализуется лишь через несколько дней.

Извинения

Ненна прислала мне письмо. Еще пару дней назад, но мой интерфейс был вырублен. А когда его подключили, дали лишь языковой блок, детский садик и минимум базовых комнатных функций. По словам исты Треммар, остальное вернут после дальнейших наблюдений, и я могу ответить Ненне, но не должна ничего объяснять или распространяться о том, каково здесь. Затем иста дала мне огромный файл с правилами, но, даже будь они на английском, я еще не готова к такому подвигу. Хоть интерфейс и перестал разрастаться, голова по-прежнему раскалывается.

В любом случае, Ненна меня не ненавидит. Она даже извинилась. Так что сейчас мы просим друг у друга прощения. Я ей рассказала то немногое, что сочла безопасным — отец с ней, наверное, все равно поделится, — и пообещала по возможности перевести песни.

Было так приятно получить ее письмо.

Черные костюмы

Сегодня опять тесты с Зи. Отрабатывали базовый подъем. Точнее, она что-то там передвигала, а я стояла рядом, чувствуя себя никчемной и уставшей. И пришла еще одна девушка, Мара — разговорчивая, с невероятно пружинистыми кудрявыми волосами. Она, Зи и Мейз все из «первого отряда», самые старшие сетари. Первый — один из трех первоначальных боевых отрядов, сформированных из детей, которых интенсивно обучали сражаться с монстрами из Эны.

Посчитав их ранние результаты многообещающими, тарианское правительство расширило программу, и сейчас имеется дюжина отрядов сетари по шесть человек, большинство на пять-семь лет младше, чем ребята из первого. К тому же многие только учатся — те, кого еще не признали годными для активной службы. Программа сетари действует уже шестьдесят лет (двадцать земных).

Все это я узнала от Мары, пока Зи выясняла, изменятся ли ее временно увеличенные силы, если находиться от меня на расстоянии. Основной талант Мары — скорость, но еще она может создавать извивающийся светящийся луч, похожий на режущий хлыст. Я сделала ее еще быстрее, чем сильно порадовала, но что-то в действии хлыста всех ужасно потрясло. Он получился другого цвета, и они целую вечность озадаченно его изучали. Затем меня вернули в мою комнату-коробку. Терпеть не могу быть лабораторной крысой.

Еще лабкрысение

Через несколько часов меня вызвали для дальнейших экспериментов с первым отрядом — на сей раз в полном составе. Четыре девушки (Зи, Мара, Алей и Кетзарен) и два парня (Мейз и Лон). Всем лет по двадцать пять, все в черной форме, выглядят крепкими, крутыми и... измученными. Не хотелось спрашивать, не слились ли для них воедино все эти годы сражений с монстрами и предвидится ли конец.

Форма сетари очень интересная — податливая и эластичная. Из плотного материала, но удобнее гидрокостюма, и... даже не знаю, на что похожа. Напоминает дорогие кроссовки, со всеми этими дырочками, чтобы кожа дышала, дополнительной прошивкой и прочими наворотами. «Ткань» обтягивает тело и все закрывает — воротник наползает на подбородок, а рукава переходят в беспалые перчатки. Кажется, мягкие ботинки тоже встроены. Должно быть, снимать и надевать ее — сплошное мучение. И хотя их форма сложнее и многослойнее, чем спандексные костюмы супергероев, уверена: в плаще и с большой эмблемой сетари вполне бы за них проканалы.

Есть что-то невыразимо скучное в том, чтобы стоять рядом, пока люди тревожатся и восторгаются, а ты не совсем понимаешь, почему. Особенно когда вместо обычных разговоров они начинают общаться по каналам, к которым у меня нет доступа. Из-за этого вновь чувствую себя подопытным кроликом.

Впрочем, Мейз, Зи и Мара — весь первый отряд — расслабленны и дружелюбны, что весьма помогает. Оказывается, некоторые их способности я не просто усиливаю, а изменяю, и мне растолковали возможные последствия. Это серьезно увеличивает опасность. Несчастный случай с Ненной тому пример: вероятно, я не просто ее усилила, но и сбила координаты прыжка. До этого они считали, будто она просто проскочила мимо цели, но

сейчас думают, что это было искажение. Значит, любой, кто попытается меня куда-нибудь телепортировать, сильно рискует.

Хотя, кажется, я искажаю не все. Или просто не все искажения заметны. Однако когда я усиливаю Мару, плавающий эффект ее «светящегося хлыста» увеличивается, а когда Алей создавала иллюзии, получилось вообще что-то странное. При попытке Кетзарен меня поднять у нее закружилась голова, а Лон, который неплохо имитирует бластеры из «Звездных войн», стреляя короткими лучами света, сотворил вместо этого горящую стену, после чего все надолго замолчали. Первый отряд стоял в замешательстве, внимая кому-то, кого я не слышала. Полагаю, этот кто-то бесновался.

Одно они установили точно: я искажаю стабильно. Так что короткие лучи Лона всегда превращаются в стену, и световой кнут Мары всегда одинаковый. Новость всех приободрила. Они по-прежнему собираются досконально разобраться в оказываемом мной эффекте, но стабильно ненормально — уже намного лучше, чем бессистемно ненормально.

Сейчас я снова в своей коробке, жду дальнейших опытов. И больше всего обеспокоена невозможностью открыть дверь.

Жива, все еще жива

Остаток дня переводила песни для Ненны. С языком у меня все лучше. Грамматика ужасна, и пришлось написать целую кучу пояснений, чтобы хоть как-то растолковать половину понятий, но это показало, насколько я продвинулась в способности общаться. Помогли беседы с первым отрядом между экспериментами. Отправляя тексты, гордилась собой безмерно, и плевать, что вышло не очень. А затем меня вновь вызвали для опытов.

Все то же самое, только теперь устанавливали пределы усиления. То есть, сначала два, а потом три сетари прикасались ко мне одновременно, чтобы понять, на скольких людей я могу подействовать за раз.

И тут я грохнулась. Никогда не страдала частыми обмороками. Или эпилепсией. До попадания на эту планету у меня не было ни единого приступа. До сих пор они сомневались, подвергаюсь ли я физическому напряжению, когда кого-нибудь «усиливаю». Что ж, ответ найден.

Теперь они больше беспокоятся, чтобы я не померла. В смысле, серые костюмы и те, кто отдает приказы по интерфейсу. Последних я совсем не вижу, только первый отряд и серых.

Ребята из первого очень расстроились. Когда я очухалась, Зи с Мейзом пришли ко мне в палату, и мы друг перед другом извинились за то, в чем не виноваты. Сами эксперименты их, кажется, не смущают, они просто считают, что должны были каким-то образом предугадать и предотвратить произошедшее.

Смена деятельности

Впервые после несчастного случая с Ненной меня навестил са Лентс. Он никак не выказал укора, но все равно было очень неудобно. «Сегодня» никаких экспериментов, только разговоры с са Лентсом — пытаюсь изложить историю Земли.

Режим сна у меня совсем сбился. Нормальных дня и ночи нет, люди, с которыми я работаю, кажется, все в разных сменах, и все это жутко запутывает. Их завтрак — это мой обед, и так далее.

Зен

Сегодня меня приставили к девушке по имени Зен. Она из двенадцатого отряда, еще один телекинетик. Невысокая, очень серьезная; тонкие светло-каштановые волосы (короткие, пушистые) и симпатичные золотисто-карие глаза.

Дальнейшие эксперименты пока приостановлены, потому как «они» считают, что я слишком истощена. Полуголодное существование на Муине, затем сильная простуда, сломанная ключица и все мои плохие реакции. С момента спасения я регулярно питаюсь и практически ничего не делаю, но веса много не набрала и не могу похвастаться хорошим состоянием. Они хотят, чтобы я выздоровела, и пока ограничат эксперименты одним только телекинезом Зен. У нее единственный парапсихический талант, второстепенных нет вообще.

Кроме того, она будет меня учить какому-то там дзюдо. Я такими вещами не особо увлекаюсь. Бить людей просто... не мое. Они хотят посмотреть, как на Зен повлияет длительное воздействие, и заодно немного повысить мои шансы на выживание на случай, если вдруг решат, что хорошо бы использовать меня в сражении. Для этих людей я и впрямь потенциальное оружие.

Трудно сказать, что обо всем этом думает сама Зен. Мама называет таких, как она, «безупрррречно правильными». И хотя из нее всю жизнь лепили невероятно эффективного борца с монстрами, Зен вела себя так, словно учить неуклюжего новичка шагать взад-вперед снова и снова — самое обычное дело. А ведь ей, наверное, чертовски скучно.

Однако когда я ее усиливала, глаза Зен все же чуть расширились. Она и так намного сильнее Мейза, а со мной может поднять все блоки разом.

Лабораторная крыса номер один

Весь день провела в медицинской лаборатории. Одно обследование за другим. Иста Треммар, хоть и вежливая, все же имеет склонность оставлять меня на целый час на смотровом столе, пока они обо мне беседуют. Если б не мои интерфейсовские уроки для малышни, сошла бы с ума от скуки.

Возможно, именно этим Зен и занимается во время наших тренировок: абстрагируется и читает почту. На мои вопросы она отвечает максимально кратко и сама никогда ничего не спрашивает. Как же сейчас не хватает болтовни Ненны... Не хватает ее отношения ко мне — как к личности, а не только как к увлекательной диковинке.

Вернувшись в свою коробку, нарисовала на всей одежде крысу и написала под ней «Лабораторная крыса номер один». Эдакий маленький логотип моей официальной должности в этом мире.

Сегодня особенно скучаю по Алиссе. Мы знакомы всего несколько лет, но лишь с ней я могла поделиться своими мыслями. И раньше не осознавала, насколько это для меня важно.

Корректирую настрой

Удивительно, насколько эмблемка лабораторной крысы улучшает настроение. Утренняя тренировка с Зен прошла хорошо. Чувство, будто я беспомощно выполняю приказы, уменьшилось, и теперь я... ну, выполняю приказы и разгуливаю с ироничным комментарием на этот счет.

Мы все еще работаем над стойками. Шаг вперед, шаг назад, снова и снова, крайне сдержанно. На сей раз я сосредоточилась посильнее, решив, что даже если ничего толкового не достигну (а рядом с профи, которые тренируются с пятилетнего возраста, и вовсе буду выглядеть посмешищем), то хотя бы выложусь по полной. Кроме того, я собралась немного расшевелить Зен. По крайней мере, чтобы она относилась ко мне не только как к заданию. И неважно, что она заняла позицию учитель/ученик — хотя явно старше меня не больше чем на год, — я просто хочу хоть какого-то диалога, хоть какой-то реакции.

И сейчас мне очень любопытно побольше о ней узнать, выяснить, всегда ли она такая серьезная и не улыбочивая и почему. Первый отряд намного открытее и дружелюбнее. Однако пока я кривлю физиономию и делаю все из-под палки, шанса понять Зен у меня нет. Да, я здесь бесправна и ни на что не влияю, но своим поведением управлять могу, и это меня взбодрит.

Прежде не думала о себе как о типичной австралийке — лаконичной и негибкой, — а здесь, чтобы справиться, стараюсь вести себя именно так. Подражать Нику, всегда спокойному, несуетливому, что бы ни подбросила ему жизнь. Он не супероптимистичный и не смотрит на жизнь сквозь розовые очки, но умеет бороться с невзгодами и наслаждаться моментом. И он бы точно не упустил из виду тот факт, что я больше не голодаю на Муине.

Ник — бывший сводный кузен. Когда мы были младше, его отец женился на моей тете Сью, и мы часто виделись — на всех семейных праздниках и тому подобном. Затем его папаша начал вести себя как козел, моя тетя с ним развелась, и Ник приложил много усилий, чтобы не дать ему совсем съехать с катушек. Впрочем, наши дома недалеко друг от друга, и мама с тетей Сью до сих пор приглашают Ника на праздники, словно мы все еще родственники. И на школьных мероприятиях мы встречались. Он не один из этих невероятно популярных людей типа ЕМ, но он непринужденно сосредоточен на том, что считает веселым, и потому с ним просто здорово. Ник бы справился со всем тут намного лучше.

Детские шашочки

Я начала с нетерпением ожидать занятий с Зен. Не потому что так уж люблю тренироваться, а потому что здесь я хоть что-то делаю. Хуже всего медицинские обследования: либо кровь качают, либо сканируют, а ты сиди целую вечность неподвижно.

В общем, я безумно рада, что, пока торчу в своей коробке или подвергаюсь изучению, мне есть чем заняться. Но интерфейсовская детская программа хоть и позволяет сохранить здравый рассудок, в то же время сводит меня с ума. Я не могу ни смотреть развлекательные каналы, ни даже читать книги длиннее двадцати слов. Спросила насчет возвращения доступа, и они ответили, дескать, для этого нужно достичь определенного уровня квалификации. Проще говоря, никаких игр, пока не закончу школу. Очевидно, так они пытаются подвигнуть меня подтянуть язык, но, черт, уверена, что выучила бы кучу полезных фраз, глядя тот дурацкий музыкальный сериал про сетари, который так нравится Ненне.

А тренировки... да, монотонные и изматывающие, но это все равно будто выбраться из клетки. Зен вежливая и отстраненная, однако еще и терпеливая, и полагаю, если я стараюсь, ей немного легче тренировать какую-то слабоумную бродягу. Рядом с ней чувствую себя настоящим увальнем; Зен такая миниатюрная и тонкокостная. Но вполне себе смертоносный боец. Утром я увидела, как она тренируется, и впала в уныние от одной только мысли попытаться когда-нибудь двигаться так же. Но, кажется, ее цель — научить меня уворачиваться, а не стараться что-нибудь ударить. И улучшить форму. И избавиться от одышки.

Испытание скоростью

Добравшись до итоговых тестов в детской интерфейсовской программе, я с самого начала почувствовала себя не в своей тарелке. Словно темное помещение в голове возникло. Я едва видела настоящую комнату. Не осознавала раньше, до какой степени интерфейс способен воздействовать на мои чувства. Позднее иста Треммар уверила, мол, из соображений безопасности у него есть ограничения, так что полностью ослепнуть и оглохнуть невозможно, но это меня ни капельки не успокоило.

На каждый тест отведено определенное количество времени, из-за чего проходить их невероятно сложно, ведь я едва овладела основами языка. Пока разберусь, в чем именно состоит вопрос, пока сформулирую ответ... Естественно, все сделать не успела и закончила только с математикой. По ней получила высший балл, но целиком тест завалила. И теперь, похоже, придется проходить всю программу заново. Отстой, вопросы-то невероятно легкие. Не знаю, смогу ли получше выучить этот язык, прежде чем умру от скуки.

С огромным нетерпением жду тренировки с Зен, ведь там неважно, насколько коряво я говорю.

Руки прочь

Сегодняшняя тренировка пошла не совсем по плану.

Я была расстроена из-за вчерашних проваленных тестов, но шаги туда-сюда довольно хорошо успокаивают, как и Зен. Я как раз думала, что, может, лучше называть ее «Дзен», как вдруг она перестала шагать и вскинула голову.

Тренировки проходят в маленькой пустой комнате. Пол в ней застелен мягкими матами, потолки высокие, а на одной из стен «наверху» есть окошко, чтобы можно было наблюдать. Еще недавно там стояла иста Треммар, а теперь — полдюжины сетари. В глаза сразу же бросался высокий блондин с прижатыми вплотную к стеклу кулаками, будто он только что по нему ударил. Парень так свирепо смотрел на Зен, словно в действительности хотел ударить именно ее. Когда он в бешенстве вылетел из комнаты, большинство сетари ушли следом.

Двое остались, и я воззрилась на девушку. Сомневаюсь, что хоть раз видела кого-нибудь столь же красивого (кроме моделей на страницах журналов). Этакая точеная газель, но скорее спортивная, чем худая как щепка. Даже с такого расстояния было заметно, что глаза у нее очень черные, с большими радужками и длинными ресницами. Кожа мягкого бронзового оттенка, а волосы просто нереальные — две закручивающиеся спирали до пояса. Девушка казалась почти такой же не улыбкающей, как Зен, но вроде бы смотрела с любопытством. Во всяком случае, точно не злилась. А парень рядом настолько на нее походил, что мог бы быть ее братом (хотя и никаких длиннющих косичек, хе), и сначала я его не узнала. Но когда он заговорил, по-особому склонив голову, я поняла, что это один из двоих сетари, нашедших меня на Муине.

В этот самый момент Зен велела мне встать в углу, что меня совершенно выбесило. Ежу понятно, что назревают разборки, но я ведь не собака, которой можно приказывать сидеть, стоять и не путаться под ногами.

Я все же отошла, и как раз вовремя — в распахнувшуюся дверь влетел блондин. Несколько других сетари замерли в проеме и наблюдали за происходящим оттуда.

— Это оно и есть? — орал парень (ну, на тарианском, конечно, но идею вы поняли). — Это и есть твое специальное назначение? Причина, по которой мы все простаиваем без дела? Потому что ты играешься с какой-то ненормативная лексика бродягой?

В моем языковом блоке нет мата. Я могу понять, что слово крепкое, но не конкретное значение. Будто всякий раз, когда кто-то сквернословит, в моей голове звучит «ненормативная лексика». Одновременно забавно и раздражающе. Нужно найти кого-нибудь, готового объяснить мне смысл местных ругательств.

Я уже достаточно знала Зен, так что не удивилась полному отсутствию реакции с ее стороны на нависшего над ней и орущего громадного парня. Она просто тихо отрезала:

— Отойди. — И пошла за одним из принесенных нами полотенец.

Я не настолько непробиваема и, поймав на себе взгляд блондина, порадовалась, что меня поставили в угол. А уж когда крикун вдруг взмыл в воздух и впечатался в одну из стен, я чуть челюсть не уронила, хотя прекрасно знала, что Зен телекинетик.

— Я сказала «отойди», Лентон, — проговорила она, ух ты, совершенно ледяным тоном. Она не улыбалась и не хмурилась, но прищурила глаза, и в этот миг я дала себе слово

никогда не злить Зен.

Парень, Лентон, однако же, намека не понял и с оскорбленным видом велел Зен его отпустить, пока не пожалела. Он называл ее «Намара», по фамилии. Вроде все сетари так друг к другу обращаются. Зен зовет меня «Девлин», а я ее никак, ибо, по-моему, глупо разводить такие формальности с человеком, которого видишь каждый день. Даже первый отряд, кажется, почти все время использует фамилии. Думаю (надеюсь), это какая-то служебная заморочка, и в свободное время они друг с другом куда человечнее.

Прежде, чем перепалка переросла в нечто худшее, все сетари, кроме Зен (она, скорее всего, этого ожидала), застыли, явно получив сообщения в своих головах. Зен опустила Лентона вниз, и он, хоть и бросил на нее свирепый взгляд, зашагал прочь, не сказав больше ни слова.

— Переоденься, — приказала мне Зен и посмотрела вверх, на обзорную комнату. Оставшиеся там сетари все еще глазели на нас, но под ее пристальным взглядом развернулись и двинулись прочь.

— Вы тут все соперничаете? — поинтересовалась я. — Или он просто невоспитанный? Только вот с моей безграмотной и медлительной речью это больше походило на: «Соперничать все много? Воспитания нет?». Как же бесит, что говорю как идиотка. Йода после лоботомии.

Зен не ответила. Она никогда не реагирует на подобные вопросы, и я совершенно точно не собиралась к ней приставать, так что пошла и переделалась из свободного тренировочного костюма в брюки до колен и футболку без рукавов с логотипом лабораторной крысы. Я и впрямь нарисовала его на всех шмотках, которые считала своими: не на школьной форме, а на том, что купила на прогулке с Ненной и ее мамой. Зен облачилась в свою черную униформу, с чем она справляется удивительно быстро, учитывая, насколько одежда облегающая.

Затем мы прошли в большой зал для испытаний, куда, очевидно, приказали явиться всем сетари в комплексе. Мейз уже объяснил, что действующих отрядов двенадцать, по шесть человек в каждом, так что, глядя на людей, выстроившихся в шесть рядов, я поняла, кто в каком отряде. Для отсутствующих оставили места — не пришли три отряда, и кое-где еще виднелось несколько случайных промежутков. А потом меня подключили «к каналу», и стало ясно, что даже некоторые «прогульщики» все же здесь, просто не лично, а через интерфейсы. На пустых местах красовались маленькие призрачные голограммы сетари. Лон и Зен единственные стояли не со своими отрядами, а рядом со мной.

Поскольку Мейз возглавлял первую группу, было достаточно легко догадаться, что капитаны впереди. Следующая команда рядом с ним оказалась примерно такого же возраста — лет двадцати пяти, а остальные — двадцати или чуть меньше. В двенадцатом отряде Зен первое место пустовало, то есть она их капитан. А я и не знала. Блондин стоял вторым, пытаюсь выглядеть суперправильным, но его выдавало напряженное неподвижное лицо. Девушка и парень из обзорной комнаты были капитанами третьего и четвертого отрядов соответственно.

И я впервые смогла поглазеть на руководство — пусть и в виде интерфейсовских проекций. Люди в синем, что, полагаю, означает «офицер». Никто не болтал, все стояли совершенно неподвижно и смотрели прямо перед собой. А я, единственная без формы, выделялась как белая ворона.

Внезапно «появилась» еще одна проекция. Женщина, миниатюрная и строгая, с очень

короткими волосами с проблесками седины. И очень черными миндалевидными глазами, как у парня и девушки из наблюдательной комнаты. Сетари ей отсалютовали, прижав кулак к плечу. В общем, легко было понять, что она тут главная.

Все произошедшее следом я могу пересматривать (собственно, уже несколько раз пересмотрела), ибо догадалась включить запись. Так странно иметь подобную возможность, но я рада, что ее не отняли, так как прокручивать эту сцену очень интересно. Насколько я поняла, показывать запись кому-нибудь без нужного уровня безопасности нельзя. Заставляет задуматься: а какой уровень у меня?

— Совещание пятого уровня, — объявила женщина. — Как вам известно, во время последнего задания четвертый отряд обнаружил на Муине перемещенное лицо. Намара и Кеттара продемонстрируют, почему это настолько важно.

Зен вышла первой и повернулась к большим металлическим блокам.

— Текущая сила, — очень четко произнесла она и подняла самый тяжелый блок, с которым могла справиться без подпитки.

Затем глянула на меня, недвусмысленно отдавая приказ одними глазами. Я с трудом удержалась, чтобы не закатить свои, но послушно положила руку ей на плечо. Зен предложила этот жест, потому что он не так ограничивает, как держание за руки.

— Увеличенная сила.

Когда она подняла все блоки, я обернулась посмотреть на лица окружающих. Только первый отряд никак не отреагировал — они все это уже видели. А вот остальные, как у них принято, широко распахнули глаза. Кое-кто даже сдвинулся с места или открыто продемонстрировал изумление и озадаченность, но вскоре их лица вновь стали каменными.

Следующим вперед шагнул Лон.

— Интенсивная световая проекция, — сказал он и пульнул несколько коротких лучей в цель. Затем слегка мне улыбнулся и, когда я положила руку ему на плечо, продолжил: — Тот же навык, усиленный.

Пылающая стена огорошила сетари гораздо больше, чем сверхсильная Зен. Многие, прежде чем снова нацепить бесстрастные маски, обменялись взглядами.

— Эффект объекта Девлин на навыки пользователей все еще изучается. Как вы видели, это вопрос не просто увеличения мощности. К тому же, несколько усилений одновременно вызывает у нее летальный системный шок. До дальнейших указаний объект приставлен к Намаре. Ни при каких обстоятельствах не иницируйте физический контакт с объектом без приказа. Все свободны.

Женщина в синем костюме исчезла, как и большинство зрителей. Капитанам сетари, скорее всего, до смерти хотелось допросить Зен, но они выставили свои отряды за дверь, а потом и сами почти все ушли, хотя кое-кто задержался у входа пообщаться. Мейз подошел ко мне, Зен и Лону и уверил, что я отлично справилась. Я заметила, что вообще-то ничего не делала, а он ответил, мол, по крайней мере, я ничего не делаю стабильно, и они с Лоном усмехнулись друг другу и заговорили о том, как бы все повернулось, не сработай усиление. Первый отряд гораздо человечнее, чем прочие сетари.

А затем к нам присоединился капитан четвертого отряда. Я размышляла, не должна ли поблагодарить его за спасение, но, если уж на то пошло, этот парень улыбался еще меньше Зен. И в качестве приятного дополнения он, кажется, уставился мне на грудь. Было жутко неловко, пока он не произнес:

— Подопытное животное?

Мейз подумал, что меня оскорбляют, и предостерегающе протянул:

— Ру-эл... — Но осекся, возможно, заметив выражение моего лица.

— Ты читаешь по-английски? — не веря своим ушам, спросила я на родном языке.

— Не пренебрегай психологическими аспектами, — обратился капитан четвертого отряда к Зен и, ни разу больше не взглянув на меня, отвернулся. Однако прежде чем уйти к ожидавшей его капитану третьего отряда, бросил через плечо: — Вполне уместно.

— Как он знать, что значит? — спросила я Мейза. Похоже, теперь пришла его очередь тарашиться на мою грудь. — Земля связь все-таки есть?

— Ты написала «Подопытное животное» на своей футболке? — уточнил явно расстроенный Мейз.

А Зен ответила на мой вопрос:

— Основные таланты Ру-эла связаны с видением. Он считал символ, не слова.

Иначе говоря, очередные парапсихические способности. И Зен напряженно замерла с таким каменным лицом, что ее унижение невозможно было не заметить. Ведь она понятия не имела, что написано на моей футболке, а капитан четвертого отряда ее за это отчитал, пусть и всего одной фразой.

Теперь я мало что могла исправить, но постаралась объяснить:

— В Австралии — в моей культуре — важно уметь смеяться над собой. Я... — Я отдернула футболку, прочитала слова по-английски и примерно перевела на тарианский: — Лабораторная крыса номер один. Правда. Здесь я она и есть. Притворяться нет, глупо. Это... — Я пожала плечами. — Способ справляться. Сарказм. Носить делает меня чувствовать лучше.

— Но это не... — От моих слов настроение Мейза ни капельки не улучшилось.

— Меня держать в коробке. Выпускать для обследований. Как еще назвать?

Он поморщился, но Лон рассмеялся:

— Признай, в чем-то она права. Так люди в твоём мире считают, что важно смеяться над собой? Это идея мне близка. Но, Мейз, никто не будет смеяться, если мы пропустим маршрут, так что пошевеливайся.

Лон умчался, махнув рукой, а Мейз, очевидно, не нашел аргументов для спора и вздохнул:

— Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится, Касзандра. Да, полагаю, со стороны все выглядит именно так, но твой статус не таков. — Он угрюмо зыркнул на мою футболку, кивнул Зен и зашагал вслед за Лоном.

— Я отведу тебя назад, — просто сказала Зен и, проводив меня до комнаты, ушла.

Когда есть возможность запечатлеть все, что видишь и слышишь, потом куда легче записать в дневник разговор, хотя мой перевод их слов (и того, что пыталась сказать я сама), наверное, не очень точен. Раньше не замечала, но весь первый отряд называет меня Касзандра, а не Кассандра. В тарианском так много «з».

На эту запись ушло несколько часов, но зато у меня была куча возможностей поупражняться в переводе. И время попытаться понять, кто из троих — Мейз, Лон или капитан четвертого отряда — настолько нравится Зен, что произошедшее ее так расстроило.

Крыша

Утро, как обычно, началось по-деловому, с тренировки. За мной зашла Зен, а не зеленые костюмы. Мы переоделись в смежной комнате, где есть запас чистой спортивки, потом долго шагали взад-вперед и (новинка) из стороны в сторону. Зен снова стала невозмутимой, и я была не в настроении ее донимать, так что очень удивилась, когда после очередного переодевания она сказала:

— Мне позволено тебя сопровождать, если есть какие-то места в комплексе, которые ты хочешь увидеть.

— Могу идти наружу? — тут же спросила я.

И увидела, что вопрос ее удивил. На этой планете просто не принято часто выходить на воздух.

— Сейчас ночная фаза.

— Что плохо?

— Ну...

Зен пожала плечами и повела меня к лифту, затем по коридору, а оттуда в галерею и к самому быстрому лифту на крышу. Комплекс КОТИС хоть и не такой громадный, как Унара, все же чертовски большой. Сомневаюсь, что все это предназначено лишь для сетари, даже если учесть всех пока-еще-не-сетари, которые где-то тут тренируются.

На крыше (на том участке, где мы оказались) было очень холодно и ветрено. И еще сильнее, чем в Унаре, ощущалось, словно стоишь на склоне горы. Город больше похож на бесконечные круглые глыбы, тогда как Институт ближе к воде, и даже видно, что внизу. И вверху — в кои-то веки небо было чистым. Я нашла удобный край, села и стала искать знакомые созвездия. Хотелось иметь возможность хотя бы посмотреть в сторону Земли.

— Это похоже на твой мир? — немного погодя спросила Зен. Даже она не в силах сидеть и молчать до бесконечности.

— Не моя часть. — Полагаю, если Шотландию всю покрыть постройками, она могла бы выглядеть примерно так. — Австралия — большое небо, красная грязь, синее море, много пляжей, огромная суша. Пустыни и тропические леса и... суровая, засушливая страна. А потом наводнение. — Я пожала плечами. — Снаружи здесь, потому что не привыкла не ходить на улицу совсем. Гулять в школу. На пляж. Сад. Что ты делать, когда не сетари?

Я и раньше интересовалась, но Зен всегда пропускала вопрос мимо ушей. Сейчас же тихонько вздохнула:

— Если хочешь поговорить, давай уйдем с этого холода. Мне положено следить за твоим здоровьем.

Но, конечно же, стоило нам вернуться, как кто-то ее позвал. А мне опять сидеть в своей коробке и осваивать детскую программу.

Скука смертная

Языки мне всегда давались с трудом. Кроме английского еще более-менее освоила язык жестов. И даже на нем частенько произношу слова по буквам, потому что не знаю знака. Это так бесит, ведь память-то у меня хорошая, но, полагаю, запоминать и знать — разные вещи.

Целый словарь в мозгу, несомненно, упрощает жизнь, но, слушая тарианцев, я все же изо всех сил стараюсь «знать» слова. Я знаю «да», «нет» и «здравствуйте». Новые слова, такие как «Муина» и «сетари», кажется, уложились в голове гораздо лучше, чем «кровать» и «утро».

А вообще, все это нытье — лишь вступление перед главной новостью: я сообразила, как включать тесты по интерфейсу, но по-прежнему не могу их пройти, слишком уж долго формулирую ответы. Мне нужен тест с вариантами ответов! Что это за планета, где детишкам дают такие сложные задания?

Тесты можно проходить только раз в день, потому сейчас я сижу без дела в надежде, что появится Зен и все еще будет готова поговорить. Немного сержусь, что она не пришла вчера. И гадаю, чем она занимается, когда не нянчится со мной. Кажется, Зен не ладит с ребятами в своем отряде — во всяком случае, с тем противным блондином.

Интересно, что они сделают, если я разрисую стены узорами? На этой планете все такое белое, без украшений, потому что для декора у них есть «слои» интерфейса. Пыталась выяснить, не из того ли белого камня, что и на Муине, здесь здания. Конечно, выглядят далеко не так простецки, но на ощупь такие же.

нытье

Буэ. Этим вечером вместо тренировок были медицинские обследования. Вновь сканирование, заборы крови, изучение работы сердца. Скучно и неудобно до чертиков.

Хотя... кажется, сетари никому не рассказали, что значит моя лабораторная крыса. По крайней мере, иста Треммар обращала на нее внимания не больше, чем в прошлый раз, и не мучила меня никакими психологическими тестами или типа того.

Тактика

Зен любит «классическую» музыку. Могла бы догадаться: вполне сочетается с ее серьезностью и правильностью. Здесь это называется «оркестровая музыка» (теннанам анам). Сама Зен играет на тиу. По звучанию и внешнему виду напоминает цитру, только побольше, чем цитра в школьном кабинете музыки — размером где-то с лист А3, но, естественно, куда толще — и с более мягкими струнами, которые надо щипать. Тиу деревянная, что на Таре огромная редкость. Думаю, иметь настоящий музыкальный инструмент, а не играть на чем-то виртуальном в виртуальном пространстве, — тоже редкость.

Жилище Зен заинтересовало меня не меньше. Я думала, что все сетари распиханы по маленьким коробкам типа моей, однако у Зен небольшая квартира: одна спальня, но с отдельной кухней, совмещенной с гостиной, и рабочим уголком. Ванная комната просторнее, чем у меня — и с ванной! Полагаю, не стоило так уж сильно удивляться. Взрослые права здесь можно запросить в пятьдесят (почти семнадцать), а сетари на несколько ступеней выше обычных солдат. Наверное, держать их все время в казармах, или как там это называется, не прокатило бы.

В любом случае, квартира показалась мне чудесной. Зен оформила ее в приглушенных тонах зеленого и синего (в смысле, «публичное пространство») с выющимися узорами, немного похожими на колышущиеся папоротники. И у нее есть кошка! Как заставка на компе, что прыгивает сверху и гуляет по экрану, только эта расхаживает по всей квартире, и еще она сине-зеленого цвета, дабы гармонировать со стенами. Ее даже можно вроде как приласкать — интерфейс имитирует ощущения от прикосновения. Я спросила, есть ли на Таре настоящие кошки. По словам Зен, есть немного — привезенных с планеты под названием «Колар», но только очень богатые люди могут позволить себе живых домашних любимцев.

Я не строю никаких иллюзий, будто Зен внезапно загорелась желанием со мной подружиться. Для нее я по-прежнему лишь задание, и ведет она себя соответственно, просто задание расширилось и теперь помимо физического здоровья и тренировок включает в себя еще и мое душевное равновесие. Не знаю, нравится ли мне Зен, но она — единственная на этой проклятой планете, кого я вижу почти ежедневно. Не припомню, чтобы раньше тусовалась с такими суперсерьезными девчонками, а тем более с военными, которые зарабатывают, убивая. И все же она мне любопытна.

Потом мы опять упражнялись в шагании, а когда Зен проводила меня в комнату, я спросила:

— Сетари соперничать почему? — Зен предсказуемо промолчала, и я добавила: — Твой отряд, почему расстраиваться, выходной?

— Сетари не соперничают напрямую, — наконец отозвалась она. — Но то, как мы исполняем свой долг, влияет на привилегии, задания, которые мы получаем, и даже на то, остаемся ли мы на активной службе. Сражаться в Эне намного предпочтительнее, чем основные обязанности на Таре, и не только потому, что в Эне мы чувствуем себя... в два раза живее. Двенадцатый отряд лишь недавно начали отправлять в Эну, но опять вернули к тренировкам, и все очень разочарованы.

— В основном сражаться Эна, не планета?

— Главная задача сетари — не дать чему-нибудь из Эны проникнуть в наш мир. И найти способ залатать разрывы, из-за которых стены этого мира так легко преодолеть. — Зен выглядела еще серьезнее, чем обычно. — С каждым годом число ионотов растет, разрывы расширяются. Если нет крупного вторжения на Тару, вся служба сводится к охране территории. Война идет в другом измерении.

Намного драматичнее, чем я ожидала. Вопрос на миллион: какое место на этой войне отведут мне? Даже думать не хочется.

Экскурс в историю

Я сдала дурацкий интерфейсовский тест! Едва-едва — на многие вопросы времени так и не хватило, но почти все, что успела, я ответила верно. И теперь мне предстоит осилить новый школьный год. Развлекательных каналов или чего-то такого по-прежнему нет, зато появилась небольшая библиотека детских «учебников», и это здорово. По мне, так гораздо лучше иметь возможность читать книги, когда заблагорассудится, чем сидеть на заранее распланированных уроках, впитывая обрывочную информацию. Тщательно изучив вопрос, я теперь намного лучше разбираюсь в событиях на Муине и нынешней ситуации на Таре.

Итак, что бы там ни случилось на Муине, это было тысячи *тарианских* лет назад. Конкретная дата неизвестна, ибо несколько первых десятилетий на Таре выдались очень тяжелыми и хаотичными, так что годных записей не сохранилось. Есть еще одна из основных планет, где хорошо помнят, что они с Муины, — Колар. Но их ранние записи не лучше тарианских. Как я все-таки поняла, эвакуация с Муины произошла где-то полторы-две тысячи земных лет назад. И они еще утверждают, будто Земля заселена выходцами с Муины. Ха! Да только египетским пирамидам больше трех тысяч лет — и то это самая верхушка наших археологических и палеонтологических летописей. Полагаю, муинцы вполне могли прийти на Землю еще раньше, но мы определенно не были частью эвакуационного расселения. Я никогда в это и не верила, и плевать, насколько мы генетически похожи. По моему, происхождение муинцев от землян *гораздо* вероятнее, особенно если учесть, что население Тары соответствует некоторым земным расам.

Еще узнала, что «лантарами» называют далеко не всех жителей Муины, а только правящую касту парасихических талантов, вызвавших катастрофу, из-за которой планета стала непригодна для обитания. В то время монстры-ионоты доставляли проблемы лишь этим правящим лантарам (лантарианцам?), когда они путешествовали между мирами. Не совсем понятно, с какими целями, но практика была так широко распространена, что они запустили огромный межпланетный проект, дабы облегчить свои перемещения: создали небольшую сеть постоянно открытых туннелей. Результат можно сравнить с попыткой остановить землетрясения в Калифорнии путем соединения тектонических плит — все начало расползаться по швам.

Благодаря разрывам тварям из Эны стало легче попадать на Муину, где они с удовольствием пожирали людей. Лантары не смогли сразу же исправить содеянное, потому что места, где они соорудили основные центры поддержки своей межпланетной супермагистрали, кишмя кишели ионотами. Тогда они создали этих существ под названием «ддоры» — тех самых громадин, которых так мечтают поизучать сетари. Это искусственные ионоты, чья задача — очищать от монстров центры поддержки и Муину. Но контроль над ддорами был тут же утерян, и на Муине воцарился хаос: целые деревни и города вымирали по невыясненным причинам, и все больше и больше ионотов проникало на планету и поедало людей.

Лантары провели большую «телеконференцию» (хе-хе!) и решили, что пора линять. Все в одно место перебраться не смогли, да, похоже, не сильно-то и хотели. Некоторые остались на Муине, но с тех пор о них никто ничего не слышал, так что, скорее всего, их убили.

Любой, кто слишком долго задерживается на Муине, в итоге или становится чьим-то

ужином, или просто падает замертво. Я рада, что не знала этого, когда самозабвенно кипятила шерсть.

Новый уровень

Врачи сочли меня более-менее здоровой, так что Зен объявила, мол, завтра у нас будет две тренировки. Так забавно этому радоваться. Интересно, а сетари тоже приходится зарабатывать привилегию смотреть телик?

Я спросила, на что похожа Эна. По словам Зен, она необычайно многообразна, но ближайшее пространство выглядит прямо как Тара, только без людей. Тень этого мира.

А вот это уже жутковато.

Чудесно

Утро прошло как обычно. Хотя тренировки с Зен становятся немного сложнее, мы по-прежнему снова и снова повторяем определенный набор движений.

Но на сей раз Зен не вернула меня в коробку. Вместо этого мы пошли перекусить в малюсенькую столовую, предназначенную, кажется, исключительно для сетари. Впрочем, думаю, кухня обслуживает не только одну эту комнату.

Забавно, как меняются запросы, стоит посидеть взаперти... сколько там прошло? Почти месяц после несчастного случая с Ненной. И теперь даже такие мелочи, как обед в простенькой столовой, приводят в восторг. Из-за возможности выбрать из нескольких предложенных блюд, а не есть принесенное розовым костюмом, я почти почувствовала себя человеком. Иллюзия выбора.

Конечно, что угодно (даже сидеть взаперти и заново учить арифметику) лучше, чем одинокое голодное существование на Муине. Как бы ни раздражало это место, я все же рада, что меня спасли.

Я не особо узнавала других сетари, хотя, полагаю, все они были на том «смотрите-что-бродяга-может» собрании. Сейчас же украдкой глазели, но не беспокоили. Трудно сказать, что они думают обо мне — ходячем кратковременном увеличителе мощности, от которого приказано держаться подальше.

После обеда я ожидала еще тренировок по «боевым искусствам», но Зен отвела меня в другую раздевалку и отправила в одну из кабинок, велев убрать косу наверх, оголиться и встать под душ. Гадая, что происходит, я послушалась, а когда со стен на тело ринулась черная масса, отпрыгнула и едва не выбежала прочь. Масса начала *извиваться*. Иногда я забываю, что эти люди используют нанотехнологии. В итоге я оказалась в легком купальнике, более прочном, чем привычные мне, достаемом до колен и локтей. Он тоньше, чем форма сетари, но я наконец поняла, как Зен так быстро переодевается.

Когда я очухалась от своего небольшого сердечного приступа, мы прошли в следующий зал прямо к... ОГРОМНОМУ бассейну. Большой квадрат, где-то сорок на сорок метров невероятно глубокий, и с подводной полосой препятствий — сплошь туннели, круги и все в таком духе. Дна не видно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— В плавании мне тоже нужно тренироваться, — пояснила Зен, глядя на недоверчивое выражение моего лица. — Необходимость маневрировать в воде появилась лишь два года назад, после затопления некоторых околопространств. Врачи порекомендовали это для твоего общего оздоровления, и так ты подготовишься на случай, если они таки решат использовать тебя в Эне.

— Не так хорошо задерживаю дыхание, — нерешительно пробормотала я.

Преодолеть пару верхних туннелей и труб, наверное, смогла бы, но и только.

— Для работы на глубине используют дыхательные устройства. Сначала потренируемся на поверхности. В твоём мире хоть немного учат плавать?

Я покосилась на нее, нырнула и проплыла на другую сторону бассейна и обратно. Под конец, из-за выпавших на мою долю злоключений, дыхание сбилось немного сильнее, чем ожидалось. Но я люблю плавать. Не Иан Торп, однако всегда была довольно хороша в водных видах спорта.

— Если когда-нибудь прийти мой мир, — сказала я, барахтаясь в воде, — научу тебя серфинг.

Я плаваю лучше Зен. И у них нет вольного стиля, только брасс, так что она попросила ее научить. И до дальнейших указаний у нас каждый вечер будут тренировки в бассейне. Отличный сегодня выдался день.

Тренирование

Теперь Зен учит меня падать. Точнее, бросаться на мягкие маты, не заработав слишком уж много синяков и не давясь смехом. Мне трудно воспринимать это всерьез, и как бы я ни относилась к Зен, невозможно не восхищаться ее терпением. Кажется, из-за того, что она со мной нянчится, у нее много неприятностей, если, конечно, сетари не поливают друг друга грязью просто по привычке.

Грязь полезла на вечерней тренировке по плаванию. Зен быстро усваивает вольный стиль (австралийский кроль на самом деле, но все, кого я знаю, называют его вольным), однако, чтобы хорошенько научиться, ей нужно время, потому мы устраиваем соревнования по брассу. С короткими дистанциями я справляюсь неплохо, но после второго круга выдыхаюсь.

Я смогла обогнать ее в спринте и жутко собой гордилась. Вот только происходящим наслаждался кое-кто еще — наблюдавшие за нами сетари, девушка и два парня, один из которых стоял прямо на краю бассейна, куда мы с Зен причалили. Подняв глаза и увидев нависшую сверху черную фигуру, я перепугалась и оттолкнулась от бортика в тот самый момент, когда Зен до него дотронулась. Впрочем, их интересовала как раз она, а не я.

Без понятия, знала ли Зен об их присутствии еще до того, как посмотрела вверх, но она точно не удивилась.

— Намара, ну в самом-то деле, мне уже за тебя неловко, — протянул парень. У него удивительный голос, очень красивый. Жаль, что потрачен на такого придурка. — Будто недостаточно, что твой отряд сняли с маршрутов, дабы ты демонстрировала боевые приемы для младенцев, так ты еще и проиграла бродяге.

Мокрая Зен похожа на утонувшего котенка. Волосы слипаются, и от этого глаза выглядят огромными. К тому же парень оказался высоченным, и Зен, погруженная в воду, была в очень невыгодном положении. Но она спокойно подплыла к бортику, с легкостью вылезла из бассейна и пошла за полотенцем.

— Я могу тебе чем-то помочь, Каджал? — поинтересовалась, вытерев лицо.

— Не с плаванием, очевидно. — Гаденьш не добился желаемой реакции и явно злился, но сделав вид, что его это не волнует, рассмеялся: — Шансы Лентона с каждым днем выглядят все лучше и лучше.

Стоявшая рядом девушка коснулась его руки и заговорила гораздо более рассудительным тоном:

— Такая неприятная ситуация. Это назначение, возможно, окажется для двенадцатого отряда совсем провальным, и Лентону нужно научиться сдерживать гнев. Хуже того, сомневаюсь, что, даже если бродягу решат использовать в Эне, оно будет приставлено к двенадцатому. Это так несправедливо по отношению к вам.

Я порадовалась, что отплыла и теперь находилась метрах в десяти от бортика. Эта девица не только подкалывала Зен, при этом притворяясь, будто беспокоится о ней, но еще и назвала меня «оно»! Я немного различаю нюансы тарианского языка. Тупые идиоты вели себя так, словно я не человек, а цирковое животное.

На ум вдруг пришло, что я больше не могу видеть имена людей над головами. Прошел месяц с тех пор, как са Лентс научил меня пользоваться этой функцией, и после несчастного

случая я совершенно о ней забыла. Не знаю, зачем ее отключили, но, скорее всего, это связано с потерей почти всех остальных «публичных» функций. Впрочем, я пересмотрела запись инструктажа сетари и выяснила, что этот Каджал — капитан пятого отряда, а девушка — седьмого. Не представляю, чего они хотели добиться всем этим пальцегнутием.

По крайней мере, после их ухода появилась еще одна девушка и подошла к Зен. Я была слишком далеко, чтобы расслышать ее тихие слова, но Зен улыбнулась и пожала плечами. Так что у нее все-таки есть друзья. Несколько минут я тренировалась плавать под водой, пока Зен не объявила, что на сегодня хватит. Нескоро я привыкну, что люди могут говорить в моей голове, когда я болтаюсь в бассейне вверх тормашками.

По дороге в комнату я не стала забрасывать Зен вопросами — просто не смогла. А оказавшись у себя, даже порадовалась, сразу же рванула в душ и вдоволь там наревелась.

Плачу я почти всегда в душе. До сих пор неизвестно, как пристально наблюдают за коробкой, но надеюсь, что хоть немного уединения мне позволено. Проливая слезы под струями воды, я могу притворяться, что скрываю плохие дни. Сегодня было хуже, чем обычно. Скоро мой день рождения, и мама обещала собрать друзей и родственников у нас дома. После этого мне с Ником и Алиссой разрешили сходить в настоящий ночной клуб с условием, что мы будем держаться вместе и не возьмем с собой друзей, которым еще не исполнилось восемнадцати. Ник собирался пойти с нами в качестве «защитника», и я считала, что мысль отличная, только причины неправильные. Мы с Алиссой потратили столько сил, чтобы это устроить, и все впустую.

Здесь я никогда не буду Касс. Даже живи я до сих пор с Лентсами, все равно оставалась бы «бродягой», в первую очередь и прежде всего. На меня налепили ярлык, и от него невозможно избавиться. Даже если привыкну к дурацкому языку и нанитам, все, что я годами изучала, все книги и люди, которые меня сформировали, не здесь. Никто не читал тех же романов, что и я. Никому не нравится та же музыка. Никто на этой планете не сможет оценивать симпатичных парней по «шкале Орландо Блума», как делали мы с Алиссой. По-английски тут говорит только этот треклятый дневник. Думаю, именно поэтому я все еще его веду.

Так хочу домой, что готова кричать.

Бледная тень

Сегодня никаких тренировок. Зен едва на меня взглянула и отправила прямым ходом к медикам. Я с трудом убедил их, что проблема не в плавании, и я такая уставшая и обессиленная просто потому, что не могла заснуть. Не стала упоминать, что полночи прорыдала, заработав адскую головную боль. Теперь хотя бы знаю, что в комнате за мной не шибко-то наблюдают.

В итоге почти весь день провела на обследовании. Терпела тычки и уколы, сидела в разных аппаратах, пока врачи отвлекались на попытки выяснить, как же работает моя способность. Они решили, что количество талантов отдельно взятого сетари, которого я усиливаю, возможно, увеличивает нагрузку на мою систему. Именно поэтому меня тренирует Зен, ведь у нее лишь одна способность. Тот эксперимент с усилением сразу троих из первого отряда пошел наперекосяк, потому что у них на всех семнадцать талантов. Только у Мейза их восемь, а есть те, у кого еще больше.

Я воспользовалась возможностью еще раз поспорить с истой Треммар насчет такого сильного урезания интерфейса, мол, почему у меня нет хотя бы прежних прав доступа, исчезли имена и тому подобное. В ответ мне прочитали лекцию, дескать, привилегии нужно зарабатывать. Я заметила, что вряд ли стандартные права доступа можно считать привилегией и глупо давать мне тесты с ограничением времени, рассчитанным на тех, кто учил их дурацкий язык с рождения. Не помогло. Конечно, из-за неумения более-менее внятно выражаться на этом дурацком языке мои аргументы звучали несколько невразумительно.

Иста Треммар очень требовательная и редко отступает от правил, но она пообещала пересмотреть время тестов. И добавила, что проще все-таки мне подучить язык. Фу.

Вперед/Назад

Хотя прошлой ночью я спала довольно хорошо, плавание на несколько дней отменили, и следовательно, Зен вернула меня в коробку, опять томиться бездельем. Из хорошего: посреди тренировки по шаганию внезапно восстановились некоторые функции моего интерфейса. Никаких развлечений, но всякие связанные с окружением мелочи, типа имен над головами. И все же денек скучный, особенно потому, что на занятиях мне сейчас объясняют вычитание. Вот бы самой выбирать уроки.

Канза

Вечер прошел гораздо лучше, чем я ожидала. Я совсем недолго просидела в коробке, а потом в голове всплыло текстовое окошко, что равносильно стуку в дверь. Редкая предупредительность, скажу я вам, обычно все ломаются без спроса.

Оказалось, что это Лон и Мара пришли умыкнуть меня на обед. И хотя, скорее всего, это их собственный способ «не пренебрегать психологическими аспектами», я с трудом сдерживалась, чтобы не запрыгать от радости. Мало того, что проведу время с самыми приятными людьми на этом идиотском острове, так они еще и сводят меня за пределы КОТИС.

Остров, на котором базируются сетари, называется «Конна». Где-то двадцать процентов здесь занимают военные объекты, а восемьдесят — поддерживающий город, тоже Конна. Его построили задолго до КОТИС. Так приятно было выбраться и посмотреть атриумы и магазины. И на людей без формы. Насладиться растениями, рекламой, обрывками музыки, запахами еды — всем тем, чего так не хватает в логове сетари. Тут даже есть искусственное небо и внутренние парки, и хотя «Синдрома огромного торгового центра» избежать не удалось, это все равно перемена к лучшему.

Мы направились к «открытой» площади, с кафешками (никакого кофе *или* горячего шоколада!) вокруг заросшего сквера, где бегали дети и кто-то пел. На самом деле пел. Застряв с сетари, я уж решила, что у них тут общество тотального контроля, хотя время, проведенное с Ненной, должно было доказать обратное. Думаю, крайне маловероятно, что мне позволят жить здесь.

Место, куда мы зашли перекусить, называется «Мимм». Лон усадил меня в угол большой кабинки, и они с Марой расположились по обе стороны от меня — на безопасном расстоянии, дабы не соприкоснуться. По дороге через город они тоже шагали по бокам, защищая меня от случайных толчков. Забавно все-таки, ведь проблемы могут возникнуть только от контакта с сетари. У большинства обычных людей и близко нет талантов, способных причинить мне вред. Еда почти не отличалась от фондю (хотя не представляю, из чего тут делают сыр, и предпочту не узнавать), и пусть на другой планете оно выглядит совсем неуместно, зато такая вкуснятина! Как раз когда нам принесли заказ, подтянулись остальные из первого отряда, и я с огорчением заметила, что рука Мейза на перевязи, а Зи хромает.

Мейз бросил на мою футболку хмурый взгляд — я совсем забыла о своем талисмане, — а потом завалил меня вопросами о земной еде, и в итоге весь обед я проговорила. О фондю, затем о скандинавских странах и о лыжах, которых здесь нет вообще, после чего мы

принялись описывать друг другу разные виды спорта без эквивалента на другой планете. Большинство тарианских, кроме каких-то воздушных гонок, подходят лишь для закрытых помещений, что неудивительно. Множество земных сюда совсем не вписываются. Начать хотя бы с гольфа, лыж и верховой езды.

Оказалось, на сегодня ребята забронировали площадку для канзы. Это такая очень причудливая игра, гибрид хоккея, мини-гольфа и «Пакмэна», только шайбы парят, скользят и бешено отскакивают от поверхности трех пересекающихся круглых углублений. Площадка находится в центре заросшего травой амфитеатра, где люди устраивают пикники и следят за матчем. В командах по три человека, ты стоишь с краю, отбиваешь все свои шайбы одновременно и пытаешься не попасть в лунку, пока не передашь все летающие шарики света. Если удержишь шайбу в игре, получаешь бонусные шайбы. Канза — ужасно быстрая и глупая игра, и Мейз в ней по-идиотски хорош, так что я была рада попасть в одну команду с ним и Лоном. Из-за больной ноги Зи все время просидела. Мара, Алей и Кетзарен стали нашими соперниками, и Кетзарен оказалась очень саркастичной и остроумной, все время вставляла уморительные комментарии, а Лон ее подзадоривал. Пару раз я чуть не свалилась на арену от смеха.

После нашего последнего раунда, пока играла команда Мары, Мейз и Лон пошли взять всем чего-нибудь выпить. Я, совсем обессиленная от хохота, сидела с Зи и наблюдала, как все больше зрителей аплодисментами подбадривают Мару и Алей, и тут увидела пару знакомых. Капитана третьего отряда, с ее закрученными в спирали волосами, трудно не заметить, даже без черной униформы. Она стояла наверху небольшого амфитеатра с еще одной девушкой и смотрела вниз с абсолютно отсутствующим выражением лица. Я не удивилась, что объектом ее внимания оказался Мейз — половина зрителей вздыхала по нему или Лону, а остальные в большинстве своем пускали слюни на Мару или Зи. Ей богу, почти все сетари красавчики. Наверное, это профессиональное требование.

К тому времени, как парни вернулись с напитками, я уже не пялилась на капитана третьего отряда, но все же задумалась, а не нажила ли себе врага тем, что Мейз протянул мне стакан, сел рядом, улыбнулся и сказал, мол, я должна признать, это гораздо лучше, чем подолгу гулять, иногда толкая маленькие шары — именно так я описала гольф. Трудно не наслаждаться, когда тебе уделяет внимание кто-то настолько привлекательный и славный. Но хотя разница в возрасте у нас всего лет шесть-семь, все знакомые мне на Земле двадцатипятилетние — учителя, так что рядом с первым отрядом я чувствую себя не в своей тарелке. И вполне уверена, что Мейз не имеет в виду ничего такого, просто проявляет доброту и заботу. К тому же меня не покидает ощущение, что в глубине души он несчастлив. Мне все еще его жаль.

В коробку я вернулась такая довольная, что не позволила «психологическим аспектам» капитана четвертого отряда притупить мою благодарность. Кажется, ребята тоже повеселились и вполне искренне интересовались Землей, так что прогулка не была исключительно из жалости. Остаток дня я проспала, проснулась посреди ночи. Все-таки престранная у меня теперь жизнь.

Очень загруженный день

Утром у меня была назначена встреча с са Лентсом. И я знала об этом заранее! Возможности интерфейса опять возросли, и теперь у меня есть график. Я могу посмотреть, что они запланировали для меня до конца года. Все и впрямь расписано на тарианский год вперед. Почти одни медицинские обследования. Без понятия, расширились ли функции благодаря Зен, Мейзу или даже моему разговору с истой Треммар, но это такое облегчение — опять стать почти личностью.

Встречи с са Лентсом всегда проходят неловко. Я спросила про Ненну, и он уверил, что та поправляется. Она написала мне всего пару раз и не ответила на последнее письмо. Пытаюсь убедить себя, что ей просто очень больно и не особо хочется болтать. Однако представить себе неразговорчивую Ненну трудно, и чтобы там еще ни произошло, я изменила ее навсегда, и всякий раз, общаясь с ее отцом, думаю об этом.

Но стараюсь не показывать вида, пока сравниваю земные даты с предполагаемыми событиями на Муине. Са Лентс даже признал, что, судя по всему, Земля очень нетипична. Кажется, от Земли ему потихоньку становится не по себе. Одно дело — задокументировать очередной «потерянный мир», вписывающийся в известную схему, и гораздо труднее втиснуть во все это «дозэвакуационное поселение». Особенно когда я поделилась с ним своей теорией, что изначально муинцы были землянами.

Тарианцы явно походят на азиатов и европеоидов — или на то, что получится, рожай они детей несколько тысяч лет. Некоторые люди со светлой кожей и «круглыми глазами». Другие — с золотистой кожей и эпикантусом. И еще светлокожие с эпикантусами, смуглые с круглыми глазами, голубоглазые с более темной кожей и все остальные сочетания, какие только приходят на ум. Я попыталась растолковать са Лентсу, что он похож на японца или корейца, но махнула рукой — банально не хватило знания языка, — а он вежливо улыбался и совсем мне не верил. Сомневаюсь даже, что на Таре есть такое понятие как «расы». Са Лентс вел себя так, словно я объясняла, что рыжие и светловолосые люди принадлежат к разным видам.

Ну не знаю. Если муинцы и впрямь с Земли, почему у нас нет психических способностей? Или преданий о культурах, где всем заправляли экстрасенсы? Правда, у египтян были их боги-фараоны, но не такие, как в «Звездных вратах». Гм... надо бы повнимательнее приглядываться к тарианцам — вдруг их глаза мистически засверкают.

После са Лентса — очередная тренировка с Зен. Она вела себя еще формальнее и корректнее, чем обычно, если такое возможно, и не выказывала никакого желания разговаривать. Позже, когда мы обедали в столовой, я подумывала спросить у нее что-нибудь личное, но вокруг было немало сетари, и хоть я и не заметила, чтобы кто-то на нас пялился, но чувствовала себя в центре внимания, потому изобразила послушную ученицу и задала несколько пришедших на ум вопросов о тренировках. Не решила, жалеть Зен или нет. Кто знает, может, она как-то и заслужила плохое к себе отношение. Но я не вижу никакой причины играть ее недругам на руку.

Далее я прошла в большой зал для испытаний, где на сей раз собрались Зен, весь первый отряд и синий костюм во плоти — сур Гиддс Селки. Синие костюмы, определенно, главные среди военных. Сур — это его чин. Капитаны отрядов — си. Многие чины и звания

начинаются со звука «с», но с небольшим отзвуком «з». Теперь, когда опять могу воспроизводить имена (со включенной функцией званий), я поняла, что неправильно их писала. Не «с» или «з», а скорее «тс» или «ц». «Ца», «цур» и «тси».

Цур Селки — худой, довольно низкий мужик, который, наверно, смог бы неплохо изобразить Клинта Иствуда, знай он, кто это такой. С виду не похож, глаза, волосы — совсем не того цвета, но держится так, словно высечен из гранита. И думаю, именно он принимает большинство решений обо мне. Рядом с ним первый отряд вел себя очень корректно, хотя им и было далеко до Зен, достигшей новых высот невыразительности. Костюм ни разу не обратился ко мне напрямую.

После перерыва из-за моей болезни они впервые серьезно проверяли результаты усиления. Начали с Зен, и у меня сложилось ощущение, будто из-за личного присутствия цура Селки они почему-то ожидают получить больше информации. Зен подняла и немного подвигала блоки, потом то же самое проделал Мейз. Затем они оба с большой опаской прикоснулись ко мне одновременно и вместе воспользовались телекинезом. Я ничего не почувствовала, как обычно, но цур Селки, кажется, нашел во всем этом нечто значительное, потому что кивнул и провозгласил:

— Лучшая аналогия — усиливающий сосуд. Ограниченное число талантов помещается в него без особых последствий. Слишком много — и сосуд разрывается. «Размеры» талантов тоже, кажется, имеют значение. До дальнейших указаний множественные контакты абсолютно запрещены. Сурион, твой отряд займется исследованием эффектов усиления всех имеющихся у первого способностей. Для талантов, которые проявляются только в Эне, там будут организованы контролируемые испытания. Намара, двенадцатый отряд возьмет на себя маршруты, которые прежде были за первым. Инструкции тебе уже направлены.

Они все отдали честь, рука к груди. Я просто смотрела. Военная техника не отдает честь. Когда цур Селки (а следом и Зен) ушел, все расслабились, и Зи удивила меня, обняв и сказав:

— Теперь мне не нужно так бояться случайно тебя убить.

В кои-то веки я порадовалась, что так ужасно говорю, ибо на ум сразу пришел саркастичный ответ насчет незаменимого оборудования, а первый отряд не заслуживает от меня подобного отношения. Такое облегчение, что меня приставили к ним, а не к двенадцатому. Зен мне скорее нравится или понравилась бы, если бы позволила, но этот Лентон отнюдь не возглавляет список людей, с которыми мне хочется проводить время.

Это был длинный вечер. Никаких катастроф, но у ребят много талантов, и они скрупулезно изучали их все, иногда обнаруживая странные искажения, и пришли к двум осторожным выводам. Если они, пока усилены, попытаются направить талант *на* меня, он как-нибудь исказится, но применять ко мне способности без усиления можно. То же самое относится к иллюзиям. Они думают, что моя предполагаемая способность проектора каким-то образом искажает все их попытки создать иллюзию под усилением. Я пока не смогла сотворить ничего даже отдаленно на нее похожего, хоть Алей и старалась растолковать мне различные используемые для этого техники.

Все в первом отряде казались бодрыми и жизнерадостными, но все же вели себя довольно формально и обращались друг к другу по фамилиям. И я ни на секунду не забывала, что они на службе и наверняка все снимают, дабы потом прикрепить к отчету, и что на нас смотрит черт знает сколько людей.

Но когда Зи, которой пришлось зайти к медикам проверить ногу, провожала меня в

коробку, я воспользовалась возможностью и задала несколько вопросов.

— Двенадцатый отряд, что значит делать маршруты первого? Выбрать какой ионот убить?

— Нас назначают патрулировать определенные участки Эны, чтобы очистить их от потенциальных опасностей, пока те не проникли в реальное пространство. Двенадцатый отряд будет очищать участки, которые должны были достаться нам.

Что-то в ее тоне заставило меня уточнить:

— Это нехорошая вещь?

Зи поморщилась:

— Двенадцатый — самый новый из отрядов, у них мало практического опыта в наиболее сложных ситуациях, с которыми можно столкнуться в Эне. Наши назначения станут для них серьезным испытанием.

Трудно сказать, порадует ли это Зен.

— Почему остальные сетари так другие от первый отряд?

— Другие? — переспросила Зи, но готова поспорить, она знала, что я имею в виду.

— Слишком серьезные. Соревнуются. Менее... человечные.

Она надолго задумалась, прежде чем ответить:

— Старшие сетари позже вступили в программу и поначалу жили со своими семьями, а в КОТИС ходили как в школу. Когда мы начали показывать положительные результаты, программа стала интенсивнее, и детей со способностями поселили прямо тут, лишь изредка позволяя навещать семьи. Младшие сетари начали раньше, и заседали на них гораздо жестче, так что они сильнее нас. И нам понадобится эта сила. Но у них почти не было возможности побыть детьми, и как и мы, они задавлены масштабами задачи. Без сетари Тара стала бы миром уличных сражений, где на каждом углу подстерегает смерть. — Зи открыла дверь в мою коробку и невесело пожала плечами: — Младшие сетари... не заблуждайся на их счет. Они — оружие. Но они не так уж отличаются от тебя.

Когда Зи ушла, я еще долго об этом думала. В основном о том, насколько жестче они готовы заседать на меня. Но еще и о том, каково это — расти, зная, что ты стоишь между своей семьей и монстрами.

Приделась

Утренние тренировки с Зен сменились утренними тренировками с Марой. Вся прошлая неделя была наполнена лишь встречами с Зен, а сейчас, кто знает, может, нам больше никогда не придется работать вместе, и я никак не могу представить, чтобы она вдруг нарисовалась и пригласила меня поесть фондю. Эти мысли почти все утро не давали мне покоя, и в конце концов я составила короткую благодарственную записку, стараясь не наделать грамматических ошибок — хотя, думаю, стало только хуже — и отправила Зен. Она относилась ко мне как к заданию, но никогда не называла «оно». К тому же, я с удовольствием посмотрела на ее квартиру, а ведь Зен не обязана была мне ее показывать — уверена, для нее это очень личное.

Мара подошла к моим тренировкам по уворачиванию гораздо серьезнее. Полагаю, они сочли меня достаточно здоровой, чтобы немного повысить нагрузку. Она начала со стоек, шагов и всякого такого, но потом принесла корзинку мячиков, велела уклоняться и стала один за другим швырять их в меня, все сильнее и быстрее. Совсем не похоже на борьбу, но зато я *захотела* увернуться.

И очень обрадовалась концу занятий, который наступил с приходом Лона, пригласившего нас на обед. У меня четкое ощущение, что Лон и Мара встречаются, хоть и не виснут друг на друге. Черт, как знать, может, они женаты. Обедать с ними, даже в той же столовой, совсем не то же самое, что с Зен. Особенно с Лоном. Он говорит без остановки, размашисто жестикулирует, занимает сразу два стула и болтает со всеми, кто проходит мимо. Лон — анти-Зен. Все сетари, к которым он обращается, хоть немного да поддаются его обаянию. К нам подседа девушка из второго отряда, Джах Омай. Второй — еще один старший отряд. Джах спокойная и непринужденная, и обращается с Лоном как с огромным, но милым щенком датского дога.

Она не скрывала своего любопытства насчет меня и задала довольно много вопросов о жизни на Муине. По сути, она первая после друзей Ненны, кого это интересовало, так что я поведала о своих попытках сделать одеяло и о том, что с появлением интерфейса чуть ли не первым делом посмотрела, как варить мыло (главным образом масло и пепел; не представляю, как из этого можно создать мыло, ну да фиг с ним). По словам Мары, мало кто из сетари бывал на Муине. Она считается такой опасной, что даже отрядам, получившим добро на проведение исследований, не разрешено находиться там дольше нескольких часов, и мне невероятно повезло, что я выжила. Лон заявил, мол, первый отряд заграбастал себе счастливый талисман, а я ответила, что на самом деле «Девлин» означает «невезучий». Кажется, он решил, что я шучу.

После обеда Мара объяснила мне про одежду. Мы спустились в нечто вроде склада, и мне выдали легкую растягивающуюся обвязку черного цвета: треугольник на спине с двумя лямками для рук, и еще один, который обогнул ребра и, когда я соединила концы, слепился. Мара велела мне раздеться в кабинке, нацепить обвязку и «принять положение». Думаю, речь о позе морской звезды для напыляемых купальников. На сей раз на мне оказалась форма сетари.

Стена в кабинках зеркальная, и я долго себя разглядывала, с трудом узнавая ту девчонку, которая шла домой с экзаменов и заплутала. На Муине я много торчала на открытом воздухе

и загорела; сейчас загар в основном сошел, и если не считать нескольких шрамов от угрей и мелких веснушек, кожа выглядит довольно хорошо. У меня, кажется, появилась линия подбородка, и плотный воротник по шее определенно это подчеркивает, но моя фигура все же далека от стандартов сетари. Выгляжу как корова. Волосы стали светлее (только самый нижний слой остался каштановым), тоже из-за долгого пребывания на солнце, и выросли на несколько сантиметров. Почти все время я заплетаю их в неплотную косичку, чтобы не мешались. Я вовсе не превратилась внезапно в красавицу — рот по-прежнему слишком широк, и я всегда считала свой нос чересчур длинным, — но выгляжу лучше, чем ожидала, и совсем на себя не похожа.

Такое ощущение, что чем дольше я тут нахожусь, тем меньше у меня шансов вернуться к прежней жизни. И почему-то, стоило надеть форму, это стало казаться практически невозможным. Будто я пришла к феям и по глупости съела угощение.

Мара спросила, не заснула ли я там, и пришлось выходить. Увидев выражение ее глаз, я поняла, что не ошиблась насчет кушанья фей. Никто никогда не просил меня присоединиться к КОТИС и не предлагал никакого выбора. Вот только они спасли меня с Муины до того, как меня съели. И они сражаются с монстрами, а я могу помочь, пусть и самым пассивным способом, который только можно представить, но все же. В общем, то, что я никогда не говорила «да» и мне не дали возможности сказать «нет», не значит, будто я ни на что не подписывалась.

Уж лучше усиливать сетари, чем мыть тарелки, чем я, вероятно, и стала бы заниматься как рядовая бродяга. Кроме того, сейчас у них больше причин для поиска Земли, и хотя я не в восторге от своей полезности для сетари, все же стараюсь сосредоточиться на насущном, а не переживать о том, как проведу остаток жизни.

Костюмы из наножжи носить более чем необычно. Обвязка — это специальный механизм, контролирующий нанитов. Он не зависит от интерфейса и позволяет сетари вытворять со своей униформой всякие забавные штуки. Сделать ее толще, нарастить наколенники, закрыть перчатками всю руку или совсем их убрать. Создать карманы. Наверное, можно даже прикрепиться к другому сетари. Мара показала мне, что к чему, а затем велела немного поиграться. Завтра мы пойдем в Эну, проверить, как мое усиление действует там, и испробовать его на нескольких талантах, бесполезных в реальном пространстве. Мы не будем сражаться с ионотами, ничего такого, но все же мне немного страшновато.

Проблеск

Экскурсия в Эну была назначена на утро, так что никаких тренировок. За мной зашла Мара и, убедившись, что я захватила обвязку, отвела в ближайшую «нано-переодевалку». Думаю, у сетари такие стоят в квартирах, чтобы не бросать одежду в шкафчиках.

Шагать по комплексу в униформе — отстой. Я почти жалела, что не получила собственный цвет или вроде того, хотя так, наверное, выделялась бы еще сильнее. Готова поспорить, каждый из этих ребят *заслужил* свой черный нанокостюм, а не просто так щеголяет. Благо, я не поленилась заплести волосы в очень аккуратную французскую косичку, но все равно дергалась от нелепого ощущения, что меня вот-вот арестуют за эквивалент попытки выдать себя за полицейского. Кажется, Мейз, Лон и Зи меня даже не сразу узнали. По крайней мере, прежде чем стать серьезным и профессиональным, Лон пробормотал:

— Совсем взрослая.

Собираясь в Эну, первый отряд вел себя очень формально. Кроме случаев, когда поблизости ошивался синий костюм, я никогда еще их такими не видела. Все потому, что Эна опасна, пусть мы и направлялись в самый защищенный участок, который они смогли найти.

И взрывозащитные двери эту опасность лишь подчеркивали. КОТИС построили на этом острове, так как тут очень «рваное» пространство и много где можно легко перейти из реального мира в Эну и обратно. Обнаружив где-нибудь на Таре один из таких разрывов, они строят вокруг него металлический бокс. Надежда пробиться через его двери есть только у самых злобных монстров.

Пока мы ждали разрешения на проход, Мейз создал для всего отряда групповой канал или интерфейсовское «пространство», запустил служебную запись, которая зафиксировывает все наши действия, и затем объяснил мне, чего ожидать:

— Сегодня у нас три основные цели. Испытать, как ты усиливаешь способности, действующие только в Эне. Посмотреть, изменится ли влияние на уже проверенные таланты из-за смены окружения. И сориентировать тебя в Эне, ведь ты шагнула напрямую из своего мира на Муину, а во время перелета на Тару была под действием снотворных. Эна очень сбивает с толку, кое-где просто подавляет визуально, и в то же время обостряет чувства. Если ощутишь беспокойство или недомогание, немедленно сообщи. Пока мы в Эне, тебя будут постоянно сопровождать Аннан и Гейнер. Никуда без них не ходи. Если мы столкнемся с ситуацией, где нужно двигаться быстро, они тебя переместят. Не беги. Но самое главное, не проходи через врата без разрешения. Все поняла?

— Да, — отозвалась я тоненьким голосом пятилетки.

Мейз ободряюще улыбнулся одними глазами и продолжил:

— Вряд ли мы встретим ионота на этом участке, но вероятность всегда существует. В зависимости от типа, мы можем решить с ним расправиться. В этом случае ты держись подальше. Если столкнемся с чем-нибудь серьезным, то, прежде чем приблизиться, вернем тебя в реальное пространство.

К тому времени большая дверь отворилась, и мы зашли в просторный металлический бокс. Я не увидела никаких признаков «разрыва», но ведь и когда шагнула с Земли на Муину, тоже ничего не заметила. Интерфейс услужливо нарисовал в воздухе перед нами

треугольник света, показывая направление. Мейз с Марой прошли первыми, за ними — я с Зи и Алей по бокам. Я совсем запуталась в этих фамилиях, так что порадовалась возвращенной функции отображения имен: я видела летающие над их головами «Зи Аннан» и «Алей Гейнер».

Проходя через треугольник, я не чувствовала никакого сопротивления. А вот потом ощутила холод. Никто не упоминал, что в Эне где-то 10–15 градусов по Цельсию. И что странно — мы до сих пор находились в металлическом герметичном боксе с закрытой дверью, но большинство стен отсутствовало... Нет, не отсутствовало. Вы когда-нибудь видели, как кто-то рисует — сначала обозначает силуэты, потом раскрашивает? В общем, мы очутились в версии бокса, где контуры уже есть, но раскрашено еще не все. Типа того.

Итак, мы смогли выйти наружу через одну из «нераскрашенных» стен. Все равно что попасть в наполовину законченную анимацию к «Сетари: фильм со спецэффектами». Мы остались там же, где и раньше, только без людей и многих привычных мелочей вокруг. Эту часть Эны называют «околопространство», и там и вправду жутковато.

А еще я действительно чувствовала себя живее. Не знаю, в холоде ли дело, или в ощущении, будто гравитация послабее, или в чем-то... мистическом и зловещем, но я воспринимала все ярче и была супербодрой. Может, в воздухе летал адреналин? Все ждали моей реакции, так что я улыбнулась и пожалала плечами. Мейз кивнул и двинулся вперед.

Я не сразу сообразила, что по застроенному участку мира тут и там рассыпаны... врата. Некоторые черные, другие мерцающие. До меня дошло, лишь когда мы свернули за угол и оказались там, где нет ничего, кроме темного очертания неба над головой и... тысяч этих шпук. Будто кто-то разбил зеркало размером с океан и разбросал осколки, но каждый кусочек отражал не то, что перед ним, а какое-то другое место. Другое пространство.

Мы не пошли далеко, остановились перед зазубренной расщелиной размером с машину: сплошь насыщенная зелень. На той стороне виднелись трава, холмы и бледно-голубое небо, переходящее в белое. Вокруг лежали огромные камни, похожие на обломки древнего серого замка. Почти все неповрежденное, раскрашенное, но кромка пространства растворялась в тумане.

— Проходя внутрь, постарайся не прикасаться к краям. Врата могут быть нестабильными, и, разрывая их, притягиваешь ионо...

Не прекращая говорить, Мейз шагнул через врата, аккуратно подняв ногу, и я заметила, что не только звук оборвался, но и на групповом канале на месте Мейза появилось «нет связи». Когда же сама прошла следом, почувствовала, будто попала в мыльный пузырь. И воздух опять изменился, принося очень резкий запах травы. Здесь было гораздо меньше осколков разбитого зеркала. Вероятно, именно потому это место и выбрали.

— Пространства что конкретно? — спросила я, осознав, насколько ограничен горизонт. Совсем не то, что я себе представляла.

— Однажды мы, возможно, сможем точно ответить на этот вопрос, — произнесла Зи, пока Мейз и Мара «сканировали-местность-на-предмет-врагов». — Пока что мое любимое определение, что это отброшенные воспоминания населенных миров, собранные воедино увядающие фрагменты прошлого, которые постоянно двигаются и соединяются.

Думаю, если кто-то возьмет миллион пазлов и перемешает все кусочки, а потом случайно соединит так, что можно двигаться от одного к другому, получится то же самое, но версия Зи куда поэтичнее.

— Ионоты — воспоминания обитатели миров? — Кажется, мне удалось их удивить.

— Это одна из теорий, — отозвался Лон. — Может, в твоём мире все-таки хоть частично сохранилась история Муины.

— Мы много развлекательного фэнтези, — пояснила я.

И почему никто не верит, когда я говорю, что земляне не произошли от муинцев?

Вернулся Мейз:

— Вроде все чисто. Начинаем.

Эксперименты ничем не отличались от уже привычных. Как всегда, весь мой вклад заключался в стоянии рядом. Хотелось бы хоть понять, как создавать эти треклятые иллюзии. И все же было занятно наблюдать, как Мейз один за другим швыряет бульжники, поднимая потрясающее облако из камней и пыли. Большинство еще неиспробованных навыков первого отряда вроде работали, и ребята были особенно довольны из-за одного, как-то связанного с вратами. Но я обрадовалась, когда все решили, что пора возвращаться.

А потом, по дороге к вратам, через которые мы зашли, я увидела другие, маленькие, размером с две моих головы. И сквозь них проглядывало нечто настолько знакомое, что у меня чуть сердце не остановилось. Я-то уж точно замерла, и на моей внутренней записи заметно, как быстро среагировали Зи и Алей. Двигаясь на периферии поля зрения, молниеносно прикрыли меня с краев. В тот момент я видела только *это*.

— Именно так выглядит твой мир? — в конце концов спросил Мейз.

Я пожала плечами. Ощущение предательства было таким сильным, что хотелось закричать.

— Некоторые части. Австралия много красной грязи. Небо — особенный свет... я забыла, какое небо большое. Это правильный вид дерева. — Я потерла лицо и добавила на английском: — Рыдать над чертовым эвкалиптом. Жалкое зрелище!

Я сдержалась. Выдавила что-то, чтобы отряд двинулся дальше. Приказала себе дотерпеть хотя бы до возвращения на Тару, где заявила, что устала и хочу в душ. Уверена, ребята не обманывались насчет моего состояния, но им хватило ума понять, что они не могут ничего исправить, и доброты, чтобы, ненадолго заглянув к медикам, проводить меня в комнату и оставить одну.

Я думала, все по-настоящему. На одну секунду, пока не заметила расплывающиеся края, решила, что это Земля. До сих пор помню, как внутри все сжалось, как каждая моя частичка сначала замерла, а потом радостно подскочила, лишь затем, чтобы рухнуть.

Разом нахлынули все так долго сдерживаемые эмоции. Все безуспешные попытки смириться с тем, что я — бродяга, лишняя, ненужная, и никогда не стану здесь своей. А завтра мой день рождения. На краткий миг я понадеялась, что шанс есть, что я смогу вернуться домой и провести день рождения там, а теперь просто не знаю, вынесу ли эту ужасную пропасть, разверзшуюся внутри после мгновения веры.

Хочу домой.

С днем рождения!

Проснулась я на своей кровати. На СВОЕЙ кровати. Моя кровать, моя комната, мой мир.

Почти, но не совсем.

Каким-то образом я оказалась в околопространстве Земли. Сначала ощутила холод и только потом заметила, что большая часть стен словно испарилась. Замерзла я жутко, продрогла до костей, как если бы сидела зимой на морозе. Хотя зима в Сиднее обычно проходит без минусовых температур, торчать на улице в одних трусиках и футболке до середины бедра все равно не шибко весело.

Вот только сейчас холод волновал меня меньше всего. Без понятия, как мне это удалось, но я очутилась максимально далеко от места, куда мечтала попасть. Я встала, покачнувшись на одеревеневших ногах и открыла дверь.

В околопространстве все перемещения происходят будто под водой. Можно поднимать предметы, но внешне легкие приходится передвигать с усилием, а вот тяжелые взмывают вверх неожиданно легко.

Для начала я просто огляделась. Все эти обыденные домашние мелочи казались столь знакомыми и правильными. И сделанными как положено, а не так, как их делают на Таре. Так, словно они МОИ. Я активировала запись. Снимать окружающую обстановку фиксировать воспоминания, чтобы позже пересмотреть, — уже стало привычным автоматическим действием.

Многого не хватало. Стены и мебель, большие и более долговечные предметы интерьера отличались достаточной плотностью, но детали поменьше представляли собой лишь дымку, по очертанию которой я могла предположить, что тут должно находиться — скорее кляксы, чем нечто вещественное... На книжном стеллаже виднелись *впечатления* от книг, массивные и красочные, но на парочке полок — тех самых, куда мама ставила свои любимые издания — я могла различить обложки и даже взять что-нибудь в руки.

Сад на заднем дворе оказался неожиданно реальным. Маме нравилось, что у нас есть сад, но она особо им не занималась, потому он выглядел как нечто в деревенском стиле: сплошные зеленые заросли, которые нужно постоянно пропалывать. Все на месте — кусты, листья, цветы. И даже тот особый аромат, хотя все вокруг словно сглажено стальной дымкой. А вместо голубого неба — лишь синевато-серая размытая акварель.

Я вышла на улицу в поисках врат. Думала, тут будет как в околопространстве Тары, и я смогу изучить все попавшиеся на пути прорехи и найти те, что ведут на планету, а не в Эну, ну а там уж посмотреть, получится ли сквозь них пройти.

Но врат не было. Во всяком случае, видимых глазу. Я шагала вперед в поисках любого знака, и зернистый асфальт под босыми ногами казался теплее, чем все остальное вокруг. Муина и Тара находятся в районе с множеством «разрывов», и потому у них столько проблем с ионотами. А вот околопространству Земли врат определенно не хватало.

Не знаю, почему не испугалась еще больше. Думаю, холод притупил здравый смысл. Логически я понимала, что вместо желанного перемещения серьезно вляпалась. И если наткнусь в этом мире «воспоминаний» на монстров, то исключительно на земных. Монстров с человеческими лицами; монстров, творящих друг с другом всякую жуть. И это даже без

учета хищников-не-людей настоящего и прошлого Земли и существ, в которых мы так любим наряжаться. Пусть Австралия — одно из самых безопасных мест для жизни, здесь все же случается много плохого. Впрочем, я скорее умерла бы от холода и голода, чем став чьим-то обедом.

Слишком заочневшая, чтобы переживать об опасности, я просто вернулась к очертаньям своего дома и села на ступеньках заднего крыльца. Я не могла понять, как сюда попала, но не сомневалась: это не сон. Надо было найти что-то достаточно плотное, чтобы согреться, и побродить вокруг в поисках врат.

Пространство казалось спокойным местом, и единственный шум, который я различала, походил на ветер или какие-то помехи, отдаленные, но постоянные. Не знаю, слышала ли я еще хоть что-то, но вдруг почувствовала странное покалывание во всем теле, словно нечто пронеслось мимо. Я резко вскочила, осознав, что практически уснула, и уставилась через плечо на знакомые доски ограждения веранды и раздвижную дверь на кухню.

Тени. На веранде виднелись еле заметные стол и стулья, а еще тени. Легчайший намек на силуэты людей, которые будто тускнели или темнели, стоило мне двинуть головой. У меня даже мысли не возникло, что это могут быть ионоты. Исполненная надежды, я начала вертеться и шагать туда-сюда, пока не остановилась в дверном проеме, откуда открывался наилучший вид. Я тут же узнала папу — он высокий и все время сутулится. Мама сидела рядом. Та невысокая тень, наверное, Джулс. Прямо передо мной.

Я знала, кричать бесполезно — уже заметила, что звуки не проходят совсем. Попытка проковырять дырку в пространстве ни к чему не привела. Зацепиться не за что, просто воздух. Однако странно густой, вроде тех врат, сквозь которые мы шли с первым отрядом. Я сосредоточилась на этом ощущении и попыталась уловить невидимую грань между моим миром и собой, веря, что если смогу ее нащупать, то и оттолкнуть получится. Я наклонилась, чувствуя щекой это грань, наблюдая и мечтая, чтобы тени обрели формы и я их разглядела.

И будто уткнулась в резиновую стенку, которая сопротивлялась малейшему натяжению, но с каждым миллиметром видимость улучшалась. Вот мои тети. Облачно, хотя дождя нет. И все пришли на обед в честь моего дня рождения... даже папа и Ник. У последнего вместо щеки сплошной синяк. На коленях у мамы Миммит, наша пятнистая кошка. Мама выглядит такой уставшей, изнуренной и непохожей на саму себя, и я знаю, что все из-за меня, и упираюсь в стенку все сильнее и сильнее.

Миммит вдруг резко выгибается, фыркает и спрыгивает с маминых коленей. А потом тетя Бет роняет свой бокал, мама следит за взглядом шипящей Миммит... и кривится так, будто ее кинжалом пронзили.

Спасибо всем богам за язык жестов. Я никогда не была в нем особенно хороша, но все, что не помню, могу произнести по буквам. И я без проблем вывела:

— *Не мертвая.*

Первым отреагировал Джулс — потянулся вперед и попробовал прикоснуться к моей руке. Что-то сказал. Мама зажмурилась и снова открыла глаза. Папа попытался схватить меня за плечо, но я ощутила лишь легкое покалывание. Постаралась пробиться сквозь стену, но поняла, что дальше продвинуться уже не могу, и почувствовала себя совершенно опустошенной. Что ж... по крайней мере, я в силах рассказать им о случившемся.

— *Прогулка сквозь червоточину. Другая планета.*

Мамино лицо стало совсем уж скептическим, и все одновременно начали говорить и показывать знаки. Тетя Сью схватила свою сумку и вытащила мобильник, направляя его на

меня. Я перевела взгляд на Ника и показала:

— *Что с щекой?*

— *Отец*, — ответил он, и такого объяснения вполне хватило.

Напиваясь, его папаша переставал узнавать людей и в каждом видел угрозу. Обычно Нику удавалось с ним совладать, хотя это далеко не первый его подбитый глаз. Впрочем, он все равно не бросает отца.

Ник расплылся в моей самой любимой ухмылке — когда происходит всякая неприятная ерунда, а он решает расслабиться и получить максимум удовольствия.

— *Какого черта?* — добавил он, показывая на меня.

Объяснить все случившееся показалось мне невероятно сложной задачей. Но я все же постаралась:

— *Шла домой. Потом другая планета, лес. Шла дни. Руины. Пустые. Потом спасение, экстрасенсы — космические ниндзя. — Я вздрогнула от выражения их лиц, но иначе охарактеризовать сетари не могла. — Много миров, монстры. Тонкий мир? Они сражаются с монстрами. Нашли меня, взяли на свою планету. Тара. Люди вроде меня — бродяги. Врата — червоточины — повсюду. Монстры, люди, могут проходить сквозь них. На Земле нет врат. — Я бессильно стукнула по воздуху передо мной. — Ищу вход.*

Мама потихоньку успокоилась, пока смотрела мой «рассказ». Поняв, что я не галлюцинация, она в своем духе восприняла все как должное.

— *Монстры там с тобой?* — спросила она знаками.

— *Не знаю. Не знаю, как тут.*

— *Почему лабораторная крыса?*

Я начала сожалеть о своей надписи. Не хотелось бы маме это рассказывать. Оставалось только пожать плечами:

— *Слишком много медицинских осмотров. Но нанокomпьютер в голове! Загрузили язык. Учусь, не вылезая из кровати.*

Увидев, как все резко поменялись в лице, я обернулась и лишь поэтому не испугалась до смерти при появлении капитана четвертого отряда. Он даже невозмутимее Зен, никогда ничему не удивляется и не поражается. Кинув взгляд на мою семью и мир, он просто стянул с руки несколько черных ремешков и протянул мне. Обвязка моей униформы.

Я смогла только выдать:

— Спасибо.

Удивительно, как он меня нашел. Я сама не понимала, как тут очутилась.

— *Космический ниндзя?* — показала мама, пока я натягивала ремешки. Я кивнула, а она смерила его взглядом: — *Друг или враг?*

Надеюсь, я не выглядела слишком сомневающейся, когда посмотрела на сетари. К счастью, он как раз снимал со своего костюма щиток из отвердевающей наножиги и не видел выражение моего лица.

— Я не вижу разрывов в стене этого мира. Если бы тебе удалось прорваться внутрь, ионоты хлынули бы следом.

Я вздрогнула. Подобное мне и в голову не приходило.

— *Говорит, подвергаю вас опасности*, — показала я и заметила, как мама нахмурилась, а папа насторожился.

В этот миг капитан четвертого отряда прижал подушечку наножиги в центр обвязки на моей спине, и по мне разлился костюм, тут же согревая. Я и не осознавала, что так сильно

замерзла.

— *Веном!* — показал Джулс с сияющим лицом. Он любит фильмы про «Человека-паука».

Я улыбнулась ему, а у сетари спросила:

— Можешь найти врата?

— В этом районе их нет. Может, твой мир вообще без разрывов. Вероятно, здесь есть естественные врата, но такие чрезвычайно редки.

Это, конечно, не категорическое «нет», но сомневаюсь, что смогла бы заставить его сделать хоть что-то, даже отыщишь вдруг естественные врата.

— Каковы шансы Тара вернуть меня домой?

Сейчас он всматривался за наши спины — я знала этот внимательный взгляд еще с моего первого дня с первым отрядом — в поисках ионотов.

— До сегодняшней вылазки я бы сказал «никакие». Особенно увидев, как далеко от центра разрывов находится это место. Но если тебе удастся снова проложить путь к своему миру, то, возможно, ты сумеешь попасть в его околопространство.

В околопространство — да. Но дальше-то не пройду. И уж точно не стану той, кто проделает дырку в защите Земли от монстров.

Наверное, все это отразилось на моем лице. Когда я вновь повернулась к родным, отец ничего не сказал, но выглядел расстроенным, а мама вцепилась в подлокотники кресла.

— *Должна возвращаться. Не знаю, найдем ли врата, не навредив Земле. Шансы малы.* — Становилось все тяжелее удержаться от слез. — *Скучаю по вам, очень сильно.*

— *Можно к тебе?* — восторженно показал Джулс и разинул рот, когда капитан четвертого отряда повернулся и мимоходом пронзил какую-то штуку, прыгнувшую на нас из очертаний двери в гостиную.

Штука напоминала паука, сделанного из ржавых гвоздей и старой шинной резины, но никак не ионота в моем представлении. Сетари поднял добычу, чтобы лучше рассмотреть, и я поняла, что он вырастил кинжал из наножижи рукава своего костюма. Я видела нечто подобное в тех фильмах, что смотрела с Ненной, вроде «Терминатора 2», поэтому не особо удивилась. Самого появления паука-ионота и так достаточно.

Когда я обернулась, выражение папиного лица изменилось. Если прежде он собирался спорить, то теперь хотел, чтобы я как можно быстрее оказалась в безопасности, и неважно, как далеко.

— *С днем рождения,* — медленно показал он. — *Обнимаю.*

— *Люблю вас.* — Я посмотрела на Ника и перекрестила руки, «обнимая» и его тоже.

Он повторил мой жест и добавил:

— *Будь счастлива.*

— *Ты тоже,* — старательно показала я. — *Скажи Алиссе, жаль, пропустила вечеринку. Скучаю по ней.*

Ник ухмыльнулся:

— *Сделаю.*

Я улыбнулась тетям и перевела взгляд на маму.

— *Удачи,* — показала она.

В этом вся мама. Я кивнула и, подумав мгновение, добавила:

— *Спасибо, что ты моя мама. Люблю всегда.*

Тут мы обе расплакались, я постаралась улыбнуться и сделала шаг назад, вытирая лицо,

пока моя семья растворялась в тенях. Хотелось остаться, рассказать больше, задать еще тысячу вопросов, но я не настолько глупа или эгоистична. Если здесь появился один ионот и напал на нас, следом придут другие.

Я повернулась к сетари, который уже успел избавиться от паука и вряд ли мечтал торчать здесь, пока я играю в семейное счастье. Но он хотя бы старался не демонстрировать нетерпение.

— Прости. Теперь готова.

Он протянул мне небольшую флягу и питательный батончик:

— Держись рядом.

Дорога до врат заняла минут десять, и я все гадала, как же смогла пройти это расстояние во сне. И как удалось капитану четвертого отряда проследовать за мной. Продвигаясь по длинной тропинке сквозь очертания моего района, мы встретили еще несколько паукообразных штук, но сетари справился с ними так же легко, как и с первым ионотом. После еды и питья я осознала, насколько проголодалась и устала, но порадовала себя, самостоятельно создав на форме кармашек для фляги и пустой обертки.

Врата располагались на чьем-то заднем дворе — в некоем бассейне, давно позабывшем, что такое вода. На той стороне виднелась красная земля, голубое небо и гряда огромных скал. На дне бассейна лежало полдюжины пауков и обтрепанная тень с клещами. Все мертвы. Было непросто спуститься вниз и встать среди трупов.

— Врата, а в особенности те, которые ты расширила, — наиболее опасные точки в пространствах, потому как нельзя точно просчитать угрозу с обратной стороны. Я пройду, а ты будешь ждать сигнала. Без него не двигайся с места, если только с той стороны не возникла опасность. Если придется бежать, самое главное — держись ко мне поближе, где бы я ни был. Все поняла?

— Я прорвала врата? — Я устала на убитых монстров. И это ведь только здесь...

— Ты не помнишь? — Сетари покосился на меня, похоже, пытаясь определить, вру или нет. В его глазах никогда не отражается ни удивления, ни раздражения или гнева, ни искреннего интереса. — Ты сделала новый разрыв в оболочке Тары, а потом нашла или расширила тринадцать врат между тем местом и этим.

— Разрыв? Из медблока? — Лицо горело, но я отбросила смущение и просто сказала: — Я проснута здесь.

Он вернулся к сканированию окрестностей, потом несколько мгновений неподвижно и сосредоточенно изучал врата, прежде чем шагнуть сквозь них. И пускай я в одиночестве бродила по околопространству Земли, но то время, пока капитан четвертого отряда находился с другой стороны, чувство уязвимости зашкаливало. Полдюжины причин для такого состояния лежали у моих ног, а края бассейна располагались на уровне глаз, так что я сразу заметила бы чье-либо приближение. Это на корню убивало радость от последних минут пребывания в околопространстве Земли.

К счастью, сетари почти сразу подал мне сигнал, и я оказалась на красной выжженной равнине под огромным небом, в котором еще и какая-то лента извивалась, но так далеко, что даже не страшно.

В этом пространстве я разглядела еще лишь двое врат. Одни мерцали на горизонте, очень далеко. Другие располагались на склоне горы, куда вскарабкаться не сложнее, чем долететь до звезд.

— Следующее пространство густо населено, — заметил капитан четвертого отряда,

когда мы добрались до вершины скалы. — Эти ионоты относятся к типу «тола» и не опасны, но их так много с обеих сторон, что, соберись они в кучу, справиться будет трудновато. Их привлекают звуки, поэтому идем тихо и общаемся только через интерфейс. Не останавливайся на следующих вратах — мы сразу пройдем и их.

«Тола» — значит «слабый». Я уставилась сквозь врата на вертикально чередующиеся полосы теней, но так и не смогла разглядеть ничего похожего на монстров. Зато вовремя вспомнила приказ никуда не лезть до сигнала. Впрочем, сетари дал мне отмашку практически сразу.

Я словно налетела на холодную паутину. Думаю, это пространство было тенью леса, столь блеклое, что меня окружали не деревья, а лишь черточки потемнее. Капитан четвертого отряда двигался вперед, держа руку перед лицом, а я изо всех сил старалась не отстать. По ощущениям это слегка напоминало мою попытку пробить себе дорогу из околопространства Земли, хотя здесь сопротивление не усиливалось. А еще было чертовски темно. Врат, к которым мы направлялись, я не видела, да и своего спасителя вскоре потеряла и не запаниковала лишь потому, что мой интерфейс знал, где он находится. Подключив отображение имен, можно с легкостью следовать за сетари куда угодно. Так я шла за летящей надписью «**Каорен Рууэл**» сквозь лес вьющихся растений и чувствовала себя дурочкой.

[Тарианская грамматика по-прежнему приводит в замешательство: Мейз произносил «Рууэл» как «Ру-эл».]

В следующем пространстве темнота стала крошечной. Благо, я уже догадалась следовать за своим спасителем с помощью интерфейса. Зен как-то упоминала, мол, таланты капитана четвертого отряда связаны с видением, что объясняет его способность так уверенно находить путь во мраке. Полагаю, это пространство представляло собой некую пещеру или туннель. Почва, к счастью, была ровной, к тому же идти пришлось недолго. Следующие врата нашлись в десяти-пятнадцати метрах от входа. Я увидела серебристо-серую воду и остановилась, когда Рууэл шагнул на ту сторону

И опять он практически сразу подал мне знак, и я вышла на ночной пляж. Какое странное место: прекрасное и жутковатое, залитое серебром и тьмой, но луны, которая объяснила бы источник света, в небе не было. По пляжу тянулась лишь одинокая тропинка из отпечатков чьих-то ног. Песок, взвившийся за ними, будто говорил, как быстро этот кто-то шел. Следы Рууэла, но не мои.

— Почему не весь отряд? — спросила я, потому как спрашивать его, не парила ли я в воздухе, бесполезно.

— Группы привлекают ионотов. А необходимость прорываться сквозь них с боем сильно бы нас задержала.

Значит, он в одиночестве миновал тринадцать пространств, чтобы меня найти. Я видела, как ведет себя первый отряд во время прохода сквозь пространства, так что понимала, насколько это опасно.

— Спасибо. Спас жизнь.

Рууэл даже ответить не удосужился. Гад. Конечно, он явился не ради одного лишь спасения Касс, а для возвращения потенциально полезного оружия. И вернет меня на место, где я была «усиливающей бродягой» и тем, ради сохранения чего они даже готовы рискнуть жизнью капитана. Я и не осознавала, насколько ценна.

Следующие врата вели в город небоскребов, оплетенных вьюнком. Шагнув через

границу, Рууэл повернул голову, словно ожидая нападения ионотов, потому я не удивилась, что он не отсигналил сразу же. Если он там погибнет, это будет моя вина.

Мой единственный защитник вернулся целую вечность спустя — как раз когда я перестала гадать, что же случится, если я продолжу в том же духе, и переключилась на вопрос, что делать, если он не придет. Рууэл не выглядел раненым — у него даже дыхание не сбилось, — но все же велел:

— Здесь побыстрее. — И сразу отступил на два шага.

Здесь пахло смертью. Понятия не имею, как еще это можно описать. Запах старой крови и гниющих растений, зловоние от разложения. Смерть. Я не видела, что так задержало сетари, да и не особо-то хотела вникать. Лишь поспешно бежала за ним. И неважно, какому миру принадлежало это пространство, оно все равно было ужасным.

Отсюда виднелась по крайней мере дюжина врат — казалось, будто с каждым пересеченным нами пространством их становится все больше. Всякий раз, когда мы приближались к этим проходам, мое сердце воспаряло в надежде, но вновь падало вниз, стоило перебраться на другую сторону. Наконец в очередных воротах показался кусок резного камня и край лестницы. Капитан четвертого отряда остановился и начал осматриваться, а я осознала, что останусь тут одна, пока он зачищает следующее пространство. Пришлось закусить губу, чтобы не ляпнуть какую-нибудь глупость. Когда Рууэл ступил внутрь, я едва не плюнула на его указания и не двинулась следом.

Полагаю, лишь перспектива нотации о непослушании удержала меня на месте. Меня так тошнило от этого места, что я принялась озираться по сторонам. Врата находились посреди улицы, и сверху свешивались колышущиеся листья. Я слышала какой-то шум — шарканье, оно приближалось — и старалась определить, где начинается «непосредственная опасность нападения», когда вдруг появился Рууэл.

— Мы побежим, — сказал он. — По лестнице до самого верха и напрямик сквозь врата. Давай!

Вот оно. То, что называется «меж двух огней». Я была уже на грани нервного срыва из-за вони и шорохов, так что даже не колебалась. Следующее пространство встретило нас холодом и бесконечным глухим эхом отдаленного рева. Я посмотрела вниз. Плохая затея. Лестница оказалась ужасно крутой. Но увиденное у основания заставило быстрее помчаться вверх. Мы очутились на ступенчатой пирамиде из серого камня, огромной, вырастающей из океана чего-то черного. Это «что-то» ужасно напоминало наножижу наших костюмов. Все стороны пирамиды были усеяны шипами, на которых, словно бабочки, висели тени людей. Темные щупальца тянулись к нам из их грудин.

Я не очень-то хороша в беге по лестничным пролетам. Особенно по крошащимся каменным ступенькам с ошметками недавно раскромсанной черной гадости на них. Я могу воспроизвести запись этой бесконечной безумной минуты, которая нам потребовалась, чтобы вырваться из очередного пространства. Могу посмотреть, как капитан четвертого отряда обогнал меня и зачищал передо мной тропинку. Но в действительности мало что помню, кроме чистой паники. Если бы очередные врата не воспротивились проникновению, словно стенка большого мыльного пузыря, думаю, я бы проскочила их на бегу, хотя казалось, будто моя грудь вот-вот разорвется. Но нежданная преграда меня затормозила, и я, тяжело дыша, опустилась на четвереньки.

А пока приходила в себя, Рууэл прошел немного вперед — раздражающе невозмутимый и словно незатронутый пробежкой вверх по практически отвесным ступеням. Он лишь

дышал чуть глубже. Я бросила взгляд назад через плечо, вздрогнула и произнесла:

— Ктулху жив.

А вдруг оно способно преследовать нас и сквозь врата? Ведь теоретически ионоты могут передвигаться меж пространствами. Этой мысли оказалось достаточно, чтобы я вскочила и начала осматриваться вокруг.

Мы стояли на ветке, широкой и мягкой из-за устилающих ее мха и лишайника. И так высоко, что если внизу и была какая-то земля, то она затерялась во мраке под нами. Вовремя я остановилась. Рууэл принялся карабкаться вверх с помощью очередного лезвия из наножижи. Я последовала за ним, хотя ноги дрожали и ныли. Сколько миров мы уже пересекли? Красная пустыня, лес тола, туннель, пляж, небоскребы, пирамида, дерево — значит, впереди еще шесть штук до околопространства Тары. Хорошо, что Рууэла вообще не волновало мое мнение. Мне хотелось сесть, обхватить колени и тупо раскачиваться взад-вперед, и лишь его безразличие заставляло двигаться дальше.

К счастью, следующие врата относились к тем, у которых сетари сразу подавал мне сигнал для перехода. Появилась надежда вернуться назад и не стать ничьим перекусом. Новое пространство казалось просто огромным, с белыми платформами, что пересекали черную бездну и поднимались к звездам. И множество врат — больше я еще нигде не видела. Хорошо, что наши оказались совсем недалеко, ибо особого желания лезть куда-то еще у меня не было.

Подняв голову, Рууэл остановился так резко, что я чуть не врезалась ему в спину. Оказалось, он тоже способен удивляться. Я посмотрела наверх. В небе сияли размытые цветные волны, что-то вроде северного сияния. А еще доносился слабый, смутно знакомый звук, напоминающий песню кита. Рууэл посчитал это наиболее интересным из всего нами встреченного и стоял неподвижно, уставившись вверх.

А потом сказал:

— Усишь меня. — И протянул руку назад.

Все это время он старался меня не касаться. Здесь, в одиночестве, среди пространств — не лучшее место для проверки моего воздействия на существующие у него таланты. И в то же время вряд ли сетари отдал бы приказ без какой-либо причины, поэтому я взяла его за руку без глупых вопросов, типа «А ты уверен?». Однако внутренности сводило от нехорошего предчувствия.

И тут Рууэл рухнул на колени. Уж точно не этого я ждала от своего защитника. Особенно учитывая, что все это время он стоял на краю платформы и при падении чуть не выдернул мою руку из сустава. В такой позе и остался, уставившись вверх.

С широко распахнутыми глазами, Рууэл не казался страдающим от боли, скорее было похоже, что он переживает какой-то религиозный опыт. Совсем некстати, но раз уж мне так хотелось отдохнуть, я тоже села на краю платформы и стала ждать. И все ждала и ждала.

В итоге легла на спину и наслаждалась далеким световым шоу, пытаясь превратить щупы моего костюма в кинжалы, но без особого успеха. Я могла заставить их вырасти в остроконечные ответвления, но они оставались мягкими резиновыми иглами. Мара не показывала мне, как делать оружие.

Шум становился все громче, и я поняла, что такие же звуки слышала на Муине, только сейчас не так близко. Та самая «громадина», которую явились изучать сетари, а вместо этого нашли меня. И если эта ддора и правда что-то вроде оружия или инструмента для решения проблем, связанных с разрывами пространства, то интерес к ней Рууэла вполне понятен. Но

простой он так еще немного, я бы в конце концов уступила навалившейся усталости и отключилась, неспособная даже криком предупредить о приближении кого-то, желающего нас съесть. К счастью, ддора исчезла, и капитан четвертого отряда закрыл глаза и судорожно вздохнул. Сомневаюсь, что он хоть раз моргнул за все это время.

— Начала думать, твои мозги расплавились.

Судя по тому, как Рууэл растерянно на меня уставился, он обо мне и думать забыл.

— Еще нет. — Он немного скованно поднялся на ноги, не выпуская моей руки, поэтому лежать дальше мне уже не светило. — Нам навверх.

Не передать словами, сколь невесторженную реакцию вызвало у меня это заявление. Ддора была уже очень далеко. Не уверена, что сделал бы капитан четвертого отряда, если бы я закатила ему истерику. Может, понес бы на руках. Не дожидаясь ответа и все так же сжимая мою руку, Рууэл зашагал вперед. Пришлось топтать следом, гадая, когда же закончится этот день.

Мы поднялись на три лестничных пролета, состоящих из платформ, и остановились перед длинным, но узким разрывом в какую-то белую пелену, забрызганную разноцветными пятнами, с высокой белой башней посередине, большой и массивной, с очень знакомыми мне арочными дверьми. Рууэл снова предался созерцанию, но не делал ни единой попытки пройти сквозь врата. Лишь стоял и внимательно изучал все, что попадалось его взору.

Поскольку это здание немного походило на виденные мною на Муине, я тотчас же предположила, что мы в околостранстве Муины или рядом с одним из тех невероятно опасных центров поддержки, построенных муинцами в Эне, которые и послужили причиной всеобщего разлома. Напряженность позы капитана четвертого отряда явно говорила, что перед нами что-то очень важное. А раз уж центры поддержки были признаны такими опасными, я радовалась, что он не решил подойти к ним поближе.

Насмотревшись вдоволь, он протянул свободную руку, которая слабо светилась, и врата засветились в ответ. При этом сам Рууэл занятно побледнел и немного сжал мою ладонь.

Между пространством белых платформ и околостранством Тары мы прошли еще пять врат. Он «подсвечивал» их все, и если бы там возникла хоть малейшая необходимость в пробежке или уничтожении ионотов, мы бы погибли — ведь что бы Рууэл ни делал с вратами, выкладывался он при этом так же, как я во время бега по лестнице. К тому моменту, как мы добрались до знакомого металлического бокса, я уже начала гадать, а не придется ли мне тащить сетари на себе, что при его росте под метр девяносто было бы попросту невозможно. Как только мы прошли сквозь последние врата в нужный мир, он отпустил мою руку, прислонился спиной к стене, закрыл глаза и только что в обморок не грохнулся.

После крайне короткого сканирования практически сразу открылись укрепленные двери. Меня тут же подхватили зеленые и серые костюмы, а к моему спасителю бросились четвертый отряд и парочка других сетари. Один из них, очевидно друг, назвал его по имени:

— Каорен, наконец ты вернулся! Как же далеко тебе пришлось пройти? Я никогда тебя таким не видел.

— Это неважно. — Капитан четвертого отряда пришел в себя и выпрямился. — Мобилизуйте третий. Я наткнулся на одну из Колонн, и даже с усилением бродяги мне не хватило сил плотно запечатать врата в последние пять пространств.

Все отреагировали так, словно он объявил об Армагеддоне: подпрыгнули на месте и выпучили глаза. Что до меня, я была рада, что так сильно устала, ибо знала о грядущих

медицинских обследованиях и собиралась все их проспять. И, собственно, так и поступила, не считая сонных ответов, мол, ага, я и вправду не в курсе, как сумела добраться до Земли.

Комната, где я сейчас нахожусь, напоминает коробку еще больше, чем предыдущая. Здесь на меня постоянно направлены сканеры, которые пытаются вычислить, что я такого натворила и получится ли удержать меня от повторения сего подвига. Дневник мне вернули лишь через день, и ушла целая вечность, чтобы все записать, но это не страшно — интерфейс все равно полностью вырубил на время обследований, а больше тут заняться нечем.

Я снова лабораторная крыса. Снова бродяга. Очень больно это слышать, если честно.

Только, думаю, теперь я справлюсь. Теперь все иначе, ведь мама и папа знают, что я не умерла. И я смогла попрощаться. Не знаю, будут ли здесь когда-нибудь относиться ко мне как к личности, но можно последовать примеру Ника и видеть во всем хорошее, пока не удастся улучшить ситуацию. Я не голодаю. И никто меня тут не съест. А еще как-то, сама не знаю как, я способна попасть на Землю. Я не хочу убиться, добираясь туда, и рисковать и притаскивать в родной мир ионотов, но теперь у меня есть цель, помимо «быть полезной бродягой». Если смогу контролировать свои способности, может, додумаюсь, как отыскивать естественные врата, и сумею вернуться в мою настоящую жизнь, снова стану Касс.

А то с каждым днем рождения будет еще хуже.

Психология

После обеда пришедший навестить меня Мейз сообщил, что же выяснилось после всех этих обследований. Впрочем, он не сказал ничего, о чем бы я уже сама не догадалась: у меня есть некая способность отыскивать Землю среди пространств и потом ломиться туда, прошибая врата на своем пути. И все это во время сна. Прежде они ничего подобного не встречали и если раньше пытались вычислить мои способности, выискивая в мозгу знакомые структуры, то сейчас осознали, что действительно не имеют представления, на что я способна и как меня дальше тестировать. Они также предполагают, что, возможно, ошибались и в вопросе создания иллюзий.

В основном их беспокоит, что я продолжу проделывать дыры где ни попадя и исчезать.

Мейз спросил, может ли он что-нибудь для меня сделать. Хм, подобные вопросы лучше не задавать человеку, дни напролет запертому в комнате, где даже заняться нечем в ожидании очередного медицинского обследования. Очевидно же, что они могли бы сделать тысячи вещей, вопрос в том, как они поступят на самом деле. Мейз, наверное, сильно удивился, когда я только сердито зыркнула в ответ. Собственно, я удержалась от криков и гневных тирад лишь потому, что его пожалела.

— Что нужно? Меньше тосковать по дому, — сказала я. — Думаю, поэтому все случилось. Я не засыпать с мыслью «ночью уйду». Не испугана, не расстроена. Просто тоска по дому. Но теперь все изменилось, это плюс. Семья знает, я здесь — это большая разница. Еще выбираю не уходить, пока не найду способ не делать дырок в поле Земли, не приводить монстров. Это недопустимо. Найдем способ удержать меня от ухода?

— Честно говоря, мы не знаем. Ты все еще здесь, хотя, возможно, причина лишь в том, что ты не пыталась уйти. Мы не знаем, имеет ли на тебя какой-либо эффект дополнительная герметичность этой комнаты — в подобные помещают наиболее чувствительных сетари, чтобы они могли нормально высыпаться.

— Побольше коробка скоро? — с надеждой спросила я.

— Нет смысла бесконечно держать тебя в режиме строгой секретности в интенсивной терапии. — Мейз одарил меня своим «капитанским» взглядом. — И хватит называть эту комнату коробкой.

— Пока дверь заперта, это коробка. Что думают, я сделать? Уйти на денек в Унару? — Мой голос стал унылым и жестким, я вздохнула и покачала головой. — Устаю от глупых психологических игр. Посадим Касс в коробку для ничегонеделания. Касс счастлива делать хоть что-то? Добавим упорные тренировки. Выведем Касс на обед наружу — счастливая Касс старается упорнее. Касс ушла на Землю. Посадим Касс в коробку, отнимем игрушки.

— Ты считаешь, мы для этого ходили с тобой обедать?

— Нет. — Я сама смутилась от собственной грубости. — Первый отряд просто хорошие ребята. Но спорю, Мейз докладывает о положении психологического здоровья бродяги.

Его губы слегка сжались. Значит, я права.

— Первый отряд, сетари, они полезное оружие. Много правил. Выбрали быть сетари ради защиты дома. Я здесь, не моя планета, но должна вам свою жизнь. Пока не могу попасть домой, готова помочь. Это правильная вещь делать. Принимаю правила. Но. Держат в коробке, раздражена. Отключили интерфейс, скучно. Если обследование, нужно

воспроизводить обстоятельства. Другие обстоятельства уничтожат результат. Кто-то мелочный? Или наказание? Все, что добились, — раздраженная Касс. Тогда пошлем Мейза поговорить со мной.

— Неужели мы кажемся тебе такими манипуляторами? — Мейз выглядел действительно расстроенным.

Я пожала плечами:

— Не уверена. Может, просто большая глупая машина забыла, Касс личность. Или это способ сделать очень послушной? Не знаю. Терплю это, просто раздражена.

Я не хотела их злить, чтобы со мной не стали обращаться еще хуже. От переизбытка свободного времени моя фантазия успела подкинуть кучу вариантов развития событий. Однажды даже приснилось, будто у меня на животе шрам, и выяснилось, что мне вырезали яичники и пытаются развести побольше «усилителей». А поскольку это решение было бы вполне логичным, меня полдня трясло от страха. Я разрывалась между отчаянным желанием снова сбежать и необходимостью убедить себя не переживать так сильно. Вот почему вывалила всю эту чушь на Мейза.

— Прости. Не вина Мейза. Что случилось с большой башней?

Думаю, я действительно расстроила беднягу, но он прям засветился, стоило мне сменить тему.

— О, это настоящая удача! Ионоты — лишь симптомы, а вот Колонны — болезнь. С тех пор, как научились путешествовать сквозь пространства, мы ищем Колонны, и за последние пять лет эти поиски усилились за счет специализированных отрядов сетари. Но только дважды за все это время нам удалось приблизиться к подобной Колонне, и в обоих случаях перемещение врат приводило к тому, что мы лишь успевали их заметить, прежде чем оказывались от них отрезаны. Нам удавалось только собирать данные на ддор и Колонны. И мы чуть было не потеряли путь и к этой, несмотря на все попытки заблокировать врата. Однако в итоге нам удалось развернуть несколько дронов в том пространстве, и вчера днем они проложили дорогу и привели туда третий отряд для первоначального осмотра, который прошел без помех. Что еще лучше, есть мнение, будто потерянные нами врата — вращающиеся, остальные же относительно устойчивы, поэтому мы сможем постоянно туда возвращаться и выведать все тайны этого места.

— Что случится, если взорвать Колонна?

— Хороший вопрос. Мы не знаем. Но это может привести к катастрофе, поэтому мы не намерены что-либо разрушать. — Мейз снова улыбнулся, но на сей раз не так печально. — Ну а как тебе такое интересное развитие событий: представь, что будет, если выяснится, что ты тоскуешь по Колоннам словно по дому?

— Нет уж, спасибо.

Вскоре Мейз ушел, лишь махнув на прощание и не сказав ничего утешительного. Я не упустила из виду, что он не стал отрицать мои слегка параноидальные теории, но жалела, что заставила его чувствовать себя неловко.

—

Через час или около того мне вернули права доступа. На тот уровень, который у меня был во время жизни у Лентсов. Я оценила жест и решила продолжить пробиваться сквозь детскую программу и сперва работать, а потом уже развлекаться.

Мейз и правда отличный парень!

Синдром собаки Павлова

Так странно, что можно с легкостью прокрутить записи всех своих разговоров. Интересно, у меня может закончиться «жесткий диск», если буду их там хранить? Но как же здорово снова воспроизвести встречу с семьей — это единственное, ради чего я готова простить столь долгое время почти без интерфейса. Даже получив права в полном объеме (со всеми новостями, телевидением и развлечениями, о существовании которых я и не подозревала), я снова и снова проигрываю тот отрывок с дня рождения. И теперь могу изучить все нюансы, на которые не обратила внимания в первый раз, посмотреть на лица родных, на любимый мамочкин сад. Как тети с облегчением глядят на маму. Как папа покусывает губу. И как Джулс в восторге от происходящего и уверен, что все это безумно круто. А мама... это мама!

При этом я жутко злилась, когда просматривала последующие события того дня. Может, потому что он спас мою жизнь, или потому что я провела два часа, держа его за руку. Я постоянно твердила себе не смотреть, но продолжала прокручивать ту запись, где капитан четвертого отряда пялится на звезды. Какая глупость — ведь он не производит впечатление глубокой личности, не говоря уже о том, что в моем же присутствии называл меня бродягой. Каорен Рууэл. Уж точно не о таких парнях я обычно мечтаю, но сейчас пребываю от него в бóльшем восторге, чем когда сжимала его ладонь.

В остальном, если забыть об этой слабости, день прошел насыщенно. После завтрака зашла Мара в обычной одежде, а не в униформе. Мы собрали мои вещи, и она отвела меня в новую коробку. Которая оказалась совсем не коробкой.

— Это последняя достройка жилых помещений сетари, предназначенная для тринадцатого и четырнадцатого отрядов, — сказала Мара, пока мы шли по короткому пустому коридору. Остановившись в конце, она отперла дверь. — Остальные отряды расквартированы на этажах ниже. И пока новички проходят квалификацию, ты будешь здесь единственным жильцом.

Мы оказались в настоящих апартаментах, похожих планировкой на квартиру Зен, но без настроек оформления и с невероятно безликими чехлами на мебели из белого камня. Мара улыбнулась, заметив выражение моего лица:

— Ты сможешь открывать двери. Я проведу тебя по тем местам, которые тебе разрешено посещать, а потом в город, если захочешь что-нибудь купить. Вне КОТИС тебе по-прежнему нельзя находиться без сопровождения и разрешений.

— Почему они передумать?

— По настоянию Мейза уровень твоих умственных способностей пересмотрен. Пока ты не решила прекратить быть покладистой и открытой к сотрудничеству.

Они думали, что я тупая. Я пережевывала это до конца дня, но все же позволила себе насладиться переменами. Внутри КОТИС оказалось намного больше помещений, чем я ожидала, включая даже настоящие зоны отдыха, заполненные толпами людей моего возраста и младше. Только сейчас я поняла, как много сетари они стараются обучить. Но самым восхитительным для меня оказался шопинг. Я, конечно, не ярый поклонник торговых центров, но когда тебе неделями все приносят, даже покупка халата или выбор одеяла становится настоящим событием. К счастью, все это время накапливалось пособие, положенное мне как переселенцу.

Мара была исключительно терпелива и отвечала на мои бесконечные и беспорядочные вопросы так, будто это ее самое любимое занятие. Мы вместе пообедали, и, как в прошлый

раз, когда мы ходили по КОТИС, я замечала узнающих ее людей. Член первого отряда! Даже если люди вне КОТИС не могут записать ее образ, то в обслуживающем комплексе городе очень многие знают Мару, либо вообще сами работают тут же и вышли на перерыв. Теперь я по-другому посмотрела на внимание, полученное во время игры в канзу. Я понимала, но никогда всерьез не задумывалась о том, что все сетари в этом мире — безликие знаменитости, и каждый жаждет с ними познакомиться. А я же привыкла проводить с ними все время и не могу позволить себе на это повестись.

Я сказала Мейзу, мол, первый отряд так добр ко мне, потому что они сами добрые люди. Но, как и для Зен, я для них лишь задание, просто ребята по-разному выполняют поставленные задачи. Всякий раз, стоит только подумать, какие сетари хорошие и как они мне нравятся, я слышу *«Не пренебрегай психологическими аспектами»* и вспоминаю, что я лишь часть их работы. Помощь им казалась правильным делом, но это необязательно правильно для меня самой.

Как же мне не хватает Алиссы... хоть кого-нибудь, кому бы я всецело доверяла. Интересно, рассказал ли ей Ник о произошедшем и поверила ли она ему? Мама не столь глупа, чтобы кричать на весь мир, будто ее дочь попала на другую планету, и неважно, насколько удачно у них получилось записать меня на видео. Хотя, готова поспорить, через неделю Джулс выложит это видео на YouTube.

Когда Мара проводила меня обратно в мои абсолютно новенькие апартаменты, я от души поблагодарила ее, изо всех сил постаравшись правильно все произнести. И пусть я для первого отряда лишь задание, хорошо, что они без конца об этом не талдычат.

Мара сообщила, где и когда мы завтра встретимся, поскольку нам предстоит многое нагнать в плане тренировок, и оставила меня одну. В помещении, дверь которого я могу открыть сама. Наверное, это тоже что-то вроде теста. Долгое время подержать меня взаперти и посмотреть, как я теперь буду реагировать. Я вышла из комнаты и направилась прямоком на крышу. На улице уже стемнело, и бушевал настоящий шторм — без дождя, но очень ветрено. К счастью, я захватила с собой новую куртку, поэтому нашла уголок и устроилась там подумать и почитать показанные Марой инструкции по изменению и оформлению публичного пространства в моих апартаментах. Просто наслаждаясь, что способна прийти сюда самостоятельно и могу возвращаться, когда захочется.

Не уверена, что они снова не отнимут у меня эти возможности. Подход ко мне уже неоднократно меняли и легко могут посчитать, что лучше держать меня в коробке. В своем роде это лишь очередной элемент позитивной тренировки. Но я и этому так рада, что готова продолжать сотрудничать в обмен на незапертую дверь.

Сегодня жутко скучаю по дому. Но очень, очень надеюсь, проснувшись завтра утром, не обнаружить, что опять ушла, разрывая по пути пространства. Мне нужно лучше разобраться, что из себя представляют эти пространства и что такое «естественные врата», прежде чем думать про эксперименты. Передо мной лежит целая вселенная информации, к которой я только получила допуск, и надо опять решать детские задачки, чтобы понять хоть часть из этого информационного океана.

Они думали, что я тупая.

Осваиваюсь

Итак, в моих апартаментах три с небольшим комнаты. Спальня чуть шире той моей первоначальной коробки в медблоке, но места в шкафах существенно больше. И кровать аж двуспальная, не в пример узкой больничной койке. Я измучилась, пока решала, какую простынь приобрести, и остановилась на темно-зеленой с рисунком из листьев и нежными белыми и розовыми цветочками.

Кухня в основной комнате оснащена небольшим холодильником и плитой, а еще раковиной, скамейкой и шкафом для посуды. Учитывая, что сетари всегда обедают в столовых, нет особой необходимости готовить еду в апартаментах, но, по крайней мере, такая возможность в принципе имеется.

Еще есть «кофейный столик» и пара двухместных кушеток друга напротив друга. Мебель простая, и нет ничего такого, что не встретишь в типичном австралийском доме, хотя все сделано на основе легкой, возможно, даже полой рамы, которая чуток напоминает белый камень. Дерево здесь слишком большая редкость, чтобы переводить его на обычную мебель.

Думаю, мне стоит подобрать пару декоративных ковриков, чтобы положить их вдоль кушеток. В квартире нет телевизора или аудиосистемы, или чего-то подобного, так как все девайсы находится внутри головы, поэтому гостиная выглядит пустовато. Есть еще учебный уголок, который на самом деле не настоящий учебный уголок. Я не видела здесь ни одной напечатанной книги или папки, и уж точно никто не пишет от руки, так зачем разрабатывать удобный письменный стол? Может, здесь это называется столиком для завтрака? В общем, стул с высокой спинкой и столик. Для меня — отличное место, чтобы вести свой дневник, даже если эта мебель предназначена для иного.

Эх, как жаль, что я не захватила с Муины ту фигурку милахи. Пускай она была со мной лишь пару недель, но мне казалось, будто у меня есть питомец.

А еще я в восторге от собственной ванны и прошлым вечером долго в ней отмокала, стараясь прочитать один из романов, которые обнаружила в огромной базе данных моей головы. Нужно будет прикупить какую-нибудь ароматную пену, надеюсь, здесь такие бывают. Масло для ванны, соль и, может, резиновую уточку. Душ тоже в наличии — обычный и нано. Когда даешь своему нанокостюму команду сниматься, он сползает по ногам, закручивается и утекает в специальный «слив». Интересно, а не пользуются ли все сетари одним общим «бассейном» наножизи? Это было бы отвратительно, забавно и гадко одновременно. Они подняли идею универсальной одежды на новый уровень.

Сейчас я уже в униформе, жду, когда наступит время идти на тренировку, и очень надеюсь не заблудиться. Мара предупредила, что на все мероприятия официального назначения — тренировки, встречи или даже медицинские обследования — я должна являться в форме. По-прежнему хочется, чтобы она у меня была другого цвета, и все знали — я не претендую на лавры сетари.

Тренировочный боевой зал № 3

Сегодня у меня целый день тренировок с первым отрядом, до и после обеда. Мы встретились в покрытом защитными экранами «боевом зале № 3», позаимствовали у второго

отряда парня по имени Нилс, чтобы тот сотворил иллюзии часто встречающихся видов ионотов, и попытались найти способ, как лучше всего использовать мое усиление, не подвергая меня самой большой опасности. Это напоминало тщательную продуманную игру в салки, и я чувствовала себя бесполезной и неуклюжей, особенно когда Нилс создал действительно гадкую иллюзию: ионоты полезли на пяточок, где я стояла, и меня должны были спасти. Иллюзии Нилса не материальны и не передают последствия ударов монстров, но мне совсем не понравилось, когда они ко мне устремились.

Мой основной телохранитель — Кетзарен, поскольку она сильна в левитации. Если необходимо меня быстро куда-то переместить, Кетзарен подает мне сигнал, я хватаю ее за плечо, а она меня за талию, связывает наши костюмы, взлетает и тащит меня за собой. Таким образом мы обходим проблему невозможности применить левитацию прямо ко мне. Другие таланты Кетзарен — управление Эной (похоже, именно его используют, когда пытаются закрыть врата) и управление ветром. Ветер относится к талантам медленного действия и потому крайне редко применяется в битвах.

Первый отряд остался очень доволен прошедшей тренировкой, и потом за ужином они собрались с несколькими членами второго отряда обсудить стратегии и возможности. Мейз отлично справился с тем, чтобы я не чувствовала неловкость при разговоре, но в любом случае у меня теперь все хорошо — я решила, что моя роль походит на работу мальчика, который таскает клюшки для профессиональных гольфистов. Может, и не бью по мячам, но немного облегчаю жизнь спортсменов.

Капитана второго отряда зовут Гриф Реган, и он из тех серьезных людей, что предпочитают больше слушать, чем говорить. Нилс же — его прямая противоположность. Если взять солиста «The Doors» (не помню, как там его?) и скрестить с Мэрилин Монро, как раз получится что-то вроде Нилса. Такой красавчик, прям сочтется сексуальностью. Он кружит рядом с Зи, будто она особо вкусная мышка, но та просто его игнорирует. Еще Нилс спросил меня, все ли на Земле могут говорить на языке жестов. Я объяснила про свою глухую тетю, и мы принялись обсуждать Землю и различия между мирами.

Я вовремя вспомнила, что каждый из присутствующих может воспроизвести все, что слышал, видел и даже чувствовал, хотя это уже требует дополнительных настроек, которые я уж точно не жажду использовать. Когда сетари на задании, свои записи они переносят в отчет о выполненной миссии, поэтому все, что сказал или сделал Рууэл в Эне, похоже, просмотрела целая куча народу. Я очень обрадовалась, что не пыталась его разговорить и не слишком много кричала или визжала. Постараюсь ни в коем случае не ляпнуть на официальных встречах ничего такого, просмотра чего лишней сотней человек просто не выдержу.

Неудивительно, что Зен не сплетничает.

После ужина я снова поднялась на крышу, просто потому, что могла, и еще потому, что солнце полностью село и видно звезды. Завтра будут еще тренировки, но Мейз сказал, дескать, они довольны тем, как все получается, и собираются снова пойти со мной в Эну, теперь уже на зачистку.

Не забыть бы расспросить их о разных типах врат.

Бурлящие миры

Утром была очередная тренировка с Марой по уворачиванию. Все прошло хорошо, не считая момента, когда я отклонилась точнехонько в неправильную сторону и получила мячом по лицу. В предугадывании траектории полета я не шибко преуспела, а это, кажется, полдела во всем уклонении.

Я спросила Мару, позволено ли мне плавать ради удовольствия, а не только в рамках тренировки. Она рассмеялась и подсказала, где можно посмотреть, занят ли бассейн. Но позже добавила, мол, лучше она просто включит плавание в наше расписание тренировок — наверное, с кем-то проконсультировалась, и этот кто-то решил перестраховаться, вдруг я утону или еще что.

За обедом она немного рассказала о пространствах и вратах. Пространства находятся в постоянном движении. Одни перемещаются совсем чуть-чуть, поднимаются и опускаются. Другие, похоже, вращаются словно планеты. Некоторые даже раздуваются — такие маленькие кометы на астральном уровне. И когда пространства сдвигаются, связи между ними, роль которых исполняют врата, тоже перемещаются — совсем исчезают или образуют связи с другими пространствами, или быстро и поэтапно съезжают в сторону. Сетари со способностями к управлению Эной могут «заблокировать» врата, удерживая их от сдвига. Но, хотя это делается только между двумя относительно устойчивыми пространствами, чрезвычайно сложно удержать их так больше, чем на день или два. А еще, оказывается, идут бесконечные споры о том, стоит ли так поступать, поскольку это походит на действия Колонн.

Четверо из врат, ведущих к обнаруженной нами Колонне, оказались стабильными, сдвигались совсем чуть-чуть и стали частью постоянного «маршрута» команд сетари, которые поддерживают и укрепляют блокировку. Проход же в пространство с платформами уже пропал. И тут требуется особый талант, который позволяет «читать» врата и узнавать, как долго они продержатся, но даже такие сетари не могут сказать, вернутся ли врата и если да, то когда именно. Они *думают* (и очень-очень надеются), что пространство с платформами относится к типу вращающихся и однажды снова появится, и они смогут заблокировать врата туда на несколько дней. Пока же лишь каждый день проверяют маршрут и ломают голову над показателями измерений, полученных из пространства с Колонной.

Я пока опасаясь открыто расспрашивать о естественных вратах, их отличиях и о том, как их найти.

Пообедав, мы присоединились к остальным сетари из первого отряда, и на сей раз к нам добавился второй отряд в полном составе. После проверки моего воздействия на их перечень талантов, они начали отрабатывать с первым отрядом действительно серьезную имитацию сражения. Установили минимальный временной промежуток, который должен пройти между касанием меня каждого последующего сетари, потом отслеживали, как долго будет длиться усиление — оказывается, чуть больше пяти минут. Нилс опять создал иллюзорных монстров, и два отряда отрабатывали бой, усиливаясь согласно установленным правилам. Потом мы прервались, а Мейз и Гриф (капитан второго отряда) принялись обсуждать различные способы использования меня и то, какие таланты лучше усиливать.

— А стоит ли? — спросила я у Нилса и Лона, рядом с которыми сидела на скамейке. —

Сильнее, может быть, но так сложно...

— Определенно стоит, — ответил Лон. — Сколько раз мы попадали в ситуации, когда нам всего-то лишь не хватало огневой мощи! Воздействие на некоторые эзотерические таланты типа боевого видения невероятно сложно оценить, но я бы не стал отказываться и от такой возможности.

— Одна только скорость чего стоит, — добавил Нилс. — Теперь можно и подумать о прохождении маршрута Колонн.

— Подумать только, как могла бы закончиться последняя битва с гигантом, — произнес Лон.

Они с Нилсом переглянулись и отвели взгляды.

— С гигантом? — повторила я. Слово, которое они использовали, звучало как «кадара», что, похоже, близко по значению к «ддоре». — Ддора?

— Нечто иное, — ответил Нилс.

Затем поднял руку и сотворил иллюзию четвероногой черной твари высотой с трехэтажный дом и роя крошечных сетари, кружащих у ее длинных и хилых лодыжек. Все остальные сетари в зале подскочили и уставились на Нилса, но он просто махнул им рукой.

— Они появляются время от времени, скорее пробивая себе путь сквозь пространства, чем путешествуя между ними, и останавливаются в околопространстве. Потребовалось восемь отрядов, чтобы такого уничтожить.

— Если их не заметить, они могут выйти в реальное пространство. Плохой был год. — Лон потер рукой лицо, потом улыбнулся мне. — Но теперь это будет не так сложно, нам надо лишь по очереди хлопнуть тебя по плечу. Так что скажешь, Мейз, — окликнул он, — опробуем завтра эту схему на деле?

— Ждем разрешения от медиков. — Мейз подошел к нам. — И твоего согласия, Касзандра. Ты уже кое с чем сталкивалась, и это не самое слабое и не самое худшее, что нам может повстречаться. Ты готова к такой работе?

К этому времени я видела достаточно, чтобы знать: отправляясь в пространства, никто из сетари не мог быть полностью уверен в своем возвращении. И Мейз задал действительно серьезный вопрос. Пространства, сквозь которые я прошла с Рууэлом, меня напугали. Было кристально ясно, что там есть место и опасности, и ужасу. И я туда совсем не хочу.

— Если не бегать вверх по лестнице, — ответила я, чуть подумав. — Самое сложное.

Мейз немного мрачно улыбнулся и кивнул:

— Выберем маршрут поровнее. Я вставлю миссию в расписание в зависимости от результатов медосмотра.

После того, как медики меня отпустили, Алей и Кетзарен повели меня на ужин. Алей — одна из самых тихих и сдержанных членов первого отряда, но такая милая, когда смеется. У нее мальчишеская внешность и короткие волосы со случайно выбивающимися завитками. Думаю, холодную и язвительную Кетзарен специально к ней приставляют, чтобы подбадривать. Вернувшись к себе, я задумалась, почему же первый и второй отряды так часто выглядят усталыми и печальными...

Я не хочу идти в пространства охотиться на ионотов. Боюсь завтрашнего похода. И всех тех, которые будут после и в которых мне придется участвовать, раз уж я подписалась сотрудничать с инопланетной военной организацией и решать проблему, что с каждым днем становится все серьезнее. А еще я твердо намерена попасть домой.

Но есть же первый отряд. И они годами этим занимаются. Воюют с ночными

кошмарами. И получают ранения. Я не упустила из виду, что первоначально было три старших отряда сетари, а сейчас, похоже, осталось только два. И я никак не могу заставить себя спросить, что случилось с третьим.

Однако и не могу просто сказать: «Спасибо за спасение моей жизни, но это не мои проблемы. Я отправляюсь домой и постараюсь не очень задумываться о том, погибли вы или нет». От одной мысли корежит.

Но я так хочу домой.

В униформе сетари чувствую себя обманщицей.

Возрождающиеся воспоминания

Мой день начался со столовой, где я обнаружила Зен. Она ужинала — двенадцатый отряд работает в другом графике. Выбрав себе немного еды на завтрак, я спросила, можно ли к ней присоединится, и Зен, разумеется, вежливо согласилась.

— Выглядишь уставшей, — сказала я, плюнув на все формальности. — Тяжелый маршрут?

— Пока обходимся без травм, — ответила Зен со свойственной ей корректностью. Но потом сама задала мне вопрос — определенно, прогресс в нашем общении: — Ты сегодня отправляешься по маршруту?

Я кивнула, гадая, неужели до конца моей жизни окружающие будут знать о моих делах больше, чем я сама?

— Когда сетари не на службе? — спросила я. — Никогда не знаю, что из сказанного идти в отчет по миссии.

— Вернее будет сказать «не на смене». Все время в Эне заносится в журнал полностью, и большая часть тренировок тоже, но, например, я не вижу причин вносить в отчет вот этот разговор. Кроме того, ты и так на втором уровне мониторинга.

Она слегка запнулась, явно жалея, что сболтнула лишнего. Естественно, я спросила, в чем же заключается второй уровень мониторинга, и была признательна, что Зен не стала уклоняться от ответа.

— Это значит, что внутри тебя постоянно ведется запись данных с датчиков жизненных показателей наряду со всеми твоими действиями — независимо от того, что фиксируешь ты лично. Эти записи просматриваются исключительно в тех случаях, когда требуется подтверждение или расследование, типа твоего попадания в Эну.

Наверное, не стоило так удивляться, но я все равно почувствовала себя совершенно незащищенной. И должно быть, стала кирпично-красного цвета.

— Каждый может посмотреть?

— Нет, — заверила Зен как можно тверже. — Есть очень жесткие правила касаясь подобных просмотров. Записи предоставляются только по очевидным причинам и только тем, у кого есть высочайший уровень допуска. Никто из сетари даже не приблизился к этому уровню. Но некоторые отрывки твоей записи были присоединены к отчету тси Рууэла, дабы продемонстрировать твои попытки открыть врата в свой мир.

— Мониторинг использовать с преступниками?

Зен вроде как ушла в себя, но кивнула:

— Или с детьми из группы риска.

Или с мобилизованными на военную службу бродягами.

Отчасти я была даже рада открывшейся информации. Теперь, если мне приспичит погеройствовать, воспоминание про «второй уровень мониторинга» поможет быстренько протрезветь.

Мейз поставил поднос на стол и сел рядом со мной, сердито сжав губы. Готова поспорить, именно из-за него Зен казалась такой рассеянной. Наверняка они вели беззвучный разговор по поводу моих вопросов и ее ответов. Но не успел он открыть рот, как я спросила:

— А на Таре есть такая фраза: «Кто наблюдает за наблюдателями»?

Мейз прищурился и вдруг одарил меня одной из своих усталых милых улыбок:

— Думаю, я слышал ее вариации. Но ограничения по мониторингу крайне жесткие.

— А может когда-нибудь контролировать меньше?

— Не знаю. Может, когда мы наконец разберемся, как именно работают твои способности. И ты прекратишь попадать в переделки.

Мне хотелось поспорить, потребовать, чтобы с меня сняли контроль, но по напряженности его позы я поняла: безнадежно. И придержала язык.

— Когда все говорят по фамилии, значит, идет официальная запись, так?

— Как правило. Или по привычке. Соблюдение формальностей дисциплинирует. —

Мейз кинул взгляд на Зен, которая тихо и аккуратно заканчивала свой ужин. — Может, это и необязательно, но атмосфера соперничества тому способствует.

— Во время маршрута логично называть всех сообразно положению, — заметила Зен. Мгновение помолчав, она встала и подхватила свой поднос. — Удачи сегодня, Кассандра. — И, кивнув Мейзу, ушла.

Все когда-нибудь случается впервые. Она правильно произнесла мое имя! Довольная, я заставила себя забыть, что, оказывается, участвую в собственном реалити-шоу, и сосредоточилась на поедании завтрака. Меня так и подмывало спросить у Мейза, знает ли он, что половина сетари помладше с ума по нему сходит. Или почему они так издеваются над Зен. Но это было бы нечестно по отношению к Зен — говорить о ней с Мейзом, когда она сама по нему изнывает.

После еды Мейз проинструктировал меня по дополнительному снаряжению, которое мы возьмем на задание: немного еды и воды, совсем крошечная аптечка и дыхательная маска на случай, если вдруг окажемся в затопленной зоне. Присоединившаяся к нам Зи напомнила мне посетить уборную, а потом мы спустились вниз и встретились с остальными возле шлюза. Судя по взгляду Зи, они с Мейзом успели обсудить вопрос второго уровня мониторинга, но к тому времени я уже смирилась и снова разволновалась, как буду шататься по Эне, убивая монстров.

— Атмосфера хороший во всех пространствах? — спросила я, создавая карман для своей маски.

— Обычно да, — ответила Кетзарен. — Порою воздух не очень приятный, но мы лишь однажды встретили действительно ядовитый. Есть теория, что только атмосфера определенного типа создает по-настоящему живой мир. Или что мы на самом деле там не дышим.

— Почему это простой маршрут?

— Потому что он короткий, там не встречается никто особо умный и ничего и никогда не меняется, — отозвался Лон, выполняя какие-то медленные растяжки. — Сам путь ведет к Унаре, как, впрочем, и четверть всех маршрутов, поэтому обычно там мало что вообще происходит.

Мейз прервал разговоры командирским тоном:

— Кроме околопространства Тары мы обойдем еще четыре. Первое из них всегда пустое. Второе — заражено насекомыми, мелкими, но передвигающимися роем. Мы не дадим им к нам приблизиться, но если тебя вдруг укусят, в аптечке есть противоядие. После второго вернемся в околопространство Тары и поищем ионотов, которые проникли туда из соседних пространств. Первое пространство на обратном пути временами бывает заселено,

размножающиеся там ионоты крупные и довольно-таки медленные. В последнем пространстве находятся три крылатых ионота. При необходимости Спел тебя перенесет. Готова?

Я кивнула, хотя завтрак так и просился обратно. Эта тошнота все время подступала к горлу, пока мы проходили по описанному Мейзом маршруту. Мы пересекли околопространство Тары и попали на пожухлое умирающее поле, после чего вышли на луг, по которому ползали крупные жуки. Ионоты сбились в группы и бросились на нас. Зря. Лон прикоснулся к моему локтю и тут же их выжег. Его огненная стена не оставила им ни малейшего шанса.

Потом мы попали куда-то в недра Унары, в вихревую трубу по высоте больше, чем дом, про которую Мара сказала, мол, это одна из вентиляционных труб, обеспечивающих город воздухом. Внутри ионотов не обнаружилось. Вскоре мы вышли на дно каньона с бегущим по его центру тоненьким ручейком, куда с берега тут же свалился неуклюжий бык с широкими рогами. Весь первый отряд просто взмыл вверх, а Кетзарен прикрепил меня к себе и с легкостью подняла. Мы плыли над бьющимся о берег фыркающим зверем, пока Мара не опустилась и не прикончила его одним стремительным ударом светового хлыста. Ощущая пробивающийся сквозь животный душок запах горячей плоти, я решила в следующий раз есть поменьше. Мы поднялись дальше, к воротам на лесной поляне. Лон, усиление которого к тому моменту уже закончилось, с ювелирной точностью послал молнии, и три оперенные твари упали на землю. Затем мы вернулись в околопространство и сквозь него ко входу в КОТИС.

Хотя первый отряд вел себя невероятно профессионально, было предельно ясно, что для них этот маршрут очень легкий, и ребята точно знают все свои действия еще до входа в каждое пространство. Их интересовало лишь тестирование своих усиленных способностей. Мейз и Зи проводили меня к медикам, чтобы всех нас троих могли просканировать на выявление побочных реакций, и обсудили эффект на боевое видение, которое помогает уловить враждебные намерения. Все были очень рады, что этот талант не искажается. Теперь я прекрасно представляю, что меня ждет на этих маршрутах, и уже не так волнуюсь по поводу следующего. Ничто ко мне даже не приблизилось, и хотя было нелегко смотреть на уничтожение ионотов, я вполне прочувствовала, почему не стоит этим тварям свободно бегать по Таре.

Но эта война бесконечна. Даже если ионоты уничтожены, пространство все равно их помнит, и монстры снова возрождаются, чтобы опять быть убитыми. Маршрут в Унару прошел спокойно лишь потому, что первый отряд выполнял его сотни раз, и каждый из сетари точно знал, какие ионоты там могут быть и как они себя поведут. И так снова и снова, бесконечно, и первый отряд сражается с ними уже слишком долго.

Под наблюдением

Сегодня утром заметила, что, одеваясь, избегаю смотреть на себя и стою, отвернувшись от зеркала. Тогда я окинула себя взглядом — что, спрашивается, мне скрывать? Я всю ночь ломала голову над вопросом, удаляются ли когда-нибудь записи из журнала второго уровня мониторинга, или в моем личном деле навсегда останется запись, как я пукаю в ванне и смеюсь над пузырьками. Как рассматриваю свои подмышки. Все то, что я делала в ванной.

И чтоб я еще хоть раз осмелилась помастурбировать...

Только к завтраку я додумалась просмотреть законы, касающиеся этого второго уровня — слишком уж привыкла к тому, что заперта в коробке без окон. Здесь второй уровень мониторинга что-то вроде нашего УДО и распространен намного шире, чем я ожидала. Существуют целые своды правил и распоряжений касаясь того, когда к таким записям могут обратиться, однако это общепризнанная часть юридической системы Тары. Есть и третий уровень мониторинга, когда чья-то жизнь транслируется в режиме он-лайн. Некоторые даже делают это потехи ради.

В энциклопедии легко нашлась статья, освещающая историю законов, которые привели к созданию второго уровня мониторинга, и я считаю это вполне логичным развитием системы скрытого наблюдения и GPS-браслетов. Даже понимаю, почему они подвергают подобному контролю лабораторную крысу вроде меня, и все-таки... Джен, я недовольна! [\[1\]](#)

Но пока не отыщу способ безопасного возвращения домой, придется с этим смириться. А сейчас нужно прекратить ворчать и идти на встречу с Марой. Сетари отправляются по маршрутам каждые два дня, поэтому уже завтра я снова собираюсь в Эну. После завтрашней смены у меня еще три вылазки с первым отрядом. Между сменами — тренировки и медосмотры. Через несколько дней запланирована тренировка с восьмым отрядом, а еще позже — с третьим. Обе для проверки моего воздействия на их таланты. Потом день без каких-либо записей, но я не уверена, выходной это или мне туда еще просто ничего не поставили.

Сегодня утром поплавала с Марой, Зи и Кетзарен. Все они в невероятно хорошей форме. Я могу посоперничать с ними, только если поплыву свободным стилем, в то время как они выберут брасс. Да, сетари занимаются в воде лишь пару лет, но при одинаковом стиле они с легкостью меня обгоняют. Мара настоящий надзиратель: мы некоторое время повалялись дурака, а потом она заставила меня наматывать круги, отслеживая мое сердцебиение. После чего поставила мне в расписание несколько пробежек на дневные часы и добавила, мол, не стоит ждать, что ко мне присоединится кто-то из них. В пробежках нет ничего веселого, но вдруг получится параллельно делать домашнее задание, ну или хотя бы телевизор смотреть или еще чего.

Я хорошо справляюсь со школьной программой этого года, хоть и не бьюсь над ней так же упорно, как над предыдущей. И наконец начала переваривать те необъятные пласты информации интерфейса, к которым получила доступ. Смотрю новости и не перестаю удивляться сюжетам о насилии. Мне-то казалось, что здесь преступности мало, особенно учитывая второй уровень мониторинга, но плохие вещи случаются и на Таре. А еще бывают спортивные репортажи, всякие сплетни, вопросы политики и бизнеса — голова кругом. Они же не объясняют, кто все эти люди, и приходится самостоятельно разбираться, что

происходит. Обычно я не сильно заморачиваюсь и смотрю только видеоряд, пропуская мимо всю звуковую волну.

Учитывая огромное число развлечений, форумов и игр, я так очумела от информации, что меня хватает только на беглое ознакомление. Я просматриваю начала книг и сериалов, прохожу по ссылкам и двигаюсь дальше. Домашние задания вызывают чувство облегчения, ведь они такие упорядоченные. Я начала смотреть тот сериал про сетари-певицу, который нравится Ненне, но мне он показался слишком глупым и молодежным. Я нашла другой, тоже про сетари, называется «Скрытая война» — посерьезнее и пока без песен. Сериал тянется уже несколько лет, но разобравшись, как посмотреть его с самого начала, я быстренько проглядела пару эпизодов. История повествует о девочке по имени Нори, которая попадает в отделение КОТИС для будущих сетари. Возможно, я еще вернусь к нему, когда будет подходящее настроение.

Вся эта планета всерьез одержима сетари. Хотя чему тут удивляться? На Земле было бы то же самое, только личного пространства им оставили бы еще меньше (поверить не могу, что только что это написала). Я обнаружила активные обсуждения на форумах, где участники рассказывают, как видели сетари. Их невозможно сфотографировать, над их головами отображаются случайные имена, но каждое появление сетари тщательно отслеживается, и люди даже рисуют их портреты с помощью специальных программ. Они редко покидают пределы Конны и еще реже выходят наружу в своей униформе. Многие хотят жить на Конне только из-за сетари. Я и то уже успела прочувствовать любопытные взгляды и заметила сияющие улыбки продавцов в магазинах. Однако тут явно против правил бегать за сетари и просить об автографе, что радует, иначе они бы вообще не выходили наружу.

На этих форумах я также нашла описание нашей игры в канзу. И большие досье на членов первого отряда. Люди не знают их имен, но дают им прозвища и отслеживают их перемещения. А теперь там появилось досье и на меня. Они считают, что я калрани или только закончившая обучение сетари, или просто родственница кого-то из первого отряда. Я весь обед читала кучу сообщений, в которых народ откровенно высказывался по поводу моего внешнего вида (шесть из десяти) и моего поведения. Шесть! Сама я себя хотя бы на семерку оценивала, но, полагаю, меня сравнивали со стоящей рядом Зи.

Удивительно, как кто-то из сетари вообще высовывает нос за пределы КОТИС.

Маршрут огней

Сегодняшний наш путь называют «Маршрутом огней».

Первое пространство лежит в горах, кругом трава и осыпи, а цветы растут на столь высоких склонах, что теряются в облаках. Мы отрабатываем прохождение пространств по схеме «отряд с полезной бродягой». Прежде чем шагнуть сквозь очередные ворота, Мара и Мейз, обладающие талантами боевого видения и ускорения, касаются моей руки и идут вперед. Они двигаются, держась максимально близко друг к другу, как мы тогда с Рууэлом, а все остальные присоединяются только по их сигналу.

На сей раз, едва пройдя ворота, Мейз тут же нырнул влево. Что-то мелькнуло вслед за ним. Мара спешно бросилась на выручку и прыгнула вправо, взмахнув световой плетью. Остальным сетари первого отряда не особо нравилось бездействовать, но они остались на месте, крайне напряженные и готовые к бою. Я задумалась, как долго они простоят, прежде чем решат идти вперед без сигнала, но тут вернулась Мара, и вперед бросились Лон и Зи, а также я и мой эскорт — Кетзарен и Алей. Лон провел ладонью по моей руке и ушел.

Твари, с которыми они сражались, напоминали горгулий. Или летучих мышей с волчьими мордами и серой кожей. Небо над склоном горы кишмя кишело монстрами, и они пикировали вниз невероятно быстро, словно ястребы. Способности Кетзарен к управлению ветром здесь оказались очень кстати. Да, они не подходят для мгновенного удара, как огненная стена Лона, но если Кетзарен создаст достаточное движение воздуха, оно может перерасти в вихрь. В таких условиях горгульям сложно летать, зато нам очень удобно собрать их в воронку.

Это пространство просто огромное. Понадобился целый час, чтобы отловить всех ионотов, но несколько все же ускользнуло в другое пространство. Первый отряд всегда старается этого избежать, хоть и не преследует монстров сквозь ворота. Вне всяких сомнений, это были мои худшие минуты с первым отрядом. Отвратительно наблюдать, как на твоих глазах уничтожают пару сотен животных. Может, ионоты — лишь воспоминания, но они все равно не хотят, чтобы их убивали. У сетари по-настоящему ужасная работа.

Только разобравшись с последними горгульями, ребята вспомнили иные слова кроме «там» или «слева». Мейз объявил перерыв, и мы устроились на камнях, попили и перекусили питательными батончиками, по вкусу напоминающими патоку. Использование талантов — особенно длительное — отнимает у сетари очень много сил. Все члены первого отряда взмокли и выглядели изможденными. Мне даже было немного обидно, что для их усиления я практически не напрягаюсь. Я бы не чувствовала себя настолько бесполезным зрителем, если бы помощь хоть немного меня утомляла.

— На этот раз их было в два раза больше, чем в наш последний рейд, — заметила Зи, от души напившись.

Мейз кивнул:

— Порекомендую этот маршрут для повторной классификации.

— Не понимаю, как здесь экология, — сказала я. — Ионотам надо есть? Или они нападать на людей по привычке?

— Когда как, — ответил Лон. — В некоторых пространствах у ионотов нет явного источника пищи, и мы никогда не проверяли, надо ли им вообще есть, но они часто

переключаются друг на друга или начинают скитаться и охотиться на все подряд, пока отделение от родного пространства не приводит к их угасанию. А есть и другие, скитальцы или домоседы, которые не проявляют ни агрессии, ни вообще какого-либо интереса к нам. Если мы попадем на маршрут валунов, увидишь там сторожей. Они нас замечают, но никогда не атакуют, потому и мы их не трогаем. Как и всегда, когда нет опасности.

— Очень важно знать обо всех типах ионотов, — сказала Алей. — И намного легче иметь дело с уже встречавшимися ранее, чем с новыми вариациями.

Мейз объявил об окончании перерыва (они не любят без надобности торчать посреди пространств), и мы двинулись в следующее пространство, которое представляло собой единственный короткий коридор с парой врат. Двери — лишь контуры и темные провалы, и при проходе сквозь них первый отряд казался крайне напряженным. Они сказали, что временами встречают здесь очень нетипичные виды ионотов, но на этот раз никого не нашли.

А потом наконец стало ясно, откуда название «Маршрут огней». Мы вошли в пространство, где царилась ночь и росло много огромных деревьев, образующих свод над озером. Это было самое холодное место, из всех мною виденных, и дыхание у всего отряда превращалось в пар. В черном зеркально-гладком озере отражались сияющие шары, каждый размером с два кулака. Мейз еще до перехода объяснил, что здесь обычно встречаются только одна или две твари, но они очень быстрые и достаточно умные, чтобы не выпрыгнуть сразу. Это пространство порядком щекотало нервы, особенно потому, что, усилившись, Лон, Мара, Зи и Мейз все разом исчезли в темноте, а Алей, Кетзарен и я остались ждать у врат. Я включила отображение имен, но смогла увидеть только, куда ушли Мейз и Зи. И пока вертела головой, пытаясь высмотреть остальных, Алей подалась вперед, и звенящую тишину разорвал высокий вибрирующий звук, за которым последовал пронзительный вой, сопровождаемый падением черной фигуры с одного из деревьев. Алей обладает талантом ультразвука, который использует, только если у нее есть несколько мгновений для подготовки и (самое главное) если рядом с объектом нет никого из отряда.

Последнее пространство напоминало город-призрак из вестернов: старые, осыпающиеся остовы зданий посреди пыльной равнины. В середине города находилась площадь с деревянными рамами, и к этим рамам колючей проволокой были примотаны фигуры людей. Черные тени совершенно без каких-либо характерных черт, словно их кожу сначала сожгли, а потом покрыли чернильной пылью. Всем своим видом они выражали боль, будто их здесь пытали, как те тени на пирамидах. Первый отряд приближался к площади крайне осторожно, осматривая каждое здание. Лишь убедившись, что нигде никто не скрывается, мы остановились около центральной площади.

— Их видели в некоторых пространствах, — сказала Алей. — Чаще всего на маршруте Колонн. Это одни из самых опасных ионотов, они с легкостью переходят в околостранство, а порой даже в реальное.

Одна из теней отреагировала на звук ее голоса, чуть приоткрыв глаза. А потом на черном лице возник рот, прямо из ничего, как у Чеширского кота в «Алисе в стране чудес», и растянулся в самую отвратительную усмешку, какую только можно себе представить. Изнутри полился свет, и тень начала сгорать в этом белом пламени. А то, что я приняла за боль, оказалось ликованием.

Мейз поджег все — и рамы, и тени в них. Все еще под усилением, он вызвал такой столб пламени, что я даже испугалась. Все сетари, кроме Мары, которая продолжала изучать

окрестности на предмет появления опасности, стояли и молча смотрели на происходящее. Было совершенно ясно, как они ненавидят этих тварей.

— Большинство монстров в мой мир — люди, — произнесла я, чувствуя себя неполноценной. — Это воспоминания людей?

— Я бы не стала относить их к личностям, — ответила Алей, слишком жестко и резко для той, что всегда так спокойна. — Пора назад?

Мейз кивнул, и мы вернулись обратно сквозь те же пространства. После каждого Кетзарен останавливалась для усиления, чтобы заблокировать ворота как можно надежнее. И хотя мы только что проверили этот маршрут, первый отряд не терял бдительности и был готов к атаке, пока мы не вышли в реальное пространство.

На сей раз после сканирования на экране нашей миссии зажегся сигнал тревоги.

— Зи, ты подхватила прилипалу, — сказал Мейз, и Зи, застонав, отошла от нас в угол комнаты.

— А прилипала — это?... — не поняла я.

— Очень слабый ионот, однако способен укрыться даже от таланта видения. Они паразиты, питаются человеческим телом. Когда набирают силу, могут передаваться в новые тела через физический контакт и...

— В общем, сущее наказание, — подытожила Зи, скрестив руки.

— Если они слишком долго находятся в организме, то он начинает разрушаться, — прибавил Лон, ухмыляясь.

— Их выводят с помощью акустических волн, — продолжил Мейз как ни в чем не бывало и сочувствующе улыбнулся Зи. — Также известных как «мгновенная головная боль». Надеюсь, остальные из нас закончат день лучше.

Потом мы разделились. После задания в списке дел первого отряда прежде всего всегда стояли душ и отдых, а Мейз, полагаю, принялся еще и составлять отчет. Кажется, все маршруты были разработаны так, чтобы длиться пару часов. После них отряды никогда не тренируются, потому как миссии отнимают слишком много сил. Я приняла душ, в который раз удивляясь униформе из наножжи, и, захватив немного еды на вынос, поднялась на крышу.

Снаружи все еще стояла ночь, но ясная и не слишком ветреная, поэтому было очень приятно сидеть и смотреть на звезды. Я не сильно удивилась появлению Лона и Мары. Они относились к своим обязанностям нянек так же серьезно, как к уничтожению ионотов.

— Что тебя так привлекает? — спросил Лон, растягиваясь рядом со мной. — Сплошная чернота и немного звезд?

— Ветер, — ответила я, поразмыслив. — И есть насекомые — звучат как сверчки из мой мир. И температура меняется. И запахи разные.

— Мало кто увидит в этом что-то интересное. К тому же, это все было на маршруте огней, так ведь? Ну, кроме стрекотания.

— Слишком нервничала, не наслаждаться.

— Ты хорошо это скрывала, — заметила Мара. — Мейз попросил нас проверить, как ты. Мне нравится, что Мара не миндальничает в вопросах проверки психического здоровья бродяги. Она действительно прямолинейна.

— Отвратительно. Убийства. Пространства очень интересные, но ионоты ужасные. Это очевидно. — Я пожала плечами. — Но я не в шоке. Первый отряд не пугает. Без паники, если с первый отряд.

Мои слова заставили Лона рассмеяться.

— Как по мне, паршивая философия.

— Самое страшное — ночь на Муине, — пояснила я. — Шла одиннадцать дней, больная — ела плохой фрукт. Сплю на холме под ковриком из листьев. Кто-то большой идет ко мне. Нога опустилась на коврик, прямо рядом с головой. Нюхает меня. Лежу там, слушаю его. Потом ушел. Много паники. Вижу много смертоносных жуков, сетари поджигали их раньше.

После этих слов они оба смолкли, потом Лон рукой обхватил меня за плечи и крепко сжал.

— У тебя свой способ воспринимать действительность. Но дай нам знать, если что-то тебя будет волновать, хорошо?

— Конечно. — С тех пор, как смогла смириться со вторым уровнем мониторинга, я думала о других вопросах, которые могут им задать. — Какой восьмой отряд?

— А, ты завтра с ними тренируешься? Что ж, Канато — надежный, очень спокойный. Восьмой отряд вообще один из самых сильных, поэтому, готов поспорить, завтра мы получим впечатляющие разрушения в зонах тестирования.

— А решили, что со мной делать дальше?

— Слишком рано. Об этом много спорили, ибо тут конфликт интересов. Они пока не хотят давать тебе активно работать с младшими отрядами, потому что усиление талантов, а потом возвращение к норме может оказать на них негативное воздействие. Теоретически, мы уже слишком старые и мудрые, чтобы нам от тебя голову снесло, — рассмеялся Лон. — Полагаю, седьмой отряд не очень-то доволен, что на тестирование с тобой выбрали восьмой.

Я подтянула колени к подбородку.

— Клонирование легально Таре? — осторожно спросила я, и они надолго замолчали.

— Клонирование не воспроизводит набор талантов, — наконец ответила Мара. — На Коларе недавно проводили эксперименты, и хотя есть некое сходство с первоначальным образцом, похоже, таланты — вопрос не одной только генетики. Поскольку они не нашли способ создавать клонов с достаточным сроком жизни, сейчас введены ограничения на клонирование людей.

Но по этому поводу тоже наверняка «много спорили».

— Прекрасный способ заставить меня хотеть быть где угодно, только не здесь, — тихо произнесла я. — Хорошая штука, чтобы добавить в сегодняшний отчет. — И лишь потому, что ненавижу расстраивать первый отряд, я добавила: — Шесть миллиардов людей на моей планете. Спорю, Касс не единственная умеет усиление. Надеюсь, они очень стараются найти естественные врата, хочу показать первому отряду мой дом.

Мара положила руку мне на плечо:

— Мы это сделаем. Кроме того, настоящая цель — это Колонны, а не усиление наших способностей для убийства ионотов. Можешь быть уверена, мы приложим все усилия, чтобы ты смогла посетить дом.

Значит, война все же не бесконечна. Хорошо бы про это не забывать.

Восьмой отряд

Такое странное ощущение, когда находишься среди незнакомцев, которые страстно ждут от тебя какого-то чуда. Ну или просто стремятся узнать, на что будет похожи их таланты после усиления.

Восьмой — один из отрядов, собранных вместе из-за высоких ударных способностей; им не характерны всесторонние таланты, как другим сетари. Обычно их не привлекают в тех пространствах, где требуется вести ближний бой: видимо, есть места, куда не захочешь заходить и что-нибудь взрывать, ибо части пространства сами взрываются в ответ. Возможно, это воспоминания нефтеперерабатывающих заводов. А еще встречаются ионоты, которых необходимо уничтожать физически, потому что к ним не стоит применять псионику.

Капитан восьмого отряда — Ро Канато. Он разыскал меня за полчаса до назначенного времени, дабы представиться, показать путь к новому тренировочному залу и дважды переспросить, как я предпочитаю, чтобы за меня хватались. И постоянно упоминал о неких нормах, установленных для правильного обращения со мной. Очень бы хотелось взглянуть на эти нормы и отчеты обо мне, но, несмотря на имеющийся доступ к общественным разделам интерфейса, существует еще огромная внутренняя сеть КОТИС, увидеть которую я не могу. А еще хотелось бы получать больше информации по всем маршрутам до отправки туда. Хотя, пожалуй, это уже плохая идея, и такие знания принесут только ночные кошмары. Сложно сказать.

Сам Канато примерно моего роста, с длинными черными волосами, которые он собирает в конский хвост. В целом, производит впечатление человека спокойного, действующего с той тихой эффективностью, с какой капля горы точит. Я все гадала, где же слышала его голос, пока не вспомнила, что именно Канато первым заговорил с Рууэлом после нашего возвращения с моей «экскурсии», просто сейчас тон был не столь удивленный. Он не такой учтивый, как Зен, но здравомыслящий и дотошный, поэтому я смущалась меньше обычного.

Тренировочный зал № 2 создан для отработки талантов высокой степени воздействия и разделен на две части толстенными защитными экранами. Большая часть комнаты заставлена передвижными металлическими стенками — целями.

Остальные члены восьмого отряда ожидали на «безопасной» половине за щитами. Две девушки и еще три парня — сплошная вежливость и профессионализм, сквозь которые пробивалось тщательно скрываемое волнение. Канато представил их в том порядке, в каком они стояли:

— Хеназ, Кейд, Трубан, Бриз, Хазен. Мы проведем общую проверку способностей каждого, начиная с Хазен. Помните инструкции касательно контакта. Все, кто решит пренебречь установленными ограничениями, проведут остаток дня на пробежке.

Хазен — хрупкая, похожая на птичку девочка с коротко стриженными черными волосами, потрясающими карими глазами и кожей темнее, чем у большинства жителей Тары. Она встала рядом с люком, который открывался только в другую часть тренировочного зала, и сначала продемонстрировала свою текущую силу. Ее основной талант — электричество, и Хазен выпустила в цель толстую молнию. Мишень стояла где-то

на трети длины зала. Результат сильно отличался от световых лучей Лона, больше напоминающих выстрелы, и походил скорее на настоящую молнию, растянувшуюся до самой цели. После удара Хазен тяжело дышала, в воздухе завис острый запах озона, и если б не униформа, волосы на моих руках точно бы встали дыбом. Мишень издала глухой звук, и сквозь толстое искажающее смотровое окно я увидела, как на металлической стенке вспыхивают мелкие искорки. В моих глазах еще долго плясало их остаточное изображение.

— А теперь с усилением, — раздался голос Канато, все замерли, и Хазен дотронулась пальцами до моего запястья.

Первый отряд решил, что лучше, если сам сетари инициирует контакт с усилением, потому что так меньше интервал, плюс у них реакция гораздо лучше, чем у меня. Я вздохнула с облегчением — восьмой отряд осознал, что для усиления достаточно лишь легкого касания.

Полагаю, Хазен целилась в ту же точку. Сложно сказать наверняка, поскольку вместо молнии с ее руки сорвался огромный белый шар, заискрился, зашипел и медленно поплыл от нас. Шум и запах были невообразимыми; я отвернулась и закрыла уши, но все равно чувствовала вибрацию каждой вспышки. К счастью, это продлилось недолго и погасло в ошеломленном молчании.

Канато не смог сдержать свою реакцию, которая безумно напоминала «Обалдеть!» Джулса, когда тот сталкивался с чем-то реально крутым и неожиданным. Наверное, остальные подумали то же самое. Проморгавшись, он сказал:

— Думаю, в следующий раз мы установим цель в конце комнаты. Побочные эффекты?

Я пожалала плечами, Хазен медленно покачала головой. Она выглядела слишком маленькой и хрупкой, чтобы натворить таких дел.

— Что ж, тогда повторная проверка, цель в конце зала. Так мы увидим, будет ли схожий результат.

Результат оказался схож. Я привычно странно влияла на способности восьмого отряда, но искажение по-прежнему оставалось стабильным. К счастью, большинство могло похвастаться только тремя-четырьмя талантами, и все же я вымоталась к тому моменту, когда Канато объявил перерыв и отправил меня на обязательный после тестов медосмотр. Врачи не смогли решить, то ли я чувствую себя измочаленной под влиянием усиления, то ли просто голодна и устала. Восьмой отряд выглядел совершенно выдохшимся после разрушения всего и вся, так что в сравнении с ними я еще легко отделалась. Днем я вздремнула и проспала свою пробежку (ой, беда-беда).

И хотя восьмой отряд ближе мне по возрасту, если будет право выбора, я с большим удовольствием останусь с первым. Знаю, восьмой просто ошалел от волнения и все такое, но Канато единственный, кто сказал мне хоть слово за всю тренировку. Они не вели себя умышленно грубо, наверное, просто не определились, как я вписываюсь в их жестко структурированный мир. Словно им не дали разрешения на неформальное общение.

Хотя меня это не заботит. Было так забавно наблюдать за их восторгом и тщательными попытками его скрыть.

Маршрут Мейза

На самом деле «Маршрут тсеннеля», но «тсеннель» — значит «лабиринт», что по-английски звучит как «мейз». Я все-таки нашла настоящий словарь в дополнение к установленному в мою голову примитивному, и теперь просматриваю его в поисках нормальных определений и делаю примечания для перевода.

Завтрак прошел в компании Мейза, Зи, Мары и Лона. Болтали о сегодняшнем задании. Разумеется, Лон посчитал очень забавным мой рассказ о том, что в английском «мейз» — это «лабиринт» или «кукуруза» в зависимости от произношения, хотя было непросто описать кукурузу, кроме как «желтый овощ». Или злак? С местными грамматическими сложностями я до сих пор не уверена, как правильно — «Мейз» или «Мейс». У них везде эти «с», но используют их чаще всего в начале слова. А еще ужасно много «ц» и «тс» и невероятное количество «з» там, где я ожидаю «с». Например, когда они называют меня «Касзандра».

В любом случае, лабиринтный маршрут считается довольно сложным за счет размера и необходимости вести ближний бой, а еще потому, что время от времени там встречаются новые виды ионотов. Лон упоминал, что те пространства, в которых мы работали в течение недели, были достаточно незамысловаты, а теперь они собираются испытать меня в местах «жутких и сбивающих с толку». И то, как он об этом говорил, заставило меня задуматься: а вдруг пространства — это не воспоминания, а ночные кошмары планет?

— Какие маршруты самый трудный? — спросила я, пока мы шли к назначенному шлюзу.

— Нестабильные, — ответила Зи. — Те пространства, которые придвинулись к окологпространству Тары и в которые мы раньше не попадали. Во всех остальных, даже в пространстве Колонн, мы знаем, с кем столкнемся, поэтому подбираются команды, изначально нацеленные на конкретную ситуацию. Например, если мы отправим восьмой отряд в лабиринт, то они поубиваются в первые же несколько минут. А девятый отряд пока не может справиться с маршрутом огней, потому что на том склоне необходимо обладать сильными дистанционными способностями. Мы способны пройти оба маршрута, но не с той же легкостью, что команда с абсолютно правильно подобранным набором талантов. Для нас создание специализированных отрядов — большой шаг вперед.

— Давно младшие команды действовать?

— Лет шесть — это про отряды с третьего по шестой. Одиннадцатый и двенадцатый приступили к делу год назад. Тринадцатый и четырнадцатый присоединятся в следующем году. Цель — создать нормальные отряды, чтобы держать окологпространство чистым и усилить дальнюю разведку и исследования Колонн.

Я не сразу вспомнила, что год здесь длится всего лишь четыре месяца.

— И сколько всего Колонн?

Зи подняла руки, но тут же опустила.

— Мы только три года назад убедились, что они реально существуют. Думаем, то перемещающееся пространство снова появится, и мы приблизимся к своей первой возможности должным образом исследовать Колонну. Знание об их сути и назначении давным-давно утрачено.

— Веселые деньки нас ждут, — бодро встал Лон, и тут мы достигли врат, а значит, пришло время официальной записи миссии в журнал, когда все до крайности серьезны и называют друг друга по фамилии.

Маршрут-лабиринт включает в себя только два пространства. Первое изнутри напоминает дом: вокруг потрескавшиеся стены и очертания мебели, а еще тень в углу, которая когда-то могла быть пожилой дамой. А потом ты оказываешься в лабиринте.

В самом настоящем. Огромном, из белого камня, покрытого вьющимся растением с небольшими миндалевидными листочками. На мой взгляд, камень очень похож на тот, из которого сделаны здания на Таре и Муине. Думаю, это память одного из тех миров или еще какого-нибудь, куда ушли муинцы. Стены действительно высокие, метров шесть, и прямо над ними такое же поцарапанное и потертое небо. Зато под ногами на заросших травой тропинках цветет клевер, и все так напоминает атмосферу строгого английского сада, что, несмотря на опасность, место мне понравилось.

— Стены устойчивы к воздействию наших талантов, — пояснил Мейз по интерфейсу, когда мы все прошли сквозь врата. — Отражать или гасить их не стоит — непредсказуемо. Здесь у нас практически все время будет только ближний бой, и мы должны держаться максимально близко друг к другу. Не прикасайся к стенам, мы обнаружили, что это привлекает повышенное внимание всех ионотов в пространстве. Следуй исключительно за Спел, держись слева от нее и общайся только через интерфейс.

Я кивнула, и он, еще более собранный и сосредоточенный, двинулся вперед.

На маршрутах первый отряд всегда серьезен, но по охватившему их напряжению я поняла, что это пространство из числа очень трудных. Все, кроме Мары, вырастили из костюмов длинные клинки. На моей памяти так поступал только Рууэл. Я до сих пор не разобралась, как сделать из униформы что-то тверже резины.

Держась слева от Кетзарен, я оказалась в центре всей шестерки. Рядом шел Лон, сжимая клинок в левой руке вместо правой. В общем, я была в пределах досягаемости каждого, так что ребята могли легко дотянуться за усилением, не рискуя случайно меня зацепить.

— Приближаются. Метки семь, двадцать, — раздался голос Мейза через интерфейс. — Тройной удар.

Под «тройным ударом», видимо, подразумевались Мейз, Мара и Зи, которые резко бросились в атаку, а Лон, Алей и Кетзарен сомкнулись вокруг меня и медленно двинулись вперед. Мы дошли до угла, когда какая-то тварь (я не смогла ее как следует разглядеть) прыгнула на Мейза с одной из стен. Все трое — Мейз, Мара и Зи — обладают талантом ускорения и даже без усиления двигаются поразительно быстро. А усилившись, вообще мгновенно перетекают из одного места в другое. К тому же Мейз и Мара одарены боевым видением, которое, насколько я поняла, заключается в способности обнаружить атаку до того, как она начнется. Другими словами, у ионотов не было ни единого шанса.

Рассмотреть тварь получилось только после ее смерти. Ящерица вроде геккона, не считая некоторых неприятно человекоподобных черт чешуйчатого белого тела. И слишком много когтей. Хамелеон с замашками.

Он еще не успел замереть, а Мейз уже сообщил:

— Два на подходе со второй отметки.

И все сдвинулись вокруг меня, чтобы прикрыть просвет с противоположной стороны.

Так продолжалось довольно долго. Пространство лабиринта огромно, и мы не просто двигались по нему к какому-то конкретному месту, а систематически разыскивали и

уничтожали всех хамелеонов.

В сердце лабиринта обнаружилось яркое пятно: открытый круговой сад с широкими травяными газонами и клумбами фиолетово-красных цветов, которые напоминали космос. К тому моменту мы шли уже около двух часов и уничтожили большую часть здешних хамелеонов. Мейз объявил перерыв, но мы по-прежнему общались только через интерфейс. Сидели в самом центре, а на страже стояли Зи и Мейз, смотря в противоположные стороны. Все выглядели измотанными, поэтому я решила не приставать к ним с вопросами и молча жевала свой совершенно неаппетитный батончик с патокой. А потом появилась эта кошка.

Подросток — с длинными лапами, но еще не полноценная особь. Она походила на тех изящных большеухих животных с Муины: дымчато-серого цвета и с неожиданно темными глазами оттенка зеленого мха. Кошка сидела прямо передо мной, переходя в зону видимости, стоило только моргнуть. И да, я дурочка, но сработала моя автоматическая реакция на кошек (даже тех, которые проявляются из ниоткуда): протянуть руку, дружелюбно опустив пальцы, и посмотреть, не убежит ли мохнатик.

Нежданная гостья отреагировал как нормальная кошка: слегка пригнулась, ткнулась холодным носом в костяшк пальца и потерлась головой о мою ладонь. Я почесала кошку за ухом, потом двинулась к шее и почувствовала легчайшее урчание, прежде чем сообразила, что не стоило этого делать, и осторожно убрала руку.

— Я могу ее взять? — спросила через интерфейс.

Наверное, реакция первого отряда могла бы показаться забавной, если бы Эна долгие годы не была для них крайне опасным местом. Кетзарен, сидевшая ближе всех, повернула голову и вскочила как ошпаренная. Через секунду все уже стояли на ногах: большинство с вскинутыми кинжалами из наножижи и Мара со своей световой плетью. Кошка благоразумно отпрянула и исчезла, оставив меня изумленно пялиться на сетари.

По крайней мере, я помнила о необходимости общаться только по интерфейсу.

— Котята — зло?

Никто не ответил. Мара прикоснулась к моему плечу и, внимательно оглядев окрестности, отчиталась:

— Ничего.

— Проверяю журнал, — сказал Мейз.

Когда мы на задании, а также с учетом моего второго уровня мониторинга, я записываю журнал миссии, к которому Мейз как капитан имеет доступ. Поэтому он имел в виду, что проверяет мои записи о кошке. Затем он окинул меня странным взглядом и вновь принялся осматриваться вокруг.

— Так или иначе, оно уже ушло. Или его совершенно невозможно выявить. — Мейз оглянулся на меня, и хоть его голос не звучал сердито, сжатые губы выдавали недовольство. — Если что-то приближается — и неважно, как оно выглядит, — тут же предупреждай нас. Здесь мы не можем полагаться на внешний вид.

Упрек заслуженный. Я смогла только кивнуть и изо всех сил старалась больше нигде не напортачить. Мы еще час шагали по лабиринту, а когда наконец вернулись в КОТИС, сетари выглядели так, словно страдают от головной боли.

— Очередной скачок популяции, — заметила Мара, после того, как сканер подтвердил отсутствие прилипал. — Я уже готова пересмотреть свое отношение к отправке двойных команд.

— Возиться с пикировщиками? — скривился Лон. — Я пас.

— Неравноценный обмен, — согласился Мейз и изнуренно улыбнулся мне. — Ты очень сильно повлияла на прохождение маршрута. И если бы не скачок популяции, мы бы с легкостью установили рекорд по скорости.

— Ты же не одобряешь скоростные рекорды, — подначил Лон, направляясь к душевым.

— Пообедаешь со мной? — обратилась ко мне Зи.

И еще до того, как мы устроились в тихом уголке столовой, я знала, что предстоит серьезная беседа.

— Котята — зло? — спросила я, успев проглотить достаточное количество чего-то желтого и пюреобразного (на вкус оно было лучше, чем на вид) и уже не испытывая болезненного голода.

— Я ни разу о них не читала, — ответила Зи. — Но есть ионоты, способные изменять свою форму, и существа с безобидной внешностью могут иметь совсем небезобидные намерения. Проблема с подобными в том, что мы не можем их обнаружить. Крайне мало тварей в силах незаметно подобраться так близко к кому-то с боевым видением, неважно, с угрозой или нет. — Она потянулась и постучала ложкой по моей руке. — Ну а гладить их — чистой воды идиотизм. — И улыбнулась, словно стараясь немного подсластить пилюлю. — Он сердился на себя, а не на тебя. Просто постарайся в будущем быть благоразумнее.

Я кивнула, все еще терзаясь угрызениями совести. Если только удастся, я больше никогда их так не расстрою. Отметив тени под глазами Зи, я наконец сумела выдавить:

— Что случилось третий старший отряд сетари?

— Кадара. — Зи произнесла слово так тихо, что я едва расслышала. — Одна тварь прорвалась в реальное пространство три года назад. Мы потеряли девятерых, большинство из старших отрядов. После этого нас всех перенумеровали. Хелез, капитан изначального первого отряда, была женой Мейза. С тех пор он крайне строг к самому себе.

— Такой грустный, — пробормотала я и могла только еще раз пообещать себе не вести себя так по-идиотски в будущем.

Третий отряд

Третий отряд оказался тяжелым для тестирования. И дело даже не в их поведении, а в том, что из-за огромного диапазона талантов для проверки всех требовались три разные площадки. Я немного нервничала по поводу перспективы работы с капитаном третьего отряда — Таарел, той девушкой с нереальной прической, — но только потому, что у меня создалось впечатление, будто она серьезно запала на Мейза. Но, как выяснилось, она настоящий профессионал. Значит, либо у меня воображение разыгралось, либо она просто не злопамятная.

Только вот перед Таарел была еще Эли. После завтрака я поднялась на крышу, прикинув, что снаружи рассвет, а рассветы здесь очень красивы и длятся очень долго, и как раз слушала урок по географии Тары, когда появилась девушка на год или два младше меня. Эли Бата, если верить интерфейсу. В форме сетари она напоминала стручок фасоли.

— Прошу прощения за беспокойство, — начала она громко и восторженно. — Я подумала, что стоит представиться, ведь нам сегодня вместе работать. Я Эли. Поисковик третьего отряда. И действительно с нетерпением жду сегодняшней тренировки. Нам всем хочется узнать, как далеко ты сможешь нас завести.

Да... это определенно другой тип сетари.

— Привет.

— Я могу показать дорогу в зал, когда ты будешь готова, — продолжила она. — А почему ты на крыше? Не привыкла находиться внутри зданий? Это похоже на твой мир?

Думаю, именно такой стала бы Ненна, если бы обладала парапсихическими способностями. Эли иногда останавливала свой бесконечный поток вопросов в надежде, что я их все запомнила и отвечу на каждый, но потом из нее вырывались новые. Мне хотелось посмотреть, как она будет вести себя на тренировке. К счастью, в зале Эли тут же смолкла и делала в точности то, что должна, правда с тем же восторженным видом.

Мы начали в первом зале, где отработывали таланты битвы. В чистой огневой мощи третий отряд и рядом не стоял с восьмым, но слабыми их тоже не назовешь. Дальше мы стали проверять видения. Их всего шесть: боя, пути, врат, символа, места и «видение видения» (вообще-то там два разных слова, но оба обозначают «видение»). Третий отряд обладает всеми вариантами, кроме этого самого «видения видения», которое крайне редкое и, очевидно, связано с пониманием «сути вещей». По словам Эли, Селки (тот синий костюм, что лично явился на меня посмотреть) как раз и обладает этим талантом. А еще Рууэл. Эли — чудесный источник информации. Мне даже не надо у нее ничего спрашивать.

Третий отряд прямо-таки обожает своего капитана. Первый уважает Мейза, но в Таарел подчиненные просто души не чают. Она вроде ЕМ — крошечное солнце. Хотя она бы и ЕМ затмила. Таарел обладает сильнейшим талантом управления Эной, и когда мы туда отправились, чтобы протестировать мое усиление ее способностей, она смогла отчасти закрыть одни из врат. У нее просто безграничное спокойствие, но я легко могу представить, как она толкает речь типа Генриха V перед битвой при Азенкуре, вдохновляя всех вокруг следовать за ней, преклоняться и совершать великие подвиги.

Перечитала последний абзац — звучит так, будто я сохну по Таарел. Забавно. Думаю, она меня впечатлила. Я ужасно смущена и в полном раздрае. Наверное, дело в болтовне Эли

и в том, что Таарел сильно напоминает мне Рууэла. У меня нет ни малейшей причины писать о нем, но я заметила за собой склонность внимательно вглядываться в каждый встреченный отряд в надежде, что это будет четвертый. Я думаю о нем намного больше, чем пишу.

Разглядывая Таарел, впечатляясь и видя ее сходство с Рууэлом в форме глаз, я вдруг поняла, что могу до конца жизни остаться на втором уровне мониторинга. Чего тогда удивляться, что никто из сетари не хочет болтать со мной неформально.

Попытка номер два — третий отряд

Вчерашняя запись выглядит до удивительного искаженной. Более короткая и не столь путанная версия заключается в том, что Эли зашла за мной, и мы направились в первый тренировочный зал, протестировали боевые таланты и боевое видение, а потом перебрались в комнату поменьше, где занялись видением символов и места. После чего отправились в Эну и проверили там видение пути, врат и управление Эной. Как оказалось, под усилением Таарел способна частично закрыть небольшие врата, что, по-видимому, довольно-таки круто. Есть несколько врат в крайне труднодостижимых местах, и хотя для этого потребуется множество тренировок, у меня сложилось впечатление, что однажды меня припишут к третьему отряду, дабы мы пошли и закрыли одни или даже парочку врат, которые открытыми им не нужны.

Видение пути — это способность к отслеживанию: видеть не отпечатки ног, а знать нужное направление. Видение врат позволяет понять, как долго конкретные врата останутся открытыми. Видение места — очень расплывчатое и всеобъемлющее, позволяет рассмотреть незримое, в том числе ауры и «остатки прикосновения», что бы это ни значило, или привычный вид вещей. Иногда видение места позволяет даже обнаружить прилипал. Считается, что с этим талантом справиться сложно — мало того, что он болезненный, так еще в качестве бонуса одаривает носителя ночными кошмарами. Видение символов заключается в «особой толковательной способности», что напоминает внедренный в меня язык: видеть слово и иметь впечатление о его значении. В то же время «видение видения» несет более расплывчатое, но при этом более глубокое понимание. Все эти таланты называются «видением», но по своей сути ближе к «осведомленности». Боевое видение, например, обозначает осведомленность о созданиях вокруг тебя, даже если они находятся за стенами, и одаривает сильным предчувствием, когда стараешься предугадать чужое перемещение и атаку. И третий, и четвертый отряды собраны на основе способностей к видению; это команды дальней разведки, брошенные на установление новых путей сквозь пространства в «горячие точки», где ионоты кишмя кишат. Но также они стараются найти и изучить ддор и Колонны и даже участвуют в расследованиях преступлений реального мира (детективы-экстрасенсы!).

Полагаю, я могу обладать видением пути в некой своеобразной форме, раз уж умудрилась отыскать дорогу в околостранство Земли, хотя Эли пояснила, что устроенное мной за пределами их трактовки данного таланта. Когда я только вернулась и проходила очередной медосмотр, меня пытались протестировать на видение пути, но попытки полностью провалились. Сейчас же они, кажется, немного осторожничают, опасаясь надавить на меня слишком сильно и спровоцировать на новую «экскурсию».

А еще никто даже не предлагал мне попробовать сосредоточиться на своей способности «прогуливаться до Земли», и неважно, что там Мейз говорил по поводу поиска Колонн.

Маршрут «Замок»

Сегодня последняя из указанных в моем расписании вылазок с первым отрядом, хотя, похоже, это лишь потому, что они еще не решили, куда меня приткнуть на следующей неделе. На завтра ничего не запланировано, и к моему восторгу, Кетзарен сказала, что

собирается в город, и предложила к ней присоединиться. Потом у меня день тренировок и тесты с несколькими отрядами (пятым, седьмым и десятым), но ни одного маршрута в Эну, а каждый второй день не расписан вовсе. Возможно, туда потом вставят миссии, если надумают.

Так странно чувствовать себя ресурсом, распределяемым между дюжинами людей. Не со всеми отрядами я горю желанием работать, но теперь хотя бы не заперта в коробке, отчего жить гораздо веселее. Я слегка облегчаю сетари работу, даже если от меня требуется лишь следовать за ними. А на сегодняшнем маршруте даже умудрилась не выставить себя идиоткой, и первый отряд в конце дня выглядел вполне бодренько.

Лон говорит, что Замок — его любимый маршрут. И он действительно отличается от уже пройденных нами раньше. Большую часть времени я чувствовала себя так, будто заблудилась в какой-то компьютерной игре. Тут есть неигровые персонажи! [\[2\]](#) Мейз заранее пояснил, что в пространстве Замка встречаются два вида ионов: одних мы атакуем, других — сторонимся. Из-за этого я должна быстро перемещаться, куда бы ни указала Кетзарен, и быть готова к внезапным переносам по воздуху.

Вот только о ступеньках никто не предупредил.

Маршрут буквально оказался замком, расположенным на гигантской скале. Мы появились у подножия и начали восхождение к вершине, по возможности уничтожая человеческие тени, вторгшиеся в это пространство. А еще там были защитники крепости — тоже тени людей, — которые сражались против захватчиков. И мне стало ясно, почему Лон так любит этот маршрут: кажется, будто помогаешь оборонять крепость. Иногда защитники даже реагировали на нас, будто не ожидали увидеть сетари, а один вроде бы поблагодарил Зи.

Но, боги, сколько же там было ступенек!

Думаю, Кетзарен сделала много дополнительных и ненужных переносов по воздуху, за что я искренне признательна. Не верю, что когда-нибудь смогу обрести такую же хорошую физическую форму, о чем и сообщила Маре по возвращении. А еще о том, как продолжаю тут же засыпать после тренировок вместо положенной пробежки. Мара в ответ заметила, что я за прошлый месяц дважды попадала к медикам и что такая прогулка по лестницам круче любой пробежки. Интерфейс все время позволяет им отслеживать мой сердечный ритм, и они действительно больше заинтересованы в сохранении моей жизни, чем в том, чтобы сделать из меня упрощенную версию сетари.

Вот только послезавтрашнюю тренировку по уклонению от ударов все равно никто отменять не собирался. Мара заявила, мол, она хочет убедиться, что если на меня набросится с кулаками ватага детей, то у меня будет шанс отбиться. Похоже, она все-таки считает меня совершенно безнадежной.

Я могу ее оставить?

Я накатала целый список того, что нужно прикупить во время вылазки в город, типа плетеных ковриков в гостиную и чего-нибудь для легкого перекуса. Да, знаю, многое можно приобрести через интерфейс, и тебе все доставят, но меня привлекала, скорее, возможность выйти из КОТИС и осмотреться. Кроме того хотелось постричься, а Кетзарен вроде была не прочь отвести меня в парикмахерскую, хотя и понимала, что потом придется сидеть и ждать. Ее длинные черные волосы всегда идеально прямые и блестящие, и на их фоне мои секущиеся кончики смотрятся еще хуже.

А еще так здорово, когда есть повод надеть что-то кроме униформы и увидеть Кетзарен в милom платьице. Я частенько задумывалась, часто ли первый отряд общается с людьми за пределами комплекса. Не кажутся ли им гражданские слишком надоедливыми и забавными? Удастся ли ребятам с кем-то встречаться? И есть ли какие-то правила насчет отношений между членами отряда? Думаю, им и жениться разрешено, судя по Мейзу.

Мне было интересно, как много из этих тайн получится разгадать, проведя целый день с одной лишь Кетзарен. Но она ждала меня вместе с Джек из второго отряда, так что идею пришлось отложить на потом. С Джек всегда очень уютно и спокойно, поэтому я совсем не возражала против ее компании, хотя когда тебя вот так сопровождают и называют это «шопингом», начинает казаться, будто попусту отнимаешь чужое время.

Однако стоило нам подойти к одному из выходов из КОТИС — большим дверям под охраной зеленых костюмов, — как завывала тревога. Бип-бип-бип. Настоящий звук, не через интерфейс, что здесь случается крайне редко. Раздел «экстренные ситуации» в интерфейсе резко заполнился сообщениями типа «Изоляция» и «Вторжение-1», и двери наружу начали закрываться.

Интересно, а что, если бы в момент блокировки я находилась на крыше? Надеюсь, больше никто об этом не подумал, иначе они могут запретить мне туда ходить.

Заслышав сирену, Кетзарен и Джек застыли, и секундное удивление на их лицах тут же сменилось напряженной сосредоточенностью.

— Сюда. — Кетзарен указала на комнату ожидания прямо рядом с выходом.

Они с Джек прикрыли меня с двух сторон — крайне настороженные и опасные, несмотря на красивые платья. Едва мы двинулись вперед, Джек прикоснулась к моему плечу, а когда остановились в центре комнаты, объявила:

— Все чисто.

Они с Кетзарен вновь замерли по бокам от меня, продолжая отслеживать малейшее движение.

— Ионот в КОТИС?

— Еще не подтверждено, — ответила Джек, но тут сообщение в интерфейсе сменилось на «Вторжение-2». — Вот теперь подтверждено.

Было крайне утомительно стоять между телохранительницами, пока они общались с кем-то по внутренней связи. Не люблю задавать вопросы, когда сетари такие напряженные и готовые к атаке, так что в итоге я сдалась и начала играть с настройками интерфейса. Я до сих пор не определилась с оформлением комнат и теперь, отыскав огромную базу изображений на продажу, опять разрывалась между множеством вариантов.

Кетзарен издала невнятный звук, и я прервала свое глупое занятие. А подняв глаза, увидела, что она смотрит на меня со странным выражением на лице.

— Они обнаружили вторгшееся существо, — пояснила она. — Та кошка-ионот из лабиринта, видимо, последовала...

И осеклась. Думаю, у меня очень резко изменился цвет лица. По крайней мере, замутило меня мгновенно.

— Она кого-то ранила?

— Нет. — Кетзарен недоуменно нахмурилась. — Не торопись с выводами. И присядь.

Она усадила меня на ближайший стул и покачала головой.

— Полагаю, проще ей показать, чем объяснить, — заметила Джех. — Я отправлю.

Наверное, самое странное в жизни на Таре — возможность просматривать то, что увидели и услышали другие. Причем не только через призму всяких мешающих факторов типа плохого слуха или дальтонизма, но и с учетом особенностей их лиц. К примеру, мы всегда видим крылья собственного носа, но привычно не обращаем на них внимания. Кто бы ни сделал запись, которую мне передала Джех, он часто моргал, носил длинную челку и пирсинг в носу.

Видео началось с кошки-ионота. Она сидела на высоком шкафу в огромной оживленной кухне и смотрела вниз. Поза сосредоточенная, хвост слегка подергивается. Человек, который делал запись, окликнул других людей, привлекая их внимание к кошке. Ее, казалось, это ни капли не взволновало. Кошка напряженно наблюдала за замершим прямо под ней парнем. Одна из девушек отпустила шутку, парень посмотрел вверх и, будто смутившись, шагнул в сторону. Хвост кошки задергался еще сильнее, и она прыгнула на бедолагу. Все закричали и отпрянули, а возмутительница спокойствия приземлилась парню на грудь и прошла сквозь нее. Он ахнул, вздрогнул и кучей рухнул на пол. Кошка уселась перед ним, держа во рту что-то, похожее на серебряную рыбу с щупальцами как у осьминога. Она резко встряхнула добычу, прижала ее лапой и наконец прикончила мощным укусом. Затем потянулась, прыгнула сперва на ближайшую стойку, потом на верхушку другого шкафа, и испарилась.

— Это прилипала? — спросила я, борясь с тошнотой.

Кошка-ионот последовала за мной сюда, потому что я ее погладила. Пострадай не «осьминог», а повар, это была бы моя вина.

— Новый вид. — Кетзарен со вздохом села, очевидно, решив, что в данный момент нас никто атаковать не собирается. — Современные сканеры его не выявляют, а это уже проблема серьезная. И не стоит надеяться, что больше таких не существует. Скорее всего, возбудитель мутировал, и нам грозит небольшое или даже масштабное бедствие. Все может закончиться жутко. Прилипалы быстро не убивают, но без контроля всегда приводят носителя к фатальному исходу, даже если он не страдает психическими расстройствами. И если мы не можем их определять, то даже не узнаем, как они передаются.

— А что происходит дальше?

— Сейчас мы изолированы. Проверку начнут с кухни и опробуют все доступные виды сканирования, вдруг получится выявить других ионотов. Если нет, то в случайном порядке выберут нескольких счастливиц для болезненного акустического исследования. Если повезет, — она поморщилась, — будем искать новые способы обнаруживать прилипал. И если не найдем, то они сначала каждого в КОТИС замучают своей акустикой, а потом поднимут тревогу среди гражданского населения, призывая обследоваться, чего многие делать не станут, ибо процедура крайне неприятная. В итоге люди начнут слабеть и умирать,

и большинство все-таки сдастся, но единицы продолжат упорствовать. Тогда начнется бесконечный цикл заражения и вспышек эпидемии.

Я молча пялилась на Кетзарен. Похоже, она говорила серьезно.

— Лон был прав, — спокойно произнесла Джех.

Кетзарен подняла бровь:

— С ним такое редко случается. И в чем же?

— Он назвал Касзандру счастливым талисманом и везучей. Ей действительно повезло выжить на Муине. Повезло, что ее нашли. Потом она привела Рууэла в правильное место, прямо к Колонне. А теперь еще и встретила кота, который ест прилипал. — Джех улыбнулась мне, но тут же добавила: — Это не значит, что теперь ты должна гладить каждого встречного ионота. Вот это и вправду было...

— Глупо, — вздохнула я.

Никогда себе не прощу.

В комнате ожидания мы просидели три часа. Кетзарен и Джех рассказали мне о последнем большом нашествии прилипал, случившемся почти пятьдесят тарианских лет назад, и о глупостях, которые сами совершали в начале своего обучения. Джех, к примеру, постоянно падала, едва оказавшись в Эне, а Кетзарен однажды не увидела, в какие ворота прошел отряд, и шагнула в соседние.

Когда придумали способ выявлять новый вид прилипал, нас отправили на сканирование, и я была счастлива узнать, что в моей груди нет никаких осьминогоподобных серебряных рыбок. Но вообще обнаружилось около пяти сотен зараженных людей, и в итоге сканы решили установить по всему острову, а в будущем — и во всех лифтах на Таре.

Еще одна радость — кошку так и не нашли.

Доставайте плети

К моей сегодняшней тренировке Мара подошла крайне серьезно. Сразу после завтрака (ох!) — уклонение, а потом мы медленно потрусили по беговому кругу. В его центре находилась полоса препятствий, сквозь которую невероятно профессионально пробиралась куча детей. Будущие сетари.

Затем весь отряд собрался на обед обсудить, как продвигается зачистка от прилипал. Уже обнаружили предполагаемый очаг заражения — продовольственную базу где-то в городе, — и сейчас жертвы отсчитывались тысячами. КОТИС оказался лишь вторичным центром заражения. Я даже видела небольшие сюжеты в новостях, но настоящее число больных общественности не называли, и все члены первого отряда выглядели одновременно успокоившимися и озабоченными. С их позиции это лишь еще один признак усиления ионотов, количественного или качественного, и никто не понимал, какие же перемены к нему привели.

Теперь, освоившись с придуманной ролью девочки на побегушках, я все больше чувствовала себя членом команды, а не просто гостем. Но мое закрепление за первым отрядом не собираются продлевать, а это уже паршиво. Завтра у меня тренировочный тест с седьмым. Их капитан — та самая девица, что язвила над Зен в бассейне и называла меня «оно», поэтому я не горю желанием познакомиться с ними поближе. Не уверена, смогу ли вообще работать с отрядами, где есть люди, рядом с которыми мне неуютно или из-за которых я чувствую себя плохо. Особенно, если придется идти в Эну. Я не соврала Лону и Мару: выход в Эну пугает. Я не паникую, потому что доверяю первому отряду. Интересно, у меня когда-нибудь появится возможность выбирать, с кем работать?

После обеда весь первый отряд пошел со мной на тренировку в бассейн. Мейз сказал, что нам предстоит несколько затопленных маршрутов, поэтому мы плавали в полной униформе с масками и небольшими перебежками преодолевали препятствия под водой.

В подводных сражениях есть свои трудности. Таланты типа огня или ветра здесь бесполезны. Телекинез доступен, но применять его нужно по-другому, потому как в таких условиях брошенный камень летит совсем иначе. Световые способности Лона и Мары работают практически без изменений, очевидно, как и способность к управлению водой, хотя никто из первого отряда ею не обладает. А еще большая часть водной среды предполагает ближний бой, только интенсивнее.

Тренировка меня совсем вымотала. Опять дрыхла днем и проснулась к вечеру. Надеюсь, когда подтяну физическую форму, будет легче со всем этим справляться.

Седьмой отряд

Мне не следовало даже удивляться, что капитан седьмого отряда, Атара Форел, оказалась настоящим профессионалом. Судя по тому, как тошнотворно мило она вела себя с Зен, Атара из тех, кто не нападает в открытую и уж точно не станет выказывать себя в дурном свете во время официальных тестов, где все записывается. Поэтому когда я пришла в тренировочный зал, она просто кивнула и объявила:

— Хорошо, можем начинать. Тот же порядок, что с отрядом Канато. Начнем с тебя, Мема.

Седьмой — еще один отряд из тяжелой артиллерии, и они, прямо как восьмой, не могли скрыть своего восторга от усиления до сверх-разрушительного уровня. Тестирование ударников — захватывающее зрелище, но в то же время утомительное, поэтому я решила за ними понаблюдать.

Форел напоминает кошку — такая же гибкая и тонкая, с острым подбородком и большими глазами. Я могу представить ее урчащей и выпускающей коготки. Основной талант — молнии, и свое тестирование она оставила напоследок. Думаю, для нее очень важно показать результаты выше, чем у Хазен из восьмого отряда. Когда Форел довольна, то щурит глаза.

Парня, который был с ней тогда в бассейне, зовут Пол Тсеннен. Его основной талант — управление Эной, а вторичный — огнем. Казалось, больше всего ему было интересно наблюдать за Форел.

Еще есть два самодовольных «близнеца», Мема и Резайден. Не думаю, что они настоящие близнецы — не выглядят совсем уж похожими, да и фамилии у них разные, зато одинаковые стрижки и манерность. Они были ну очень довольны собой и постоянно переглядывались. У них оказалась целая куча талантов, хотя у Мемы основным все же считается лед, а у Резайдена — управление светом.

Дален в этом отряде обладает способностями к видению, одновременно и врат, и пути, а еще телекинезом. Она высокая и на вид сильная. Может, дело в росте, но я воспринимала ее как дерево. Кошки могут точить о него когти, но коры у дерева много, так что его это не сильно беспокоит.

Лишь последний член отряда, Сайтел Раф, заметил, что я за ними наблюдаю. Его я совсем не смогла прочитать, ну кроме общего впечатления, что он умен. Еще Раф единственный, кто общался со мной вне инструкций Форел и, прежде чем уйти, сказал «спасибо».

Интересно, младшие отряды так замкнуты со мной из-за второго уровня мониторинга? Или считают меня человекоподобной машиной, существующей только для выполнения задач? Кроме Эли, никто из младших сетари не рассматривал даже возможности просто со мной поболтать.

Или, раз уж команды соревнуются друг с другом, а я — некое преимущество, может, они все дружно решили на меня не давить? Но... нет. Никто ни разу не дал понять, будто я сама смогу выбрать себе отряд.

А еще, раз уж об этом зашла речь, проснувшись сегодня после неизменного послетренировочного сна, я увидела в своем расписании кучу подтвержденных маршрутов. И

все с первым отрядом, так что есть, чему радоваться.

Маршрут мостов

За завтраком я снова пересеклась с ужинающей Зен и тут же подседа к ней. Невзирая на темные круги под глазами, она все-таки слегка улыбнулась. Я спросила, может ли она порекомендовать мне что-нибудь почитать, и попробовала объяснить, что такое фэнтези. Не хотелось читать про сетари, их и так за глаза и в жизни, и по телику, но я не нашла никаких стоящих романов, основанных, скажем так, скорее на мифологии, чем на реальности. У нас получился действительно интересный разговор о первоисточниках легенд и о том, как отличаются истории людей, побывавших «за пределами», с теми, кто ничего не знает. Я чуть было не забыла о дневном маршруте с первым отрядом, пришлось мчаться к ним, но Зен потом прислала мне список книг.

В маршруте мостов всего одно пространство, хотя, чтобы добраться до нужных врат, нам пришлось очень долго идти сквозь околостранство Тары. Обычно здесь довольно-таки чисто, потому как сетари прилагают массу усилий, чтобы ликвидировать все угрозы, но иногда с кем-нибудь да столкнешься. Сегодня это была стая бритых наголо кроликов (О. о), которых первый отряд в итоге выследил и уничтожил.

Вообще, маршрут попался очень странный. Все мосты сделаны из костей: круто изогнутых ребер каких-то гигантов. Само же пространство перекручено и искажено, и перспектива тут обманчива — верх и низ, начало и конец меняются местами. Будто попасть в картину Эшера, и уж я-то должна была это оценить, но голова жутко кружилась, и приходилось концентрироваться лишь на ближайшем ко мне участке моста.

В этом пространстве встречаются ионоты трех видов. Одни довольно-таки крупные, размером с автомобиль, цепляются за нижнюю часть мостов, почти сливаясь с ними по цвету. Думаю, суть в том, что они ждут, когда кто-то пройдет сверху, и ловят жертву в свои ажурные когти. Что-то вроде венериной мухоловки. Боевое видение выявляет их на раз-два. Мейз или Зи заранее находили тварей, потом Мейз телекинезом разжимал им челюсти и держал так, чтобы Лон мог прострелить их неусиленными световыми лучами.

Остаток времени мы охотились за длинноногими металлическими аистами с изогнутыми словно сабли клювами. Если одинокий «аист» сталкивался с нами, то тут же убежал за подмогой. Огненная стена и столбы пламени отлично с ними справились.

А потом мы встретили двух тварей типа собак, больше похожих на афганских борзых, но с когтями как у опоссумов, чтобы лазить по мостам. Они преследовали жемчужный радужный огонек и выглядели чудно и опасно. И так как это новый вид ионотов, первый отряд помедлил, наблюдая и фиксируя их поведение. Выясняя реакцию на нас.

Собаки остановились, сели и склонили головы друг к другу, будто разговаривая. Сетари ждали и даже не шелохнулись, когда ионоты в конце концов помчались к одним из врат.

Я рада, что первый отряд не уничтожает всех без разбора на своем пути, но за ужином все же порасспрашивала Зи. Я уже научилась не задавать слишком много вопросов во время маршрутов. Хотя первый отряд всегда мне отвечает, думаю, лучше не отвлекать их от отслеживания предполагаемых атак.

— К счастью, одним из первых наших маршрутов был «Замок», — сказала Зи. — Там мы получили хороший урок: некоторые ионоты могут стать союзниками, уменьшая количество наших противников. Боевое видение позволяет нам в некоторой степени

оценивать чужие намерения, и эта парочка сегодня не вызвала особой реакции. Обеспокоенность, не более того. Напади они без причины, мы бы сразу записали их в список на уничтожение, но не раньше. В некоторых пространствах нам бы потребовалось несколько недель, чтобы полностью зачистить территорию, поэтому имеет смысл сосредоточить внимание лишь на ионотах, представляющих собой очевидную опасность. Но все равно, не...

— Не трогай кошек, — смиренно закончила я. — Видели ли снова?

— Пока нет. — Вряд ли потерявшийся в КОТИС ионот их радовал, и не важно насколько он полезен. — Из-за этого нужно изобретать усовершенствованные сканеры. Если заметишь кошку, срочно сообщи нам.

Я кивнула, хотя вовсе не горела желанием помогать им в ее поимке.

Завтра тест с пятым отрядом. Бе.

Пятый отряд

Пятый отряд — придурки.

Их капитан — тот самый Каджал, который вел себя с Зен как засранец. Хорошо еще, я заранее знала, что он из себя представляет: эдакий чопорно-самодовольный типчик, из всех сил старающийся показать себя лучшим, даже в мелочах. Без понятия, какими раньше были прочие члены его отряда, но, похоже, капитан основательно на них повлиял. Команда состоит из пятерых парней и одной девушки, и не сказала бы, что эта самая Элвез хоть немного лучше остальных.

Пятый — универсальный отряд, поэтому для начала мы встретились в первом тренировочном зале. Они все стояли кружком в центре и даже голов не повернули, когда я вошла. Каджал — парень крупный, где-то под два метра, да и остальные тоже кажутся высокими. И даже понимая, что все официально записывается и волноваться не о чем, я все равно немного нервничала. А потом еще и начала беситься. Эти гады прекрасно знали о моем присутствии, но Каджал все же заставил меня торчать рядом, пока рассказывал отряду что-то не особо интересное по поводу их завтрашнего маршрута.

— Ладно, — наконец объявил он. — Давайте начнем. Найз, ты первый.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Все отошли, и рядом со мной остался парень с супер-прической — «ежиком» с темно-синими кончиками. Он дождался отмашки от Каджала, потом на мгновение схватил меня за плечо и начал тестировать свой телекинез. С остальными все повторилось в точности. Никто со мной не говорил, не кивал мне или типа того. Просто хватали за плечо одинаковым жестом — не грубо, не жестко, но достаточно, чтобы я почувствовала даже сквозь униформу. Другие отряды с самого первого дня едва прикасались, обычно просто проводя ладонью по моей руке. Вряд ли это совпадение, что каждый член пятого решил получать усиление таким необычным способом. С другой стороны — сложно представить, что они сидели и совместно выбирали наиболее удачный вариант.

Потом мы отправились в Эну проверять специфические таланты. Каджал продолжал раздавать указания всем разом, поэтому я сочла, что они распространяются и на меня, и двинулась следом, гадая, чего он добивается. Провоцирует меня на скандал? Пытается расстроить? Или ждет хоть какой-то реакции? Мы всегда отрабатываем способности в Эне в том заросшем травой пространстве, куда меня водил первый отряд: легко добраться, и ионов тут вроде не бывает. В поведении пятого отряда ничего не изменилось, разве что вперед они ринулись неожиданно размахисто, поэтому я отставала на несколько шагов.

Думаю, это их ошибка. Да, напасть на меня здесь не могли, но все выглядело так, будто пятый отряд проявил небрежность и забыл о своей обязанности меня защищать. Надеюсь, они получают выговор.

По возвращении в реальное пространство все тут же ушли, не сказав мне ни слова.

Я же направились в медблок, стараясь понять, почему пятый отряд так суетился. Чтобы запугать меня и расстроить — но зачем? В чем смысл вызывать у меня дискомфорт? Кстати, сработало. Большую часть времени я была сбита с толку и злилась. Они вели себя так, будто мое усиление доставляет им неудобство и вообще фу-фу-фу. Будто с трудом терпели, что вынуждены со мной работать.

Может, ожидали, что я стану жаловаться? Да, мне хотелось, но какой толк? Я не чувствовала себя в безопасности, работая с ними в Эне, но меня вряд ли присоединят к другому универсальному отряду. Скорее всего, так и оставят с первым или будут при необходимости перекидывать между ударниками и видящими. Поживем — увидим. Хочется сделать пакость и все-таки пожаловаться, но некому. Если сунусь к первому отряду, им придется разбираться с этим в официальном порядке. Да и Зен в случае чего поступит так же.

Ладно, не стоит слишком об этом париться, иначе пятый отряд выиграет. Лучше выбросить их из головы и не переживать, пока они снова не окажутся в моем расписании.

Внезапно подумалось, что, говоря на игровом языке, я «квест на сопровождение». ^[3] Так забавно. А пятый отряд — закоренелые ИПИ ^[4], которые считают квесты пустой тратой времени. Инструментом.

Среда, 27 февраля

Отменено

Сегодня в моем расписании стоял маршрут коробок, но проснувшись утром, я не нашла ни одного назначения до конца недели. И как последний параноик заподозрила, что меня решили разлучить с первым отрядом.

А потом просто увидела в этом возможность наверстать школьную программу, которую я подзапустила, чем и занялась, закончив волноваться и дуться.

Эфир

Эфир — земное слово, в этом я уверена. И да, я знаю, что это обезболивающее, однако имеется и другое значение. В фантастических романах, которые я читала, эфиром, к примеру, называли «небеса» в одном из загробных миров или типа того. Есть такое выражение «высоко в эфире». Или нет? На Таре слово тоже используют. Я выяснила это... четыре дня назад, если не ошибаюсь. В тот самый день, когда мы должны были отправиться по маршруту коробок.

Утро я скоротала на крыше, делая домашку и наслаждаясь солнцем. Стоял чудесный, на редкость ясный день. После обеда, валяясь на кровати, смотрела новости, перебирала сериалы и пыталась читать описание онлайн-игр, на которые подумывала подписаться. В виртуальном мире никто не будет считать меня бродягой, только нубом. Однако все игры меня немного пугают, поскольку играют в голове. И хотя в них не подразумевается «абсолютного погружения», все же это сильно отличается от того, к чему я привыкла. А уж к возможностям, которые дает «полноценная» виртуальная реальность, я пока точно не готова.

Когда я продиралась через описание очередной игры, в моем календаре появилась запись о назначенной встрече. Не успела я увидеть, что должна участвовать в миссии «Спасение», стартовавшей пять минут назад, как Зен «открыла для меня канал», другими словами — позвонила. Вот только, когда кто-то открывает канал, не остается иного выбора, кроме как ответить, поскольку голос звонящего внезапно раздается в голове. Лишь людям с определенными полномочиями разрешается так делать, да и то, как правило, в экстренных случаях. Произошло нечто серьезное.

— Кассандра, как можно быстрее подходи к Зеленому шлюзу, — велела Зен. — Будь готова выйти в Эну.

Хорошо, что я уже спустилась с крыши.

— Что-то случилось? — спросила я, спешно скидывая одежду, в которой предавалась безделью.

— Группы, отправившиеся исследовать Колонну, потерпели неудачу, — ответила Зен.

Этого оказалось достаточно, чтобы, молниеносно справив нужду и нацепив униформу, я помчалась по коридорам. Я боялась спросить, что именно значит «потерпели неудачу», просто надеялась, что под «спасением» подразумевается нечто более позитивное, нежели вывоз тел. Члены первого отряда изрядно скрашивают мое пребывание на этой планете, и при мысли, что с ними что-то приключилось, мне стало дурно.

Я пришла не последней. Двенадцатый и десятый отряды еще подтягивались. Многие из прибывших выглядели растрепанными и заспанными, поскольку, в отличие от меня, уже отдежурили свои смены и, вероятно, спали, когда поступил звонок. Учитывая, что прежде я работала только с Зен, выводы напрашивались сами собой, поэтому, пока поджидали отставших, я помалкивала. Привлечение двух отрядов, едва закончивших смену, и меня, при том, что я с этими отрядами еще не тестировалась, в полной мере подчеркнуло, насколько

все паршиво. Мне было даже ни к чему видеть обеспокоенные взгляды, которыми обменивались участники миссии.

Я впервые видела сетари такими взволнованными. Капитан десятого отряда — Элс Харал — внешне совершенно невозмутимый парень с мягким голосом, довольно успокаивающе действовал на остальных, однако полностью сгладить ситуацию ему было не под силу. Также присутствовал Джуна Куан из шестого отряда. Это он принес новости и сейчас едва мог стоять на месте от нетерпения. Харал создал общий канал для обоих отрядов, Куана и меня и принялся всех инструктировать, пока подтягивались остальные. Вот оно — одно из преимуществ интерфейса.

— Согласно данным, полученным после восстановления доступа к пространству с Колонной, в начале второй смены лишь один наблюдательный дрон был поврежден. Другие же не зафиксировали ничего, кроме неизменной энергетической сигнатуры Колонны. Само место подвержено воздействию из глубокого пространства, и его часто посещают ионоты-скитальцы: в основном пикировщики, но есть и особи покрупнее. Третьему и четвертому отрядам поручили провести внешний осмотр Колонны и, в случае отсутствия угрозы, приступить к ее исследованию. Учитывая количество ионотов, им в помощь направили первый, шестой, седьмой и восьмой отряды. Шестой расположился в прилегающем пространстве и наблюдал, как первая группа беспрепятственно вошла и приступила к внешнему осмотру. Вот схематическое изображение Колонны, полученное посредством наружного сканирования и изучения. Сейчас мы направляемся в околопространство.

Мы разбились на две команды. Десятый отряд прошел через врата первым. Зен оставила свой канал открытым и попросила:

— Пока идем, держись слева от меня. Если не будешь поспевать или почувствуешь опасность, доложи мне по этому каналу.

Ну и что тут ответишь, кроме «есть»? Пока мы ждали возможности пройти на ту сторону, я тщательно изучила изображение.

Колонна оказалась гораздо больше, чем мне представлялось. Поскольку ее окружала бело-радужная пелена, о высоте я судила по двери. А та, если верить схеме, была примерно в три раза выше «нормальных» дверей. По всей длине Колонны тянулась полая труба, обозначенная как «силовое ядро». Между трубой и наружной стеной, судя по всему, не имелось ни лестниц, ни ступенек, ни других конструкций, которые могли бы находиться на первом этаже. Самый что ни на есть гигантский термос.

Когда все вошли в околопространство, Харал и Зен приказали быстренько построиться. Каждый отряд разбился на три пары, и мы тронулись в путь. Я пристроилась рядом с Зен и Лентоном, а Куан примкнул к десятому отряду.

— Когда отряды проводили внешний осмотр, — продолжил Харал, — на них напали три группы пикировщиков и один тарани. Подобное развитие событий предвидели и с легкостью отбили атаку. А чуть больше зелкассе назад приняли решение открыть Колонну.

В местном часе — касе — примерно два с половиной земных часа. Зелкассе — это четверть касе. Получается, все началось менее чем за час до звонка Зен.

— Запирающего механизма как такового не было, и двери без труда открыли с помощью дрона. Не выявив никаких угроз, третий и четвертый отряды решили провести еще одну серию сканирований, прежде чем войти внутрь. Закончить они не успели.

Мы достигли первых врат. Хотя все эти пространства недавно зачистили, Харал с напарником одновременно остановились и занялись привычным делом: сканированием и

проверкой. Но сначала всем нам прислали фрагмент записи воспоминаний для анализа. Вверху экрана значилась цель миссии, в левом нижнем углу — имя наблюдателя, «Куан», а в правой части — жизненные показатели остальных членов отряда. Я тут же подумала об игре, но мысли были отнюдь не радужными. Никаких тебе бесконечных жизней и сохранений.

Запись начиналась с вида на пространство с Колонной через врата, ведущие из пространства с платформами. Куан глянул налево — на белую пелену на радужном фоне и горстку сетари. Потом, скользнув взглядом мимо более многочисленной группы людей, посмотрел направо, на видневшуюся вдаль башню. Та находилась гораздо дальше, чем я думала. Пожалуй, метрах в ста. Двери были распахнуты. В стороне от них третий и четвертый отряды возились с дроном.

Я заметила Рууэла за секунду до того, как он пошевелился. Он резко повернул голову и, полагаю, закричал, но слишком поздно.

Белый свет. Его широкий луч, вырвавшийся из открытого дверного проема, совершенно скрыл Колонну и сетари. Около десяти секунд невозможно было что-либо разглядеть. Шестой отряд стоял в оцепенении и молчал. Потом белизна начала рассеиваться, а точнее, быстро оседать. Сначала проступили неясные очертания Колонны, а следом темные фигуры, лежащие в опустившемся тумане.

— Кормин послала туда Аммаса и подтвердила факт применения эфира, — продолжил Харал, пока мы досматривали запись. — Благодаря дару, Аммас смог добраться до Тсеннена и вернуться вместе с ним, но даже столь недолгое воздействие эфира его изнурило. Хотя жизненные показатели Тсеннена были стабильны, он не приходил в сознание. Тогда-то Кормин и отправила Куана со срочным донесением.

Мы прошли еще одни врата, и Харал начал раздавать указания:

— Когда достигнем пространства с Колонной, Кантан усилится и создаст вихрь, который вытянет как можно больше эфира. Следом усилятся телекинетики и вытащат все павшие отряды, которые окажутся в пределах досягаемости. Труднее всего будет добраться до самых удаленных отрядов, попутно борясь с воздействием эфира. И ионами.

Очень важное «и». И хотя я точно не знала, кто такие пикировщики, одно было известно наверняка: нужно много отрядов, чтобы их отогнать. С этой минуты я начала изо всех сил стараться держать темп, поэтому обрадовалась, что пространство перед платформами представляло собой короткую выложенную плитами дорогу, раскуроченную и разбитую. По такой не побегаешь вприпрыжку. Наконец мы достигли пространства с платформами, но шестого отряда там не оказалось.

— Двенадцатый, держаться рядом, — резко приказала Зен, когда десятый и Куан с удвоенной скоростью устремились вверх по пересекающимся белым квадратам.

Она ускорила шаг и, воспользовавшись телекинезом, без труда меня подняла. Десятый добрался до вершины, и кто-то выругался. Мой интерфейс выдавал только: «Ненормативная лексика, ненормативная лексика».

— Мейн, это как раз в твоем радиусе действия, — спокойно, но с ноткой напряжения в голосе сказал Харал. — Не обращай внимания на пикировщиков и тащи всех сюда.

Одна девушка из десятого отряда шагнула через врата. Другая повернулась к трем неподвижным фигурам в черных костюмах, лежавшим чуть выше ближайшей к вратам платформы. Опустив меня, Зен, подпрыгивая, глянула на ту сторону и заключила:

— Пожалуй, лед надежнее.

Харал кивнул и прищурился, глядя поверх плеча Мейн. Я заметила пару особей,

походивших на жемчужных птеродактилей, но менее нескладных. Пикировщики.

— Лентон, усилься и останови их, пока они не последовали сюда, — велела Зен, а потом движением руки приказала своему отряду рассредоточиться по трем ближайшим платформам.

Меня она поставила справа от входа.

Лентон, который, похоже, позабыл сегодня про свою раздражительность, коснулся моей руки и сразу же шагнул за ворота, проскользнув мимо возвращающейся Мейн. Позади нее парили трое обмякших сетари. Все отступили, чтобы она могла пронести их через ворота. Харал придержал ее за плечо, поскольку Мейн сама едва стояла на ногах.

Нанокостюмы хорошо защищают. Они устойчивы к уколам и порезам, умеют самовосстанавливаться, но все же уязвимы. А еще они не закрывают лица. У двух из трех сетари, которых принесла Мейн, на лицах имелись свежие порезы, глубокие и ровные. А третий выглядел так, словно кто-то с широким мелкозубым ртом пытался откусить ему голову, но до конца не преуспел. Я узнала Дален из седьмого, но не остальных.

— Кантан, усилься и приступай, — скомандовал Харал.

Кантан — высокий, довольно смуглый парень — коснулся моей спины, обошел кучку людей, пытавшихся хоть как-то помочь раненым, и решительно ступил в достигавший коленей туман. Лентон заключил пикировщиков в два огромных ледяных шара и бросил на землю, где твари так и остались лежать без движения. Чуть помедлив, он осмотрелся кругом, а потом шагнул обратно. Лентон весь вспотел и пошатывался при ходьбе, но ухитрился держаться прямо и заговорил ровным голосом:

— Группа пикировщиков слева, быстро приближается. И вроде бы ходулочник вдалеке за Колонной.

— Дарм, усилься и разберись с пикировщиками, — приказал Харал. — И передай Кантану, чтобы возвращался, пока не рухнул. Намара, пойдешь следом?

Зен кивнула, когда фигуристая сетари шагнула через ворота и повернула налево. У Кантана дар управлять ветром. Я видела бурное волнение, которое он вызвал в плотном тумане, устилавшем землю. Как и Кетзарен, ему требовалось время, чтобы сотворить что-то по-настоящему мощное. И все же он сумел создать вихрь, всасывающий туман, а уж потом послушно вернулся и теперь стоял, мотая головой и дрожа.

— Какое-то время повытягивает, — доложил Кантан, когда Зен дотронулась до моей руки. — Но из Колонны вытекает новый.

— Передохни, — сказал Харал, наблюдая за переходом Зен. — Может, позже у тебя получится сделать его помощнее. По крайней мере, он оттягивает часть эфира от врат. Дризен, будь готов усилиться. Каковы повреждения?

— Дален и Рот выкарабкаются, — ответила Нелс, главная врачевательница среди сетари. Она умудрилась стянуть с раненых почти всю униформу и теперь опрыскивала открытые участки, предположительно, жидкими бинтами. — Аммас в критическом состоянии, и ему становится хуже.

— Куан, Шерун, отнесите его на базу, — приказал Харал. — Дризен, проходи. Тенс, Чарн, готовьтесь принимать пострадавших.

Затруднения создавал не вес сетари, а их количество и расстояние. Во время тестов я уяснила, что гораздо сложнее поднять много маленьких предметов, нежели один большой. Зен, сильнейший телекинетик, подобрала сразу восьмерых и принялась быстро переправлять их через ворота в протянутые руки двух девушек, обозначенных Харалом. Подошли остальные

и отнесли пострадавших подалее от толпы у входа. Зен, спотыкаясь, вернулась на платформу и невнятно произнесла:

— Дарм вырубилась. Дризен отправился за ней. Один пикировщик по-прежнему летит сюда, других не видно.

— Кист, разберись с ним и сразу же возвращайся, — скомандовал Харал. — Мейн, как проходит восстановление?

Мейн, первая из побывавших за воротами телекинетиков, сидела на две платформы выше и была блее мела. Но когда Харал обратился к ней, встала, спустилась к воротам и мрачно ответила:

— Медленно.

— Когда вернется Кист, мы ненадолго прервемся, — обводя взглядом неподвижные фигуры, пообещал Харал.

Пока что им удалось вытащить меньше половины. Вернулся Дризен, неся с собой Дарм и еще троих сетари. Среди них оказалась Зи — у меня аж сердце от радости екнуло. Однако пребывание в тумане не прошло для спасателей бесследно. И хотя они вынесли всех сетари, которые находились поблизости, большинство членов первого, третьего и четвертого отрядов по-прежнему оставались там.

Все это время я не сводила глаз со светящегося тумана, вспоминая лунный дождь на Муине. Жидкий свет. Мне лунный дождь не причинил вреда, но он явно вредил сетари.

— Что эфир? — спросила я Зен по нашему каналу, так как она сидела с закрытыми глазами, да и менее занятой ее застать вряд ли удастся.

Она открыла глаза, но ответила все равно через интерфейс:

— Форма энергии. Иногда мы с ней сталкиваемся, но ни в одном отчете не упоминалось о столь высокой концентрации, кроме как у главных межпланетных врат, ведущих в глубокое пространство. Эфир их буквально окутывает, и нам приходится пользоваться транспортом, чтобы выжить при прохождении этих врат.

— Что он вам делает?

— Сначала боль, словно тебя прожигают или промораживают до костей. Потеря способности управлять собственным телом и талантами, следом потеря сознания, полный паралич и смерть в течение касе, если воздействие продолжится. — Зен закрыла глаза и добавила: — Мы доберемся до них.

— Есть другие разновидности эфира?

Она недоуменно на меня посмотрела, но тут показался Кист. Он ввалился во врата, упал на четвереньки и выдавил, задыхаясь:

— Ходулочник приближается. Кружит, но определенно направляется сюда. И быстро.

С каждой секундой Харал становился все мрачнее, однако по-прежнему говорил мягко и спокойно:

— Кантан, еще раз усилься и сделай все, что в твоих силах. Мейн, готовься, пойдешь следом. Подайте знак, если ходулочник, предположительно окажется в моем увеличенном радиусе действия.

Кантан коснулся моего плеча, и Харал продолжил:

— Насколько бы мы ни усилились, из-за эфира справиться с ним будет нелегко. Попробуем атаковать втроем: Лентон, Тенс и я. Если наших усилий не хватит... — Он прервался. Видимо осознал, что остальные нападающие сейчас в отключке. — Если нам не удастся победить, Кист, сделай все возможное, чтобы отвлечь его, пока Дризен и Намара

подтаскивают к воротам всех, до кого доберутся.

Мейн последовала за Кантаном еще до окончания этой речи. Харал выждал несколько секунд, потом дотронулся до моей руки, с тем же мрачным выражением лица наблюдая, как Кантан рухнул у ног Мейн. Ему удалось усилить вихрь, но не похоже было, чтобы светящийся туман сильно поредел. Лентон подождал, пока закончится предписанный мне минимальный перерыв, и тоже усилился. В это время Тенс шагнула вперед, чтобы помочь едва державшейся на ногах Мейн пронести через ворота Кантана и еще одну сетари, которой оказалась Алей.

— Ходулочник настигнет нас на счет двадцать, — тяжела дыша, доложила Мейн. Свернувшись клубком, она практически навалилась на Алей. — Гейнер — последняя в радиусе моего действия.

Тенс коснулась моего плеча и переглянулась с Харалом. Полагаю, они пытались смириться с тем, что всех вытащить не получится.

Никогда не встречала ходулочника. Позже Зи показала мне фрагмент записи миссии, и я увидела черное существо, ростом почти с Колонну, с длинным покатым туловищем и тонкими, точно усики виноградной лозы, ногами. Всю его нижнюю часть тоже покрывали многочисленные усики, длинные и короткие. Полагаю, там находился рот, поскольку на треугольной голове красовались только глаза. Харал, Лентон и Тенс сосредоточили свои атаки как раз на нижней части, метнув в нее ледяной шар, а следом — две шаровые молнии. Первая прошла чуть ниже цели, зато вторая угодила куда надо, дробя замороженные усики серией взрывов. Ходулочнику оторвало ногу, и он упал.

Лентон отключился. Харал и Тенс подхватили его с двух сторон и потащили к воротам. Оба держались прямо, но шли очень медленно.

— Вперед, — скомандовала Зен Дризену.

Тот дотронулся до меня и ушел. Его лицо было мрачнее тучи. Такое же выражение я заметила у Зен, пока она ждала своей очереди. Все, кто повторно прошел через ворота, потерпели неудачу. Учитывая непрекращающиеся атаки ионотов, неудивительно, что все члены шестого отряда лежали без сознания. У горстки сетари не было ни единого шанса вытащить павших. Когда Дризен вырубился, так и не сумев вынести ни одного человека, Зен потянулась к моему плечу. Я схватила ее и довольно долго удерживала, а потом, сыграв на ее удивлении, сама рванула за ворота.

Я почти убедила себя, что будет больно. С генетической точки зрения я не отличаюсь от здешних людей. А они, войдя в туман, слегка вздрагивали, а после вели себя так, словно он их потихоньку уничтожает. Однако туман оказался таким же, как на Муине. Он освежал, при этом принося приятное тепло и ощущение благополучия. Из-за вихря туман зловеще кружился вокруг, но я прекрасно себя чувствовала.

Дризен крупный парень. Мне ни за что не удалось бы пронести его через ворота, зато я могла бы подтащить его поближе и оставить на полпути, откуда его забрали бы Зен и Нелс. Замерев, я хорошенько осмотрелась, но не заметила никаких признаков присутствия ионотов. Интересно, я сильно накосячила, не попробовав пройти раньше? С другой стороны, мне точно не по плечу отбить атаку ионотов. К тому же, пришлось бы потратить время на споры, тогда как мой теперешний вид говорил больше, чем тысяча слов.

— Закрыть дверь — лучше всего? — шагнув обратно, спросила я.

— Эфир на тебя не действует? — Голос Харала выдавал полное смятение.

— Лунный свет опьяняет, немного кружит голову, слегка дурманит. — Я пожалала

плечами. — Но нет боли. Заккрытие двери помочь?

Зен и Харал долго смотрели друг на друга, затем Зен сказала:

— Не вижу других хороших вариантов. — А когда Харал скривился и кивнул, добавила: — Беги.

К этому меня не требовалось побуждать. Если снова объявятся ионоты, именно мне раздерут лицо. А еще я толком не вычислила, сколько времени осталось до того, как люди начнут умирать от воздействия эфира.

Не советую братья за серьезное задание, будучи навеселе. И дело даже не в том, что я оказалась неспособна пробежать (точнее протрусить) сотню метров, просто с каждым шагом все больше хмелела. Проскочив мимо бесчувственной Мары, я с ужасом подумала, что, совсем того не желая, бросаю ее на произвол судьбы. Чертовски радовало, что нужно было всего-то закрыть двери.

Помнится, меня неотступно преследовала мысль, что они слишком большие, и я не смогу сдвинуть их с места, когда доберусь. И вот добралась. Точнее, врезалась в правую дверь. Заодно узнала, что она очень легко поддается толчку. Я ее захлопнула и, внезапно вновь почувствовав себя хорошо, направилась ко второй створке. Тогда-то меня и накрыло.

Я просыпалась и думала, что раз уж прихожу в себя, то, наверное, захлопнула вторую створку. Потом заметила смутную преграду, которая словно не давала во всю мощь ощутить, насколько мне на самом деле плохо. С лицом было что-то не так. Подняв руку, я нащупала на глазу повязку. На этом странности не заканчивались, но я не могла понять, в чем дело, так что повернула голову и увидела рядом Мейза. Он спал на стуле, привалившись головой к стене и ссутулившись.

С другой стороны кто-то пошевелился, но из-за повязки было сложно что-либо рассмотреть. По непонятной причине ладонь убирать не хотелось. Не отнимая ее от глаза, я все же ухитрилась повернуться и увидела Зен. Полагаю, она передвинулась, чтобы попасть в поле моего зрения. Ей явно не помешало бы как следует выспаться, но в целом она, казалось, испытала облегчение и выглядела радостно-грустной.

Я хотела сказать, мол, ей следует чаще улыбаться, и вот тогда-то поняла самую главную причину своего беспокойства. Отсутствовал интерфейс. Совсем. Я попыталась заговорить и опешила, не сумев перевести пришедшие на ум слова. Мне не удавалось вспомнить даже часто употребляемые фразы, которые я на самом деле *выучила*. В голове царил полный кавардак. Поэтому я просто через силу улыбнулась и прохрипела по-английски:

— Дурацкий язык.

И практически сразу отключилась.

А когда вновь открыла глаза, в палате находилась Зи. Теперь я могла думать почти связно. Боль, похоже, уменьшилась, но, поскольку дозу лекарств снизили, ощущалась острее. Обрадовавшись, что удалось вспомнить несколько тарианских слов, я выдавила:

— Нет интерфейса?

В горле тут же засадило, грудь сдавило, а во рту появился неприятный привкус. Я закашлялась, и Зи позвала человека в сером костюме, который помог мне отхаркнуть черную слизь и выпить немного воды. Стало ясно, что сетари опять получили приказ до меня не дотрагиваться.

Ненавижу медблок и все, что с ним связано. Особенно капельницы, катетеры и трубки. В этом отношении тарианские технологии мало чем отличаются от земных. Выпроводив Зи, серый костюм провел ряд тестов, влил в меня полчашки отвратительного сладко-соленого

напитка, но, к счастью, убрал трубки. В какой-то момент я вдруг обратила внимание на свои руки. Подняла их и разглядывала, пока не вернулись Зи, Мейз и еще один серый костюм.

— Ну прям заядлая наркоманка, — по-английски прокомментировала я и повертела руками, чтобы лучше оценить их сине-фиолетовое великолепие.

Никогда не видела ничего подобного. Даже *ладони* были в синяках.

Разумеется, я не понимала, что мне говорят. Мейз выглядел хорошо отдохнувшим, значит, с момента моего первого пробуждения прошло много времени. Они были рады, что я в сознании, и вместе с тем серьезны. Зи что-то медленно произнесла, пару раз употребив слово «интерфейс». Я только плечами пожала. Любое движение отдавалось болью, но больно было, и когда я не шевелилась. Ужасно несправедливо. На мгновение я почувствовала покалывание во всем теле и наконец словно стала самой собой.

— Теперь понимаешь? — спросил серый костюм.

Кивнув, я прижала руку к повязке на глазу, который вдруг дико запульсировал.

— Кратковременное нарушение, — услужливо сообщил серый, однако каким-то образом унял боль. — Восстановительный период продлится несколько дней, организму нужно очиститься от остатков токсинов. Но все функции, похоже, в норме.

— Журнал миссии не поврежден, — шепнул Мейз Зи и кивнул серому.

Тот в последний раз окинул меня взглядом и удалился.

— Все живы? — спросила я и по их лицам поняла, что нет.

— Аммас из шестого отряда скончался по пути на базу, — ответила Зи. Мы будто по сигналу опустили головы. — Ты помнишь, что произошло?

— До двери. — Я снова взглянула на руки. — Она упасть на меня?

— Нет. — Зи сморщила нос. — Твой интерфейс вновь начал расширяться сверх установленных пределов. Он вышел из строя, пришлось его отключить и урезать. — Она указала на фиолетовые отметины на моей коже. — Это не только из-за повреждений, но и из-за смены кожи в процессе устранения нарушений. Твой левый глаз пострадал сильнее всего, но необратимых последствий не предвидится.

Нанотехнологии. Я вздохнула. Они круты, но было б здорово, не пытайся мой интерфейс меня убить.

— Мы только со стороны видели, что случилось, когда ты добралась до двери, — сказал Мейз, перекинув мне файл. По слегка рассеянному выражению его лица я догадалась, что сам он сейчас просматривает мою запись. В такие моменты всегда чувствую себя донельзя странно.

Журнал принадлежал Харалу, который из-за врат наблюдал, как я, вихляя из стороны в сторону, трусила к основанию Колонны. С такого расстояния было не *слишком* заметно, что я врезалась в дверь, а не остановилась намеренно. Где-то на счет пять голова прояснилась, и я захлопнула створку. Потом деловито повернулась, подошла ко второй, замерла в проеме и заглянула внутрь.

Очередная световая волна хлынула из Колонны, окутывая все пространство белой пеленой. Я услышала, как наблюдавшие за мной сетари затаили дыхание, а Нелс пробормотала:

— Тзатч.

Позже Лон мне рассказал, что это сокращение от «Тзаразатч», на Таре — религиозное понятие, наподобие Рагнарёка, о гибели всего мира. Никак не могу выпытать у Лона бранные слова, зато он разъясняет безобидные.

Около тридцати секунд не было видно ничего, кроме белой пелены, которая, в отличие от первого раза, похоже, и не думала оседать. Но потом она внезапно поредела и полностью всосалась обратно в Колонну, оставив за собой такое же ясное и пустое пространство, каким я увидела его впервые, если не считать отключившихся сетари. Меня в проеме уже не было.

На этом запись закончилась, я подняла взгляд на Мейза и озадаченно моргнула. На его лице застыло гневное выражение, на скулах играли желваки. Зи не менее удивленно уставилась на него, а когда коснулась его руки, он отпрянул и велел:

— Посмотри ее запись.

И отвернувшись, попытался взять себя в руки.

Естественно, я тоже решила посмотреть и начала с последнего, что помнила: как закрыла правую дверь. Так странно видеть свои действия, но ничего о них не помнить. Вот я заглянула внутрь Колонны. Большую ее часть занимало то самое ядро по центру, а от него во все стороны изгибалась пустота. На внутреннем стержне где-то на уровне головы имелся люк, прямоугольной формы с чуть закругленными углами. Под ним — пара больших белых рычагов, вделанных в камень. «Больших» — в смысле, почти как моя нога. Они торчали из ниши, которая вращалась вокруг ядра Колонны. Крышка люка была сдвинута вправо, и из сияющей вертикальной щели вытекал эфир.

Я присмотрелась к черным пятнам, разрывавшим белизну щели — это обхватывали крышку люка чьи-то пальцы с когтями. Затем, под дребезг переключающихся рычагов, они ее сдвинули, и все вокруг побелело.

В поле зрения показалась черная рука — моя рука, которой я пыталась загородиться от света, но безуспешно. Потом я, должно быть, шагнула в плотную завесу эфира. Когда люк открылся, верхний рычаг сместился влево, и я, похоже, попробовала передвинуть его вправо. Тщетно. Тогда я посмотрела вверх на ослепительно белый поток, льющийся в проем, и заметила едва различимую фигуру — голову, плечи и вытянутую руку, уцепившуюся за край люка. Действие резко переместилось вниз: вероятно, я пригнулась. Шагнула вправо и сдвинула нижний рычаг вместо верхнего. При этом скрежет был такой, словно два огромных валуна терлись друг о друга, а после с глухим стуком распались под завывание ветра. Теперь я видела только пол. Очень близко. Я слегка приподнялась, повернулась к двери и снова упала. Кажется, на пятую точку. Потом поднесла руку к левому глазу, попялилась на окровавленную ладонь и наклонилась вперед. Все вокруг застила красная пелена. Полагаю, эфиру оказалось не под силу притупить то, что чувствуешь, когда твой глаз самоуничтожается.

На последних кадрах почти ничего не видно, поскольку я зажмурилась, зато отчетливо слышно, как я, задыхаясь, произнесла:

— Не дай погаснуть свету своему... [5]

И озадаченно рассмеялась.

Запись резко оборвалась.

— Рада, что не помню этого, — сказала я немного погодя.

Мейз больше не выглядел расстроенным, а вот Зи — наоборот. Нет, она не сердилась, однако ее глаза были широко распахнуты, а губы побелели.

— Существо в Колонне — то же, что и в маршрут огней?

— Крузатч, — ответил Мейз, безуспешно пытаясь подавить ненависть в голосе. Слово переводится как «пылающий» и подразумевает разрушение. — Объявляются в некоторых пространствах. Они скитальцы. Единственные человекоподобные ионоты, с которыми мы

сталкиваемся. Единственные, кто разумно реагирует на нас. Но и это еще не все. Долгое время ведутся споры о степени их осведомленности о сетари и об их способности запоминать предыдущие встречи с нами и извлекать из них уроки.

— Последнего гиганта, вторгшегося в реальное пространство, сопровождал крузатч, — пояснила Зи. — Он чуть ли не ехал на нем. Направлял его. — Она вздохнула. — Многие отвергают идею об организованности ионотов.

И конечно же, об этом не упоминалось ни в рассказах, ни в фильмах, которые я просмотрела.

— Организованные или нет, этот крузатч достал. Что с ним?

Мейз неопределенно махнул рукой:

— Пропал бесследно. Мы полагаем, ты отключила силовое ядро Колонны. Неизвестно, почему весь эфир втянулся обратно, но в результате она, кажется, закрылась. — Он улыбнулся при виде выражения моего лица. — Не смотри так. В конце концов мы и сами попытались бы это сделать, только позже. Мы ничего не потеряли, кроме шанса тщательно исследовать Колонну изнутри. Никто не ходит по маршрутам, все силы брошены на зачистку околопространства, а то ближайšie к нему, похоже, сдвигаются, и на врата полагаться нельзя. Ты молодец, Касзандра. Повела себя очень храбро.

Приятно, конечно, но едва ли это так.

— Скорее, как пьяная в панике. В любом случае не помню.

— Что это ты сказала перед тем, как запись оборвалась? — Зи подалась вперед, чтобы коснуться моей ноги, но замерла на полпути.

Ну точно, им же приказали меня не трогать.

— Строка из известного стихотворения о смерти. — Я повторила фразу по-английски (так ее потом куда легче перевести), а следом — по-тариански, очень-очень постаравшись произнести все правильно. — Забавно, но вроде подходит. Была *сильно* пьяна.

Дальше я, наверное, отключилась. И мне снилась всякая муть о том, что я видела на записи. Снился сердитый Мейз, и как я куда-то бегу и от кого-то прячусь. В общем, ничего радостного. Эти сны до сих пор меня преследуют. В остальном находиться в медблоке так же тягостно и скучно, как и всегда. По словам серых костюмов, мне надо оставаться здесь, потому что синяки могут привести к образованию тромбов. Пару дней я спала и отхаркивала черную слизь: кровь, мокроту и, предположительно, ненужные кусочки интерфейса. А еще много двигалась для улучшения кровообращения.

Меня навестили все члены первого отряда. И Зен. Она по-прежнему выглядела усталой, но не переутомленной. Я спросила про свой дневник и она его принесла, а потом немного посидела и поболтала со мной — как всегда, вся из себя правильная и сдержанная, но чуть более человечная, чем раньше. Думаю, если бы я погибла, Зен винила бы себя, ведь именно она меня отпустила. И возможно, я ей на самом деле нравлюсь, хотя бы чуточку.

Сделала уроки. Смотреть всякие передачи или новости совсем не хочется — там только и говорят о последствиях закрытия Колонны, хоть это и держится в секрете. Отряды сетари рассредоточились по Таре: так они могут эффективно патрулировать околопространство, раз возможности срезать дорогу через другие сейчас нет. Значит, больше внимания, больше ионотов в реальном пространстве. И я всему виной.

До сих пор чувствую себя паршиво: усталой и больной. Всякий раз, стоит мне более-менее выздороветь, я едва не умираю и возвращаюсь к тому, с чего начинала. А еще я похожа одновременно на пирата и панду-наркоманку, благодаря повязке и огромному синяку вокруг

здорового глаза, которой только недавно сменил цвет с фиолетового на желто-зеленый.

Это самая длинная запись в моем дневнике. Уже половина страниц исписана. Надо будет разузнать, можно ли где-нибудь раздобыть другой.

Все еще жива.

Тень

Проснувшись вечером (второй раз за сегодня — я по-прежнему помногу сплю), я почувствовала тяжесть в груди и в полудреме забеспокоилась, что опять болею и застряну здесь навечно. Постепенно до мозга дошло, что моя грудь еще и урчит.

Я не наделала глупостей — не подпрыгнула и не закричала, — но, вероятно, пошевелилась, потому что урчание резко оборвалось. Однако давление не исчезло. Осторожно подняв руку, я нащупала невидимого кота. Урчание возобновилось. Немного погодя, перестало казаться, будто я глажу свою грудь — теперь на ней сидел кот-ионот.

Такой же, как в моих воспоминаниях: темно-зеленые глаза, короткий дымчатый мех. Кот-подросток, совсем не противный и не страшный. Некоторое время я просто наслаждалась, поглаживая его и играя с ним. Чуть позже решила, что это все-таки кошка, но в конечном счете пришлось взять себя в руки и проявить ответственность.

Существует немало различных способов связаться с кем-нибудь через интерфейс, и большинство из них ничем не отличается от земных — интернета и прочего. Нельзя просто взять и открыть канал для случайного человека, если не обладаешь определенными полномочиями, как капитаны отрядов во время миссий. Обычно можно лишь отправить текстовое сообщение с запросом, а уж потенциальный собеседник решает, принять вызов или нет. Но чтобы «позвонить» таким образом сетари, необходимо значиться в их «адресной книге», поэтому большинству обычных людей первый способ не подходит. Еще можно отправить электронное письмо, оставить голосовое сообщение или пообщаться посредством «эсэмэс». Прежде я ни разу не пробовала открыть канал. Просто сетари всегда на вид такие уставшие — проще отправить им письмо, если вдруг что-то нужно или возникает какой-нибудь вопрос.

В итоге я отправила запрос на открытие канала Мейзу, так как вроде еще приписана к первому отряду.

«Есть время спросить?»

Боже, до чего же я ненавижу свои проблемы с грамматикой. Наверное, мой примитивно-детский английский в дневнике — ерунда по сравнению с тем, какой глупой меня считают тарианцы.

Как бы там ни было, Мейз тотчас же отозвался:

— Ты чем-то обеспокоена, Касзандра?

— Гостья. — Я отправила ему изображение кошки-ионота, сидящей у меня на коленях.

А потом, не дожидаясь ответа, быстро спросила: — Если поймать, что с ней будет?

После паузы он осторожно произнес:

— Они найдут способ ее просканировать. А после я самолично верну ее в Эну, поскольку, подозреваю, на меньшее ты не согласишься.

Мейз и правда самый милый парень на планете.

— Большое спасибо, — сказала я, и он рассмеялся.

— Я сейчас в городе, так что пришлю к тебе кого-нибудь. Не ощущаешь негативных последствий?

— Урчащая кошка — это хорошо.

— Не привыкай.

Он не стал отключать канал, на случай если я начну орать о нашествии злобных котят. Пользуясь случаем, я еще немного поиграла со своим временным питомцем. Решила назвать кошку Тенью — подходит же. Я не то чтобы свято верила, будто никто не попытается ее убить, однако не сомневалась: Мейз сделает все возможное, чтобы этого не случилось. Конечно, желание кошки сотрудничать оставалось под вопросом, но я подумала, что если сохранять спокойствие и не совершать резких движений, то она, вероятно, не сбежит сразу же, как кто-нибудь объявится.

Я не ожидала увидеть Рууэла, поэтому отреагировала не совсем адекватно: напряглась, так что Тень перестала урчать, и вроде бы покраснела — хотя из-за синяков вряд ли было заметно. Не знаю, что прочел на моем лице мистер У-меня-талант-ко-всяким-видениям-но-нет-чувства-юмора, однако он забрал контейнер у двух зеленых костюмов и захлопнул перед ними дверь.

Затем поставил контейнер перед кроватью и велел:

— Помести ее внутрь.

Это был зловещего вида ящик из металла и пластика с необычной панелью управления в углу и знаками, предупреждающими о наличии силового поля.

Я слегка помедлила, осторожно поглаживая Тень. Она не вырывалась, но вряд ли сохранит ко мне нежные чувства после предательства.

— Навести меня, когда вернешься, — сказала я ей по-английски. — Я отдаю тебя в последний раз.

Затем подхватила кошку под передние лапы и бережно опустила в ящик.

— Ее зовут Тень.

Рууэл включил силовое поле. Тень погрузилась и исчезла, но не думаю, что ей удалось выбраться. Во всяком случае, Рууэл повел себя так, словно она на месте. Он отвернулся, снова открыл дверь и вручил ящик зеленым костюмам.

Я принялась рассказывать Мейзу о благополучной передаче Тени, ожидая, что Рууэл уйдет. Но он остался.

— У меня вопрос, — сказал он, когда я на него посмотрела. — Ты назвала эфир «лунным светом» из-за своей неспособности к нашему языку?

Мог бы и промолчать о «неспособности». Рууэл не миндальничает, когда речь идет о недостатках.

— Эфир похож как лунный свет на Муина, когда здания делают жидкость, — произнесла я максимально четко и с удовольствием отметила, что его глаза удивленно расширились.

— Здания делают жидкость? — повторил Рууэл.

— Когда луна всходит, здания Муины свет... — Я прервалась, подыскивая подходящее слово. — Притягивают? Собирают? Превращают? Уплотняют? По ощущениям как эфир.

— Здания на Муине превращают лунный свет в эфир? — Я кивнула, и Рууэл одарил меня самым что ни на есть «капитанским взглядом». — И тебе не пришло в голову кому-нибудь об этом рассказать?

— Ваша планета, — пытаюсь скрыть раздражение в голосе, ответила я. — Откуда знать, что вы не знаете?

— Жди.

Его глаза расфокусировались, как бывает при общении по интерфейсу. А я тем временем убеждала себя не дуться только потому, что из-за него чувствую себя виноватой. В

конце концов, вопрос, кажется, важный. Очень бы хотелось, чтобы Рууэл не занимал столько места в моих мечтах. Ну или чтобы я хотя бы не сидела на кровати в тонкой больничной рубашке и не выглядела так отвратно.

Меня подключили к каналу, где уже собралось человек десять. Рууэл, Мейз, капитан третьего отряда Таарел и синий костюм Селки. Остальные имена были мне незнакомы.

— Девлин, пожалуйста, расскажи поподробнее об эфире на Муине, — деловито попросил Селки.

— Эм... минутку.

Я не ожидала, что меня втянут в совещание на высшем уровне, и потянулась к дневнику. Так проще справиться с задачей и избежать защитных ноток в голосе. Проллистнув несколько страниц, я начала:

— Впервые увидела луну, Муина, седьмая ночь. По-прежнему шла берег реки, нет зданий. Напоминает как на Земле, чуть больше, голубоватая, не полная. — Я прервалась. — В ней отверстие, знаете?

— Да. Продолжай.

Я пролистнула еще несколько страниц:

— Достигла поселения тринадцатый день. Луна появляется каждый восьмой день. Получается, появилась после того, как провела там пару дней. Полная. Когда взошла, сидела на крыше башни. Здания засветились. Сначала слабо, затем сильнее. В центре всех крыш кольца — розетки? Узор. Светится гораздо сильнее остального здания. Свет — эфир — вытекает из круга. Я встаю рядом, касаюсь потока света. Холодный, но согревает. Действует как алкоголь. Позже увидела больше света в центре города. Пошла за эфиром туда. Думаю, он течь вверх по холму. В центре амфитеатр. Там очень большое кольцо. И кошки. Кошек нет там той ночью, только много жидкий лунный свет. Центр круга создает столп света. К тому времени сильно опьянела. Пошла, встала в столп. Отключилась. Очнулась там на следующий день. Чувствовала себя хорошо.

Я со вздохом перевернула еще несколько страниц. Рассказывая про свои приключения при лунном свете, ощущала себя полной дурой.

— Несколько дней спустя, больная. Все время холодно. Жидкость в груди. Лихорадка. — Я ненадолго замолкла, перебирая в уме спутанные фрагменты, которые помнила. — Возможность смерти. Почти все время без сознания, несколько дней. Снова лунный дождь. Слишком больна двигаться, мало что помню. Видела эфир за окном. Принес тепло. Легче дышать. Намного лучше на следующий день. Могу двигаться. — Увидев следующую запись, я нахмурилась и нерешительно произнесла: — В этом не уверена. Странности со зрением. Одни предметы размыты, другие — нет. Подумала, повредилось. На следующий день решила, что за мной следят. Чувствую что-то позади, уголком глаза замечаю движение. Подумала, что схожу с ума, воображаю монстров. На следующий день много шума, словно холмы завывают. Полагаю, ддора. Не видела, откуда. Звуки исчезли, как и ощущение, что повсюду следят. В глазах по-прежнему туман. Два дня спустя появляются сетари.

Я бросила взгляд на Рууэла. К нему вернулась привычная невозмутимость, однако он очень внимательно на меня смотрел.

— Не припомню тумана в глазах после десяти тысяч инъекций. Все.

— Ты слышала ддору в реальном пространстве? — с подозрением спросил Селки.

— Громкий шум. Самый громкий, что когда-либо слышала. Как гора горюет.

— Я не могу... — начал кто-то, чрезвычайно разозленный. Осекся, а потом продолжил резким, но менее враждебным тоном: — Ты наблюдала другие значимые явления?

Интерфейс подсказал, что это некий Лакрин. К сожалению, к более подробной информации о людях у меня доступа нет.

Я остерегалась сказать просто «нет».

— Не явно, — ответила наконец. — Ддора. На Земле есть северное сияние, похоже на ддору, но гораздо больше. И не шумит. Не связано с ионот. Это просто... хм, солнечная радиация? Как понять, что важно? Важно, что всюду, куда иду, есть кошки? Ничего очевидно значимого.

— И вопрос двух миров достоин более подробного изучения, — вставила женщина по имени Нотра. — Девушка ведь еще в медблоке? Позже я навещу ее, и мы поговорим более детально.

— Отлично, — сказал Селки, и меня отключили от канала.

Вполне по-военному.

Я начала закрывать дневник, но Рууэл выхватил его у меня из рук. И это тоже в духе военных.

— Видение символа поможет прочесть? — спросила я без особого восторга.

— Бесполезно.

Перевернув несколько страниц, он прижал кончики пальцев к одной из них и закрыл глаза. Что бы Рууэл ни делал (предположительно, использовал какое-то «видение»), похоже, это давалось ему нелегко: то ли от прилагаемых усилий, то ли от боли складки вокруг рта углубились. Но обошлось без особых драматических эффектов, и вскоре Рууэл открыл глаза и вернул мне дневник.

— С тех пор как на Таре нашли способ путешествовать через пространства, мы не сталкивались с теми, чьи технологии были бы равнозначны нашим, — размеренно произнес он. — Это позволяет допустить, что мы мало чему можем научиться у тех, кто не достиг того же уровня. Мы просто сгупили, не расспросив тебя подробно о пережитом на Муине. А вот с твоей стороны было нелепо предположить, будто мы знаем все о планете, на которой нам разрешается проводить всего несколько часов, да и то в исключительных случаях.

С таким не поспоришь.

— Согласна.

Рууэл кивнул и ушел, а я осталась, злясь на него за проявленную беспристрастность. Держу пари, его считают строгим, но справедливым капитаном отряда.

Не то чтобы меня когда-либо привлекали в парнях строгость и справедливость. А уж отсутствие у Рууэла чувства юмора должно было окончательно отвратить. Хотя, пожалуй, назвав мою лабораторную крысу на одежде «вполне уместной», он вроде как пошутил. Сухо, но все же.

И у него очень красивые руки.

Когда Рууэл ушел, я сбегала к зеркалу в крошечной ванной и убедилась, что ужаснее еще никогда не выглядела. А чуть позже меня навестил Мейз. Он рассказал, что Тень по-прежнему держат в силовом поле, но еще не просканировали, и что моя информация о Муине очень ценная, хотя вряд ли они в ближайшее время решат, как ею распорядиться.

В общем, странный денек.

Меня тошнит от медблока.

Расспросы о Муине

Большую часть сегодняшнего дня я провела с истен Сел Нотрой. Она тут что-то вроде ведущего ученого. Думаю, ее можно было бы назвать физиком, если бы физики верили в сверхъестественные способности, всякие пространства и в то, что лунный свет может превращаться в туман. Главное, что она и правда умная — эдакий тарианский Эйнштейн. Помесь всеми любимой бабушки и самой строгой директрисы во вселенной. Еще у нее есть миньоны, которые беспрестанно суеются вокруг, пока истен не пошлет их прочь. И она велела медперсоналу принести мне одежду получше и привела меня в некую «переговорную гостиную», где мы обе могли устроиться с комфортом.

Старость на Таре сложно оценить. Здесь с радостью используют нанотехнологии в косметических целях, и встретить кого-нибудь со шрамом или родимым пятном — большая редкость, разве что с какими-нибудь милыми морщинками. Хотя, кажется, с сединой они еще справляться не научились. Местные избавились почти от всех видов рака, но по-прежнему стареют и дряхлеют. Впрочем, «пенсионный возраст» тут где-то между восьмьюдесятью и девяноста годами, а продолжительность жизни — лет сто двадцать. Их самый-самый долгожитель дотянул (только что проверила) до ста сорока семи (ну ладно, до четырехсот сорока двух). Истен Нотра старая. Старая-престарая, хотя все еще работает и до сих пор сообразительнее, чем я когда-нибудь буду, даже в мечтах.

Еще истен Нотра интересуется абсолютно всем. Она много расспрашивала о лунных дождях и, разумеется, хотела узнать, что произошло с эфиром, когда он достиг амфитеатра (думаю, он просачивался снизу), точно ли он как спирт или просто похож (вроде того), отличается ли эфир в пространстве Колонн от такого же на Муине (нет), не думаю ли я, что заболела из-за первого взаимодействия с эфиром (нет), и неужели я правда считаю, будто второй дождь помог мне выздороветь (да). Светились ли другие здания (нет). Кажется ли мне украшения крыш необычными или другими во время лунного дождя (хм). Раздавался ли какой-нибудь странный шум во время дождя (в основном я запомнила отсутствие всякого шума — все животные затихли).

Потом мы перешли к тому, что я ела на Муине и на Земле. Какие вещи находила в поселении. Каких животных видела. Какие из них встречаются на обеих планетах. Какой уровень сверхъестественных способностей на Земле, если они вообще там имеются. Есть ли на Земле какие-то сооружения вроде муинских или легенды о муинской культуре. На ум пришли только легенды об Атлантиде, но мама как-то рассказывала, что изначально во всех этих историях не было ничего про магию и суперсилы, это все уже потом понапридумывали.

Истен Нотра единственная на всей планете стала поправлять мою грамматику и произношение, заставляя повторять фразу до победного, пока не выйдет правильно. Нашу беседу она начала с нескольких полезных советов о том, как лучше управляться с глагольными формами и структурой предложения. А потом завязался длинный разговор про язык в целом, земные языки и развитие коммуникаций и о том, что бы я делала на Земле, если бы не оказалась на Муине. Я сболтнула, что собиралась всерьез заняться изучением основ мифов, но вряд ли смогла бы этим зарабатывать. Обсуждение все время сводилось к примерам, как вести беседу на языке, который я на самом деле не знаю, причем истен Нотра не позволяла мне тормозить и настаивала, чтобы я прорабатывала предложения — не важно,

сколько это займет времени, — прежде чем их озвучить. Ее миньоны продолжали соваться к нам с закусками и обедом, спрашивали истен, не нужно ли чего, и возмущенно на меня зыркали, услышав, как я рассказываю о вампирах и зомби какому-то Лону, который оказался одним из самых уважаемых на планете ученых.

Классный был день. Истен Нотра действительно очень необычный человек, занятой, и все же потратила на меня столько времени.

Ну и еще я наконец вышла за пределы медблока — дополнительный плюс.

Кто-нибудь, позвоните в схорую

Иста Треммар сняла с моего глаза повязку. Они меняли большую липкую накладку каждый день, но под ней веко все равно оставалось закрытым. Сегодня медики притушили свет, сняли повязку и проверили глаз с помощью маленьких фонариков. А после еще одной нудной процедуры наконец меня отпустили. В моем расписании теперь стоят тесты и осмотры, но больше ничего, даже тренировок.

Мне бы порадоваться. Не отсутствию планов, но хоть тому, что меня выпустили из очередной коробки. Великая иллюзия свободы. Но, знаете, с глазом отнюдь не все в порядке.

У меня карие глаза. С зеленцой и голубыми прожилками. Так вот, глаза по-прежнему карие, но в левом появились пятнышки лилового и фиолетового, и в сочетании с голубым они заглушили основной каре-зеленый. Смотрится классно, но мне жутко не нравится. Потому что это больше не мой глаз, и каждый раз, подходя к зеркалу, я вижу, что меня больше нет. Я не та девчонка из Сиднея, которая обожала книги и игры, собиралась поступить в универ и еще не совсем определилась с планами на жизнь. Здесь я не Касс. В основном — Девлин, иногда — Касзандра. Я бродяга, и дело не в том, что меня так называют — я сама здесь чувствую себя чужой. Мои главные цели: выучить их нудный язык и постараться никого не убить, пока не пойму, как попасть домой. Да, и не умереть. Не люблю вспоминать, сколько раз балансировала на грани с момента спасения. По крайней мере, в последний раз я чего-то достигла, прежде чем расклеиться.

Поэтому теперь, оказавшись на свободе с возможностью бродить где угодно, я весь день прохандрила на диване. Стоит радоваться, что глаз вообще уцелел, но вместо этого я стараюсь не расстраиваться, что могу совершить очередную экскурсию на Землю во сне. Совершенно не хочется, чтобы меня опять спасали. И я ведь даже не попыталась понять, как достигла околосреднего пространства и как можно безопасно вернуться домой.

Придется скрыть разочарование, чтобы они перестали мониторить меня все больше и больше, особенно, раз мой иммунитет к эфиру сделал из меня еще более занятную лабораторную крысу. Совершенно не испытываю желания открываться серому костюму, что беседует со мной каждый день с тех пор, как я очнулась. Он так «ненавязчиво» задает вопросы, что дураку ясно: это психологическая оценка. Или, может, он психотерапевт, но тогда почему просто не сказать об этом?

Как бы я хотела, чтоб кошмары прекратились. Наверное, тогда, с Колонной, я в самом деле была в состоянии слепой паники, раз мои сны полны страшных тварей, которые пытаются меня поймать, и я просыпаюсь в холодном поту, задыхаясь и хватаясь за глаз. Не думаю, что дошла бы до ранга сетари, даже если бы обладала суперспособностями, и слава богу, никто не планирует снова отправлять меня на миссию в ближайшее время.

Первый отряд сейчас на каком-то острове под названием Горра. Я очень ценю, что Зи то и дело шлет мне письма, держа в курсе, как у них дела и как они справляются с изменениями, вызванными отключением Колонны. Ребята потихоньку проверяют, какие из известных маршрутов до сих пор существуют, и пытаются проложить пути к тем околосредствам, куда имели доступ раньше. Расписание у всех пошло кувырком, и они работают в два раза больше, пытаясь вернуть свои позиции.

Э-эх, совсем не прикольный денек. Пусть уже поскорей закончится.

Профессиональная пьянчужка

Сегодня утром я проходила эфирные тесты. Раз уж теперь мне ничего не грозит — остались только болезненные желтые синяки и периодическая дрожь, — они решили повьяснять, с чем связана столь необычная реакция на эфир. То есть, все утро я напивалась.

Они боятся как-то спровоцировать мой интерфейс и пытаются разобраться, почему он опять начал расти, поэтому дали мне совсем чуть-чуть эфира — так, пригубить. В общем, было скучно, но достаточно забавно. Могу поклясться, никому на этой планете не делали столько сканиваний мозга, сколько мне. Ну хоть поразвлекалась чтением предупреждающих табличек в гермокомнате. «Опасно — токсические вещества!» — повсюду, внутри и за пределами интерфейса.

Меня отпустили где-то около обеда, но я была не в настроении для школьных уроков. Так что, слегка бунтуя, или просто все еще немного навеселе, пошла искупаться. Без напряжения, просто побарахтаться, и так бы и сбежала одна, если бы кто-то не вспомнил, что мне вроде как сопровождение полагается.

Пока я бултыхалась, притворяясь, что тренируюсь, неожиданно получила новый уровень доступа вместе с сообщением от истен Нотры, переславшей мне огромную кучу файлов. *«На время тестов и восстановления тебе предписано просмотреть информацию, собранную на Муине, и уведомить меня о любых возможных совпадениях с твоим миром».*

Домашка! Понятия не имею, смогу ли найти что-нибудь полезное, но это определенно кое-что новенькое. Настоящее задание.

Однако сведения о Муине оказались и близко не такими интересными, как все остальное, к чему я теперь имею доступ. Меня приписали к сетари, и я увидела такие штуки, как общий календарь, библиотеки по пространствам, маршрутам и ионотам, профили отрядов и главную доску объявлений. После месяцев пребывания в статусе гриба это серьезный прорыв.

Должна признать: первое, что мне захотелось сделать, это удовлетворить свое растущее любопытство насчет Рууэла. И лишь воспоминания о просмотре «Истории постыдных секретов в браузере» по домашним компьютерам друзей помогли сдержаться. Вместо этого я проверила профиль первого отряда, открыв для начала данные Зи. Набор талантов, рейтинги, история миссий. И наверняка еще куча всего для меня недоступного. Потом я методично ознакомилась с информацией по всем капитанам отрядов и если и задержалась на Рууэле чуть дольше, то только потому, что у него оказалось одиннадцать талантов. Высокие показатели по видениям и скорости, низкие — по управлению Эной, телекинезу, левитации и свету.

Закончив с этим бессмысленным актом потворствования своим желаниям, я вернулась к библиотеке ионотов (бестиарий!), чтобы поискать кошек. И обнаружила, что Тень спаслась. Молодчина, Тень! Надеюсь, она когда-нибудь еще навестит меня, но, полагаю, больше не доверится.

Пошарившись еще там и сям, немного ошалевшая от обилия информации, я глянула подборку по Муине. И наткнулась на отчет давностью в несколько месяцев. Экспедиция на Муину для исследования ддоры, обнаруженной в околопространстве.

Я была в «дополнительной информации».

«Перемещенный объект. Молодая женщина, доставлена из второй зоны. Без повреждений, состояние неудовлетворительное. Сканирование на прилипал отрицательное. Языковая группа неизвестна. Определена на исследование».

Мое столь памятное спасение. Приложенный журнал был, пожалуй, очень любопытным и давал возможность понять, как работает способность видения. Явившись в город, четвертый отряд начал проверку недалеко от того места, где я варила шерсть, и сразу понял, что там кто-то был. Сетари с видением места заметили повсюду светящиеся следы (мои и разных животных) и даже отпечатки моих рук на чашах. Отряд разделился на пары, вероятно, уверенный, что поблизости нет никакой реальной угрозы.

Глядя на свой муинский город глазами Рууэла, почувствовала себя одновременно шпионкой и лицемеркой. А еще наконец-то поняла, почему сетари всегда такие чертовски правильные. Думаю, редко кто штудирует журнал полностью, но вряд ли кому-то захочется, чтобы его поймали за разглядыванием задниц других членов отряда или сплетнями про остальные команды.

Смотреть на все глазами Рууэла было еще и донельзя странно. Сплошные ауры и узоры там, где им не место: марево в стиле арт-нуво. И это лишь по визуальной части. Такой талант связан не только со зрением, так что страшно подумать, сколько же информации обрушивается на кого-нибудь со всеми шестью видениями. Теперь понятно, почему Рууэл чуть не упал, узрев ддору под усилением. Не думаю, что способность работает постоянно, потому что временами мой муинский город казался абсолютно нормальным. Может, это как переключать каналы, а Рууэл вроде как с пультом балуется.

Вид родной башни ностальгии не вызвал. Я просто порадовалась, что была не внизу, когда эти рейнджеры с легкостью устранили мою кустарную дверь и прошли мимо кучи хлама, который я спихнула с лестницы, на второй, еще не убраный этаж. Потом они поднялись на третий этаж Форты Касс, где аккуратно стояли мои миски с грешью и красными грушами, а также жалкий набор инструментов в углу. Мой рюкзак. Мое одеяло. Я.

Грязная, свернувшаяся калачиком, в школьной форме, с прямыми засаленными волосами. Я выглядела костлявой и больной. «Состояние неудовлетворительное». Рууэл посмотрел на меня сначала обычным зрением, а потом другим, и я засветилась тусклыми оттенками зеленого, синего и красного.

— Она здесь уже долго, — сказала через интерфейс его напарница, Сонн.

— Причем не несколько дней, а недели, — согласился Рууэл.

— Время на исходе. Зачем мы тут с ней возимся, когда должны искать врата? — В голосе Сонн прорезались нотки раздражения.

Они пришли не за мной.

Но Рууэл не казался чересчур обеспокоенным. Он отвлекся от изучения потолка и посмотрел на меня. Я тихонько пошевелилась.

— Оставим ее на берегу озера, конвой подберет.

Тут я отскочила, будто ошпаренная кошка. Такая напуганная. Рууэл сменил зрение и начал опять оглядывать комнату, наблюдая странную картину из булыжника и нескольких частичных призраков меня.

— Ты меня понимаешь? — спросила Сонн на тарианском, потом еще раз, но произнося слова по-другому.

— Кто вы? — сказала *та* я, переводя взгляд с одного на другого.

Сонн попробовала снова. Я нажала паузу, чтобы посмотреть ее журнал: она повторяла

тот же самый вопрос, используя «Справочник взаимодействия с бродягами», в котором собран небольшой запас полезных фраз из языков бродяг, найденных в прошлом. Там имелись самые разнообразные варианты муинских диалектов, о чем я тогда не знала.

— Все равно не понимаю, — сказала прошлая я.

— Ничего не выходит, — пробормотала Сонн.

— Попробуй просто жестами, — предложил Рууэл. — У нас нет на это времени.

Он полез на крышу, поручив остальным из его отряда продолжать поиски врат.

Время визитов на Муину строго ограничено. Судя по отчету, они начали за много километров отсюда, с руин главного города, где установили сеть сканирующих дронов и в реальном, и в околопространстве.

Робототехника здесь развита гораздо лучше, чем на Земле, но искусственный интеллект все еще и близко не похож на *настоящий*, поэтому возможности дронов ограничены. Сведения о ддоре состоят из сложной цепи сообщений от роботов. Они висят возле большой межпланетной расщелины на Муине, однако большую часть времени выключены и активируются по расписанию. Один включается и сканирует, другой курсирует туда-сюда между Муиной и Тарой и доставляет информацию. Ддора прошла мимо дронов, и этого было достаточно, чтобы два дня спустя туда спешно отправили четвертый отряд в надежде ее найти.

Едва достигнув города, сетари перешли в околопространство, чтобы получить последние данные от дронов и попытаться выйти на след ддоры. Просчитали направление, в котором она двигалась, погнали свой корабль туда же и в итоге наткнулись на мой городок, где остановились поискать врата. А вместо этого нашли меня.

Оставив меня сидеть на берегу озера, четвертый отряд отыскал врата к югу от города и прошел сквозь них. Неудивительно, что ддора уже исчезла, но они хотя бы выяснили, куда именно. Правда, не понимаю, как такая огромная штука смогла протиснуться сквозь такие маленькие врата. Они пытались преследовать ее, однако вскоре были вынуждены вернуться из-за временных ограничений.

Думаю, мне надо просмотреть муинские файлы от начала до конца, а не прыгать туда-сюда. Почему, например, они не обыскали тот большой город на предмет записей? Сколько ж технических словечек на мою голову: все равно что просмотреть весь архива NASA за раз.

Многабукаф

Прежде чем просматривать файлы, я решила почитать побольше о Муине и Таре, раз уж получила доступ к чему-то посерьезнее учебника истории для дошколят. Временная шкала значительно облегчит задачу. Буду писать в земных годах, потому что тарианские подурачки короткие.

1500 лет назад. Каста лантаров на Муине эпично облажалась, создав Колонны, которые начинают курочить материю, разделяющую реальное пространство и Эну. При попытке исправить свою ошибку лантары почти полностью уничтожены. Раньше я как-то не обращала внимания на эту деталь: народ, создавший Колонны, почил практически в самом начале, оставив после себя нехилую дыру в информационной и управленческой сферах.

1500 лет назад. Целые поселки и города начинают погибаться, а ионоты добивают остальных. Уцелевшие лантары эвакуируют всех, кого можно, на другие планеты, проводя тысячи людей через Эну (кого-то — через пространства вроде маршрутов сетари, остальных — через нечто, именуемое глубоким пространством).

1500 лет назад. Одна группа прибывает на Тару — мокрую каменную пустошь, терзаемую штормами. Народ бежит к ближайшей пещере и пытается выжить под землей. Лантары как отдельная каста на этом этапе исчезают, но их потомки продолжают жить среди прочих. Эти экстрасенсы с более слабыми способностями приходятся очень кстати, но к ним относятся как к необходимому злу, ибо лантаров винят в случившемся с Муиной, и связь с ними долгие годы считалась чем-то гадким и позорным.

1400 лет назад. Муинцы наконец берут верх на Таре, и их жизнь перестает быть столь отчаянной битвой за выживание. Население в кои-то веки растет, а не сокращается. Отсюда начинаются письменные записи (или просто отныне не теряются). И уже здесь тарианцы обладают кое-какими нанотехнологиями. Все те белые здания на Муине на самом деле не построены, а выращены из «живой грязи», созданной лантарами, и людям удалось привезти часть с собой и организовать «семенной фонд» этой грязи. С тех пор они экспериментируют с формами, хотя лишь пару сотен лет назад начали понимать, как это вообще работает. Процесс постройки домов тут совершенно дикий: все начинается с большой бочки пастообразной массы, которую смешивают с сырым материалом, чтобы сделать еще больше этой массы, а потом ее «инструктируют», используя маленькие модели для создания больших копий. Пока есть хоть немного «неоформленного» вещества, его можно продолжать плодить. И раз уж эта грязь еще не поглотила всю планету, думаю, есть какой-то механизм, чтобы ее контролировать.

900 лет назад. На Таре уже сильная и стабильная цивилизация, она начинает ответвляться от изначального острова, Горры, и обустриваться на других островах. Полномасштабное исследование мира сдерживают только немыслимо жестокие океаны.

300 лет назад. Отношение к паранормальным способностям наконец меняется — во всяком случае, теперь это считается скорее чем-то хорошим, чем плохим, и тарианцы приступают к активной селекционной работе в данном направлении. Разобравшись, как это дело механизировать, они узнают, что таланты встречаются почти повсеместно, хоть сейчас уже и нет никого, кто мог бы сравниться по силе с лантарами.

200 лет назад. Начало компьютерной эры.

120 лет назад. Бурное развитие нанотехнологий. На этом этапе они обходят Землю по уровню технологий и внедряют первый биоэнергетический интерфейс.

100 лет назад. Тарианцы строят «космические корабли», которые позволяют им снова путешествовать через межпланетные врата. Эти врата (или расщелина) ведут в глубокое пространство, окутаны эфиром и, кажется, не похожи ни на те, через которые я ходила с первым отрядом, ни на те, что перенесли меня с Земли на Муину. Тарианцы с головой уходят в поиски обитаемых планет/Муины, что отнюдь не просто. Они отправляют и теряют множество дронов.

90 лет назад. Обнаружена планета под названием Чанна, заселенная бывшими муинцами. Это каменистое, бесплодное место, не очень привлекательное для колонизации, так что тарианцы открывают на безлюдном континенте несколько шахт и развлекаются долгими этическими дебатами о дальнейшей судьбе бывших сограждан, которые ныне живут тяжелой кочевой жизнью охотников-собирателей. Вместо того, чтобы вмешаться и попытаться их захватить, тарианцы маскируются, изучают диалект и подкармливают местное население технологическими разработками, обращая их в более земледельческую культуру. Поскольку заражение Чанны ионотоми сравнительно невелико, решено оставить все как есть. И лишь несколько лет назад Чанна, как и все другие планеты, начала страдать от все более частых вторжений. Теперь возник серьезнейший спор, не стоит ли Таре уже помогать в открытую или даже забрать к себе несколько миллионов чаннанцев.

80 лет назад. Обнаружена Нури, планета размером с Луну, с небольшим, но стабильным населением (развитие где-то на уровне римлян). Нурийцы, кажется, решают, что тарианские технологии загрязняют окружающую среду, и несмотря на дипломатические встречи и переговоры, не хотят иметь с ними ничего общего, не делятся информацией и вообще винят тарианцев в недавней ионотной эпидемии. У нурийцев сильнейшие среди известных планет естественные паранормальные способности, и они до сих пор справлялись сами, но не с таким количеством монстров.

60 лет назад. Обнаружен Дайс, планета с останками муиноподобных городов, но, кажется, они давным-давно разорены ионотами. Это водный мир с цепочкой тропических островов, населенных созданиями, которые полагают, что люди — это очень вкусно, особенно с кетчупом. Туда направляют несколько экспедиций с целью сбора полезных растительных форм жизни, но в итоге решают, что смысла в колонизации нет.

50 лет назад. Обнаружен Колар, засушливый, но довольно населенный мир, где бывшие муинцы развлекаются, воюя с ионотами и время от времени друг с другом. Это наиболее технологически развитая планета из всех, что встречалась тарианцам до сих пор. И хотя на момент знакомства их технологии даже примитивнее, чем у землян, вскорости, благодаря помощи Тары, прогресс набирает обороты. У коларцев с тарианцами не очень теплые отношения. На самом деле, первые просто хотят, чтобы тарианцы раскрыли им больше своих технологических секретов, а вторые, в свою очередь, облизываются на природные ресурсы Колара, но отнюдь не горят желанием видеть кого-то еще на одном уровне развития с собой. На Коларе есть интернет, но тарианцы не дают интерфейс никому, кроме коларских сетари. Впрочем, основному населению планеты интерфейс нафиг не сдался, ведь после его внедрения о неприкосновенности частной жизни можно забыть, и их это явно не радует.

30 лет назад. Муина наконец найдена. Тарианцы веселятся, пока вся экспедиционная группа не погибает в результате взрыва. Повторные попытки экспедиций неизменно терпят крах, хоть и по разным причинам.

30 лет назад. Создан КОТИС: теоретически совместное предприятие Тары и Колара фактически — в основном Тары. Это ответ на очевидный рост присутствия ионов в известных мирах, а также желание «разобраться» с Муиной. И тарианцы, и коларцы считают ее домом и мечтают туда вернуться.

18 лет назад. Тара все сильнее страдает от вторжений ионов в реальное пространство и вынуждена тратить на борьбу с ними все больше времени и человеческих ресурсов. Начинается всплеск интереса к паранормальным способностям, формируется программа сетари в надежде выдавить линию фронта за пределы городов. Что приносит свои плоды, но не решает проблему в целом.

В общем, такая вот межпланетная ситуация. Теперь я понимаю, почему Рууэл сомневается, что они смогут найти Землю — они и свой-то родной мир еле отыскали. Благодаря бродягам, попадавшим на Тару и Колар, стало известно, что есть еще как минимум три обитаемых планеты, заселенные бывшими муинцами, но и их пока не нашли.

Тридцать лет назад, обнаружив Муину, тарианцы вообще не могли понять, почему предки оттуда сбежали — ну, кроме очевидного «Всем кранты, драпаем!». Почему лантары считали межпланетные перелеты настолько важными — загадка, равно как и создание Колонн. Ни один из «родоначальников», вовлеченных в организацию всего этого на Муине, не добрался ни до одного из известных миров.

Есть куча бесконечных историй про лантаров, в большинстве из которых они предстают высокомерными мистическими мастерами, но кроме того, что они обладали реально крутыми талантами, настоящий размах их сил неизвестен.

Вот такой у меня контекст для работы над заданием истен Нотры, хотя не уверена, как скоро смогу с ним разобраться, ведь каждое утро я напиваюсь, потом сплю, а к вечеру совершенно без сил.

Первые экспедиции на Муину

Тридцать лет назад вернувшийся через расщелину дрон принес карту, что вела к новой пригодной для жизни планете. Для изучения находки был послан исследовательский корабль «Лонара» с экипажем из двадцати человек. Как планета Муина оказалась вполне себе ничего. Большие ледниковые шапки и несколько бесплодных областей, но в остальном — очень даже пригодная для жизни зелено-голубая жемчужинка. Множество озер. Крупные города из пустых блочных зданий. «Лонара» взяла воздушную пробу в первом большом городе, и обнаружилось, что человеком здесь и не пахнет, хотя животных в достатке. Тарианцы приземлились на чем-то вроде плаца, оставили нескольких дронов и отрапортовали на базу, мол, родная планета наконец найдена.

Позже для более детального исследования вновь послали «Лонару» и еще один корабль, «Цасзен». В общей сложности пятьдесят членов экипажа, военные и ученые. Тарианцы знали, что Муина опасна — по крайней мере, была, когда они с нее сбежали, — поэтому готовились к встрече с толпой монстров. Еще до программы сетари они начали разрабатывать всевозможное оружие против ионотов, и с учетом того, что не приходилось отвлекаться на защиту собственных городов и их жителей, первая экспедиция не ожидала особых проблем.

Однако вестей от группы не поступило.

Третий корабль, «Масзар», обнаружил лишь дымящиеся руины на том месте, где полагалось быть первой экспедиции. Не найдя выживших, «Масзар» вернулся на Тару. Очень грустно читать отчеты тех лет. Они не представляли, что произошло. Атака ионотов-гигантов? Какое-то неизвестное оружие? Диверсия? В отчетах явно прослеживалось, что подозревают Колар. Даже дроны бесследно исчезли.

Начались споры: стоит ли отправить туда усиленный отряд или, наоборот, послать маленький и тихий. В конце концов победил второй вариант. Корабль под названием «Данна», десять человек экипажа. Они попытались действовать скрытно, долго оставались в воздухе, высадились вдали от города и сканировали, сканировали, сканировали. А еще выпустили дюжину дронов. Половина экипажа осталась на корабле, остальные же на санях (в смысле, на неких парящих перевозчиках, тут они называются «дили») двинулись к месту гибели экспедиции для расследования. Добрались без происшествий, начали разбирать завалы в поисках чего-то вроде черного ящика, и работа шла вполне успешно — группу не тревожили ни ионоты, ни кто-то другой, — когда внезапно пропала связь с кораблем.

Команда очередного отправленного туда судна нашла пятерых выживших, разбивших лагерь возле развороченного корпуса «Данны». Они не имели ни малейшего понятия, почему произошел взрыв, и так как дальнейших атак не последовало, все эти дни продолжали разведку. А уж как обрадовались спасению...

После потери еще одного исследовательского судна, «Нетц», КОТИС установил правило, согласно которому кораблям запрещено оставаться на Муине более двенадцати часов. Во время следующей экспедиции они обустроили базу, оставили там людей и через день навевывались с проверками. Где-то с неделю все шло отлично, и разведчикам удалось неплохо прочесать город в поисках записей, важных устройств и вообще всего, что помогло бы распутать загадки прошлого и настоящего. Вроде бы корабли меньших размеров

взрывались не так скоро. Дроны держались не больше нескольких дней, но сани оказались довольно прочными.

А потом исследователей атаковал гигант. Где-то половина из тридцати человек погибла — их съели. Тарианцы попробовали снова, на другой площадке, с бóльшим количеством людей. Четыре дня спустя команда полностью исчезла, не осталось ни тел, ни следов сражения.

Таким был первый год обретения Муины. И двадцать девять лет спустя ничего не изменилось. Тарианское правительство ограничило время пребывания кораблей на планете до ничтожных трех кассе. Когда они начали немного разбираться в околопространстве, обнаружилось, что если в настройки дронов ввести периодическую деактивацию, то они, как правило, продолжают работать. Колесят повсюду, точно марсоходы, записывают все подряд в течение часа, потом пересылают материал в систему хранения и выключаются на день.

И да, спутники на орбите тоже не взорвались, так что в итоге им удалось составить полную карту мира. Гугл-Муина! Я даже свой городок нашла.

Вообще, я так толком и не углублялась в отчеты, только пробежалась по верхам. Не стоит и надеяться все это прочесть. И я не нашла ничего, что могло бы хоть как-то заинтересовать истен Нотру. Думаю, продолжу просматривать файлы, но первоначальный энтузиазм уже спал.

Прочие новости: «алкоголя» по утрам дают все больше, вот только толку мало. Сегодня, например, перестарались, и я вырубилась посреди процесса. Да и вообще никакого веселья в пьянстве, когда на тебя пялится куча серьезных ребят и делает заметки.

Плавала я сегодня гораздо лучше. Начинаю понимать, что упражнения все же не так ужасны. Написала Зен, мол, если ей когда-нибудь станет скучно, или она не сильно вымотается и захочет потренироваться в бассейне, то всегда может присоединиться ко мне. Она ответила: «Обязательно». Но поскольку Зен в другой смене, подозреваю, шансов у меня маловато.

Не Клинт Иствуд

Этим утром полюбоваться моим опьянением пришел цур Селки. Какое-то время наблюдал через смотровое окошко (и обычным, и особым зрением), а в итоге приставил ко мне какого-то несчастного младшего из серых костюмов и стал травить нас вместе. Серый — мелкий довольно симпатичный парень — еще до подачи эфира начал потеть и скрипеть зубами, а уж когда я лениво прилегла, совсем разозлился и все одаривал меня возмущенными взглядами. Мне-то было скучно, а ему, очевидно, больно. Отрубился он довольно быстро.

Потом цур Селки приказал выдуть совсем чуть-чуть эфира на мою руку и на его собственную, следя за всем суровыми черными глазами. Он по-прежнему напоминает мне Клинта Иствуда, хотя несколько на него не похож.

— Одно и то же, но наоборот, — услужливо подсказала я, пока цур Селки рассматривал наши ладони. — Проблемы с мелкой моторикой, медленнее реакции, потеря самоконтроля, отключка. Но итог разный. Что одному хорошо, другому смерть. А вас не сравнивать ни с каким местный знаменитый актер?

От последней фразы он даже голову поднял. Думаю, это войдет в журнал миссии. Хорошо, что, решив поставить наблюдать за мной кого-то с видением видения, они не выбрали Рууэла. Кто знает, что бы я лягнула ему?

— Дело не в твоей реакции, — через мгновение объявил Селки, — а в поведении эфира. Меня он атакует.

Я выпучила глаза:

— Он живой? Или еще нанотехнологии?

— Возможно. Нурийцы говорят, что мы сами сделали Муину своим врагом. Интересно, почему тебя она считает другом...

— Австралийцев все любят, — хихикнула я, но тут же слегка протрезвела. — Земляне даже для своей планеты не очень-то дружелюбны. Не понимать, почему другой мы должны нравиться.

Селки лишь отвернулся и жестом велел кому-то открыть двери.

— Подождите. — Я сцапала его за руку, пытаюсь не выглядеть смущенной. — Попробуйте еще.

Клинт Иствуд не из тех, кого можно хватать безнаказанно. Цур Селки определенно тоже. Но спустя мгновение он приказал повторить процедуру и наблюдал за покрывавшим его ладонь эфиром все с тем же каменным лицом. И вдруг потребовал:

— Увеличить дозу.

Меня не подключили к каналу, по которому шли все обсуждения, так что я просто лежала там, пытаюсь сохранить хоть какие-то ошметки достоинства, и наблюдала, как цур Селки косеет. Он держался молодцом, но постепенно изменения проявлялись: глаза норовили разъехаться, а меж бровей от попыток сконцентрироваться пролегла морщинка. Идеальная кандидатура для алкогольных тестов.

К тому моменту я все вокруг находила забавным, так что сострила:

— Пьянство на рабочем месте. Десять штрафных баллов. — И засмеялась, увидев, как он нахмурился, но успела предупредить: — Скоро вырублюсь. Можем остановиться?

Конечно, сперва пришлось проверить, что происходит, когда Селки уже меня не

касается: все отрицательные эффекты мгновенно вернулись. Я же не стала рисковать и подниматься на ноги, так и отключилась на месте. Полдня убито впустую, и теперь я слишком взвинчена, чтобы уснуть.

Жертвы

Родители кандидатов в сетари отдают своих детей правительству. Про это есть куча фильмов. Про семьи, которые, словно матери футболистов, мечтают о престижной работе для родимых отпрысков и пытаются пропихнуть их в программу. Любой ценой. И про других, которые прячут своих детей с сильными паранормальными способностями и всеми способами уговаривают их не выделяться. Несколько дней назад я смотрела грустную историю про сестру девочки-сетари. Ей пришлось бороться за то, чтобы стать кем-то большим, чем просто родственницей знаменитости. В конце концов она покончила с собой.

Весь день я думала о шестом отряде, о погибшем парне по имени Аммас и о том, что же почувствовали его родители, когда им об этом сообщили. Они разозлились? Они сами толкали его в программу сетари или были против? Давно ли он с ними виделся? Остались ли у него сестры? Любимая девушка? Было ли что-то в жизни Аммаса, кроме убийства монстров?

Сетари ни в коем случае не бесправны, есть несколько надзорных комитетов, но, чтобы развить способности, их ставят на путь, граничащий с жестокостью. И хотя им не разрешают вступать в бой, пока не сданы итоговые экзамены, и даже предоставляют право уйти из программы, нет никакой возможности прокачать свои таланты, не отказавшись от детства. Полезно об этом вспоминать, когда у меня возникает желание побрюзжать и понуть.

После увеличения вторжений в реальное пространство и частого мелькания сетари на основных островах появилось много — очень много — слухов насчет происходящего.

То, что они нашли и выключили Колонну, — одна из главных сплетен, но нет ни слова о едва не погибших там отрядах и ничего обо мне. Может, у сетари и имеются надзорные комитеты, но КОТИС по-любому закрыт от посторонних глаз. Интересно, а нет ли часом надзорного комитета по делам неожиданно полезных бродяг?

Сегодня не напиваюсь, просто обычный медосмотр, так что утром я поплавала и даже неплохо справилась. Думаю, все эти тесты с эфиром помогли мне порядочно восстановиться. Я попыталась поиграть в сверхответственность и после обеда двинула на пробежку, но там проходил какой-то спортивный фестиваль. Проще говоря, соревнование как минимум трех сотен детей — от шестилеток до моих ровесников. Если б я потрудилась проверить расписание, то могла бы заранее узнать, что «парк» занят.

На них тоже была униформа, но не из черной nanoжижи. Коричневая с кремовым, видимо, специально для тренировок. Я поспешно села. Приятно, что можно увильнуть от пробежки, но как-то неловко просто развернуться и уйти, раз уж почти все меня увидели. Я всегда чувствую себя притворщицей в этой черной форме, потому что смотрела сериал про девочку, пытавшуюся выдать себя за сетари, и знаю, какой это на самом деле крест. Хотя, скорее всего, многие в курсе, кто я такая, и, наверное, именно потому на меня и пялились. Не уверена, обсуждался ли вопрос полезности бродяг вне пределов группы сетари.

Детки воспринимали соревнование чертовски серьезно. Приветствовали друзей, свистели, и даже самые крохотные спортсмены отчаянно карабкались через препятствия, будто от этого зависит их жизнь. Может, так и есть. Я не слышала ни одного канала, по которым они общались, впрочем, и не пыталась их поймать, вместо этого листая отчеты по Муине. Даже не стала смотреть на высветившееся на дисплее имя победителя, потому что

часть этих детей наверняка закончит так же, как Аммас.

Скудный вклад

Я совершенно не продвинулась с проектом истен Нотры. После бесконечных чтений даже представить не могу, что интересного ей поведать. Видимо, придется с умным видом сообщить, что собаки не лают ночью, петрушка не тонет в масле, или еще чего-нибудь в духе Шерлока.

Но я продолжала шгудировать все более и более нудные отчеты и искренне обрадовалась, когда появилась Мара и похитила меня на ужин в городе с первым отрядом, который наконец-то вернулся в КОТИС.

Классная прогулка. Мы пошли в одно место, где продавали пастообразную еду, похожую на хумус и пережаренные бобы, и всякие разные мелочи от темно-коричневого хлеба до уже привычных овощных палочек. Я тут же окрестила это «Магазином холодных и горячих закусок». Лон без конца улыбался и все твердил «Десять штрафных баллов», стоило кому-нибудь чего-нибудь выпить. Даже заявил, мол, теперь он мой раб навеки — только лишь за выражение лица цура Селки.

— Сетари можно спиртное? — спросила я, так как при мне первый отряд не пил ничего, кроме воды и сока.

— Нет, нисколечко, — сказала Алей, наклоня свой стакан. — Даже если мы не на службе, риск слишком велик. Я пробовала алкоголь, но правила насчет влияющих на самоконтроль веществ весьма мудры и полезны.

— Цур Селки — главный в программе тренировки сетари?

— Скажем так, он — доминирующая сила в нашем развитии. — Мейз казался даже еще более уставшим и потрепанным, чем обычно, но сумел изобразить кривую улыбку. — Должен признать, я не один раз пересмотрел тот ваш тест с эфиром. Селки правда похож на какого-то известного актера с твоей планеты?

Я совершенно безуспешно попыталась объяснить им про Клинта Иствуда, в конце концов переключилась на Джонни Деппа, и теперь весь первый отряд, кроме Мейза, клянется найти дорогу к Земле, чтобы посмотреть «Пиратов Карибского моря».

Потом Зи потащила меня делать прическу. Вероятно, в КОТИС есть парикмахеры для коричневых костюмов (которые на самом деле называются «калрани» — «младшие»), но они вроде наших школьных парикмахеров, поэтому Зи повела меня туда, где стрижется сама. Вообще я особо не заморачиваюсь с волосами, но теперь, когда секущиеся концы убраны и нигде ничего не торчит, чувствую себя так, будто от тонны мусора избавилась. Хотя какая разница? Все равно ведь косу заплетаю.

По дороге назад мы с Зи обсудили изменившийся цвет моего глаза. Я не стала упоминать о своей первой реакции и смогла объяснить испытываемый дискомфорт, не сорвавшись в истерику. Еще я рассказала ей про свои кошмары, о которых теперь могу говорить без опаски, раз уж они перестали терзать меня каждую чертову ночь.

Потом я спросила Зи насчет Нилса из второго отряда, не бегает ли он за ней, на что она ответила: «Пусть мечтает». И сменила тему.

Веселуха

Все больше напиваюсь эфиром. Интересно, не вернее ли писать «накуриваюсь»? В конце концов, я же им именно дышу. Пожалуй, вариант «накуриваюсь» мне не нравится — хотя какая разница, ведь алкоголь тоже своего рода наркотик. «Смазка для вечеринки», как назвала бы это Перри: ничего особенного, просто средство немного разогреть толпу. Алисса взяла с меня клятву никогда не пить без нее, и технически я не нарушила слово, но даже с учетом моего совершеннолетия вряд ли Алисса — а уж тем более мама — была бы в восторге от моей нынешней карьеры. Сомнительная работенка: сразу после завтрака завалиться на диван и пьянствовать, пока не отключишься.

С другой стороны, у меня отличный медицинский надзор, и я даже пытаюсь добросовестно заниматься спортом. Сегодня после обеда и поплавала, и побегала, хотя, конечно, забила бы на пробежку, если бы Зен тоже не пришла в бассейн (ура!). Я спросила ее, где можно побегать спокойно, а то этот парк с полосой препятствий слишком многолюден, и Зен показала мне другое место для тренировок: бесконечную вереницу коридоров, площадок и ступеней. Это, вероятно, лучше, чем семенить по парку без особого напряжения, но, господи, меня едва хватило на один круг трусцой, если не шагом. Реально много лестниц. Ноги теперь ватные.

Зен без всяких усилий трусила рядом, а потом сказала, что мне вовсе не нужно пытаться пробежать дистанцию — достаточно просто проходить ее раз в день с удобной скоростью. Не то чтобы я в восторге, но тут хотя бы никто не увидит, если меня без конца будут обгонять.

После мы вместе пообедали и обсудили книгу из тех, что Зен мне посоветовала: исторический роман о прошлом Тары, еще до появления интерфейса и программы сетари, зато с эпичным путешествием в поисках затерянных муинских записей в пещерах глубоко под Унарой.

Общаясь с ней, еще больше скучаю по Алиссе. Зен явно не предложишь оценить кого-то по шкале сексуальности.

Вместо этого я спросила про спортивное мероприятие, на которое наткнулась. Она объяснила, что победа в таких состязаниях хоть и дает некоторые привилегии, все же не засчитывается как шаг к статусу полноценного сетари. Сейчас калрани сосредоточены на другом: как раз идет набор в тринадцатый и четырнадцатый отряды. Кандидаты должны достигнуть определенного возраста и сдать тесты на пригодность. По первому критерию подходят где-то двадцать пять человек, одного из них припишут к шестому отряду. А пятнадцатый и шестнадцатый не начнут формировать по крайней мере еще два тарианских года.

— Есть те, кого так и не классифицировать? Что с ними происходит?

Зен ответила супернейтральным тоном, который использует, когда речь заходит о внутренней политике или сетари:

— Есть несколько калрани, которые старше, чем члены одиннадцатого и двенадцатого отрядов. Если окажется, что их невозможно квалифицировать, они не достигнут этого уровня программы. Но формирование сбалансированного и эффективного отряда зависит не только от возраста и квалификации. Их привлекут к действующей службе, когда для них

найдется подходящая команда.

Я задумалась, не потому ли некоторые сетари терпеть не могут Зен, но решила держать язык за зубами и вместо этого поблагодарила ее за те жуткие лестницы. Зен пообещала, что снова сходит со мной в бассейн, если наши расписания совпадут. Явный прогресс.

Пока я это писала, в завтрашнем графике появилась тренировка с четвертым отрядом. Пожалуй, новость приятная, но не получится ли, что многовидящий Рууэл посмотрит на меня и поймет, насколько меня волнует сама мысль о нем? Алисса говорила, что время, проведенное с недоступными парнями, в любом случае потрачено не зря, ибо таким образом ты находишь причины, почему они тебе не нравятся. Но я не готова разбираться с Рууэлом прямо сейчас.

А, ну да, худшее, что может произойти, — это я выставлю себя круглой дурой, и сие на века останется в скрижалях их отчетов. Прямо предвкушаю.

Четвертый отряд

Проснувшись, я увидела сообщение от Рууэла: «Мы совместим это тестирование с заданием, так что приготовься к расширенной сессии».

Учитывая, в каком жалком состоянии находились мои ноги после вчерашних лестниц, мне захотелось употребить то, что папа называл «крепкие образные словечки». Но в итоге я смирилась. Сетари, исследующим Эну, явно плевать на мой внутренний монолог.

Эта тренировка разительно отличалась от предыдущей с другой командой, но началось все почти как обычно: четвертый отряд расположился кружком в центре той же самой комнаты. Все изменилось, как только я вошла. Рууэл подключил меня к каналу отряда и начал инструктаж. При этом повернулся и больше не стоял ко мне спиной. Вроде мелочи, но из-за них складывается совершенно иное впечатление.

— Тестируемся в том же порядке, в каком будем применять усиленные способности на маршруте, начиная с меня, потом — Сонн, Аурон, Ферус, Халла, Эйс. Ферус, отвечаешь за безопасность Девлин, тебя страшит Аурон. Вы изучили техники, которые Спел использовала для преодоления сопротивления усиленных телекинеза и левитации. Проверку боевого видения и скорости отложим до симуляции битвы и сконцентрируемся на элементах атаки. Девлин, отчитывайся о любой неожиданной реакции немедленно.

С таким капитаном, как Рууэл, начинать сложновато: он сразу задает высокую планку и ждет, что ты ее перепрыгнешь. Полагаю, он бы так не гнал, если бы я не успела поработать с первым отрядом, но ему явно нравится делать все с наскока, тестируя левитацию, телекинез и световые умения в чистом виде, а потом с усилением — меньше, чем за минуту. Без усиления Рууэл мог поднять килограммов сто, а с ним — раза в четыре больше. Используя свой световой талант, он вырастил из руки шип, типа меча из наножжи, и под усилением тот искажился так же, как плеть Мары: изменил цвет и плотность, но не более того.

Теперь мне уже интереснее выполнять все эти тесты, ведь перед каждой сессией я могу просмотреть информацию об отряде. В четвертом поровну парней и девушек. Девушки: Фиар Сонн (основы управления Эной, боевое видение и электричество), Чаран Халла (видение места, врат) и Мори Эйс (видение места, боя, телепортация). Оба моих охранника — парни. Пар Аурон — очень высокий, под метр девяносто, владеет видением пути, врат и левитацией. Глейд Ферус с меня ростом, обладает телекинезом, скоростью и видением боя и символов. У обоих небольшие способности ко льду и огню, и в целом они приятные ребята.

Собственно, не было никого особенно отталкивающего. У Феруса время от времени появляется злой блеск в глазах: не мерзкий, но, готова поспорить, он может что-нибудь выкинуть, если миссия не записывается. Аурон кажется тихим и спокойным. Сонн серьезная, но немного нетерпеливая. Эйс интересная: она послала мне добродушную усмешку. Уверена, у нее отличное чувство юмора. Халлу я не поняла. У нее есть зуб на кого-то, но вроде не на меня. В общем, хотя с теплым и открытым первым отрядом они и рядом не стояли, в сравнении с остальными работать с четвертым было очень просто. Думаю, это оттого, что они все обращались со мной как с консультантом или типа того. Словно я понимаю, что происходит.

Нилс из второго отряда появился, когда мы все еще тестили «базовые таланты». Я до сих пор не понимаю, что там между ним и Зи. Или что сама думаю про Нилса, который

производит впечатление ходячего бога секса. Во время последнего испытания он все наклонялся ко мне и говорил всякие безобидности своим хрипловатым голосом — лишь бы заставить меня покраснеть. Хорошо, что Рууэл полагает, будто одной минуты достаточно для усвоения любого нового навыка, и вскоре он отослал Нилса на другую сторону, чтобы вызвать у четвертого отряда иллюзию соперничества.

Когда тебя таскает туда-сюда своим телекинезом Ферус, это совсем не то же самое, что с Кетзарен, и я бы, пожалуй, смутилась еще сильнее, если б не радовалась избавлению от внимания Нилса. Рууэл потратил больше времени и был гораздо строже насчет того, чтобы каждый привык работать со мной и запомнил очередность усиления в бою, но час спустя он все же решил, что мы готовы идти в Эну. К тому моменту меня это уже не волновало. Стало очевидно, что они такие же профессионалы, как и первый отряд, и что Рууэл не потрудился проверить меня на предмет неуместного влечения.

Выходили через Красный шлюз. При подготовке к вылазке в Эну нужно взять с собой немного еды и питья, маленькую аптечку и одну дыхательную маску на случай, если высадимся в воду. И еще в туалет сбегать. Не знаю, насколько плохо опорожниться в пространствах, но учитывая, что миссия записывается, все стараются избежать подобного, потому это часть ритуала «подготовки».

— Мы будем отмечать на карте врата из нового пространства «Высокий лес», — сказал Рууэл, как только все собрались. — Дополнительно посмотрим, позволит ли усиление Девлин определить перемещения Колонн или найти надежный путь к Хасате. Помните, это тест. Не выходите за рамки.

Это новое лесное пространство прекрасно. Правда. Стройные стволы, ветви, взмывающие ввысь, серебристые листья, шуршащие под ногами. Ионотов не было видно, хотя, вероятно, их перебили заранее. Отсюда наружу ведет куча врат, и, наверное, нам полагалось задокументировать их все, но Аурон, у которого самое сильное в четвертом отряде видение пути, сказал, мол, он вроде нашел кратчайший путь к Унаре, так что мы отправились через очень низкие врата по каменистой дороге, поднимающейся на холм (ох, мои бедные ноженьки!). Совсем как с первым отрядом: сначала через врата прошли Рууэл и Сонн, а остальные замерли в ожидании сигнала. Наконец Рууэл разрешил нам присоединиться. Там оказались какие-то существа, вроде огромных сказочных волков — варгов. Штук шесть, очень мощных, но им было далеко до нас по скорости. Четвертый отряд, видимо, предпочитает использовать тактику ближнего боя.

После того, как Аурон нашел следующий нужный ему переход, отряд остановился изучить холм и другие ведущие от него врата. А Сонн использовала управление Эной, дабы убедиться, что врата, через которые мы явились, и те, через которые собирались уйти, абсолютно надежны. Следующее пространство, куда мы попали, оказалось вершиной утеса посреди бушующего океана. Все мрачное и мокрое. Дождавшись отмашки, мы потащились через влажные кусты. Тут тоже были ионоты: туманные серые лошади, которые сразу же ускакали. И хотя четвертый отряд держался начеку, ребята, кажется, никого не собирались уничтожать.

А потом Аурон привел нас к очень необычным вратам. Такие же туманные и нереальные, как те лошади, и через них ничего не было видно — разве что блики, время от времени подсвечивающие очертания зданий.

— Фазовые, — сказал Аурон. — Мне еще никогда не удавалось такие найти.

И так многозначительно мне кивнул, что я покраснела больше, чем от всех Нилсовых

подначек.

Затем настал черед Сонн, и она уставилась на врата. Фазовые не из тех, что активны непрерывно; они открываются лишь ненадолго. Сонн какое-то время похмурилась на них, чуть не рухнув в процессе, но в конце концов осталась довольна собой, ясно разглядев околостранство Унары. Рууэл и Ферус прошли сквозь врата вместе, так как Сонн была явно измождена, и потом просигналили нам идти следом, прочь от этого ливня.

Оставив Сонн и Ауруна охранять меня, остальные отправились искать по округе ионотов. Я стояла мокрая после дождя и пыталась представить людей, которые жили в этой квартире раньше.

Когда мы вновь собрались вместе, Рууэл в очередной раз проверил статус врат и объявил:

— Возвращаемся. Хороший результат.

Клянусь, он говорит так, будто ему каждое слово доллара стоит. Но даже эта скупая похвала сыграла свою роль, заставив весь его отряд и меня чуть расправить плечи.

Что ж, по крайней мере, с такой компетентностью и собранностью четвертого отряда у меня не было времени переживать и беспокоиться о чувствах. Конечно, Рууэл потом послал меня к медикам, но больше не сделал ничего такого, за что его можно возненавидеть или, наоборот, полюбить без памяти, и я просто сконцентрировалась на деле. Хотя мне правда понравилось, когда он нас похвалил.

Планируя вылазку

Сегодня, пока я плавала, истен Нотра подключила меня к общему каналу.

«Просто слушай», — велело текстовое сообщение, что я и сделала, продолжая неспешно курсировать по бассейну.

На канале собралось около двадцати человек, большинство из которых я не знала даже по имени. Но также там оказались Мейз, Рууэл, Таарел и Селки.

Когда я подключилась, кто-то как раз говорил, но внезапно остановился и протестующе начал:

— Нотра...

— Поскольку содействие нашей юной помощницы является ключевым пунктом в этом деле, лучше всего держать ее в курсе событий, разве ты не согласна, Минера? — сказала Нотра с ноткой веселья в голосе. — Продолжишь, или нам следует перейти к вопросу о количестве?

— Сентиментальность плохо сочетается с вопросами выживания, Нотра, — буркнула эта самая Минера, но потом все же заткнулась.

— Здесь сработает только большая сила, — вмешался кто-то еще. — Когда под удар попадали маленькие отряды, их полностью уничтожали. В командах покрупнее почти всегда хоть кто-то выживал.

Беседа длилась лет сто, и сейчас я слишком устала, чтобы записать хотя бы десятую ее часть. Они планировали экспедицию на Муину, дабы изучить создание эфира, и пытались проработать способ, чтобы при этом никто (особенно я) не погиб. Ведь кроме прочего ученые хотели узнать, почему эфир/Муина/что-бы-там-ни-было меня «любит». Наконец они сошлись на четырех отрядах — ставя на кон оба разведывательных, из-за чего вспыхнул очередной спор — с небольшой группкой зеленых костюмов. По комментариям Селки я поняла, что скорее сетари погибнут, защищая зеленых, чем наоборот.

После моего рассказа про эфир они быстренько послали серых и зеленых установить новых дронов в моем городе, очень тщательно соблюдая нормы времени, чтобы сохранить всем жизнь, и сегодня получили уйму интересных записей и материалов. Теперь, поскольку сетари уже почти стабилизировали ситуацию с пространствами по соседству с Тарой, КОТИС планирует первую за много лет расширенную экспедицию на Муину, с дневной экскурсией через три дня, и потом еще одну — за два дня до следующего полнолуния. Они также проверили сканы своих спутников на предмет наличия других поселений с такими же кольцами на крышах, и уже одно нашли.

Когда они закончили, истен Нотра спросила меня по отдельному каналу, почему я не дала ей никаких комментариев по отчетам. Я объяснила, что не нашла там ничего, о чем бы следовало рассказать, и она велела все равно не забывать об этой просьбе и не стесняться делать замечания в ходе предстоящей экспедиции.

Затем я болтала с Мэйзом, но не спросила его напрямую о том, что они обсуждали до моего подключения к каналу. Судя по поведению истен Нотры, собравшиеся спорили о моей незаменимости, и видимо, мои маленькие клоны в банках пока еще нигде не выращивают. Она подчеркнуто назвала меня помощницей. Как же здорово, что истен Нотра, кажется, решила меня защищать.

Или, может, она просто понимает, что я попыталась бы сбежать, если бы узнала о клонировании. Обезопасить Муину гораздо важнее, чем усилить таланты кучки сетари, и несмотря на готовность помочь, я одна... А попытки меня копировать или вывести маленькие усиливающие инструменты стали бы огромным ударом по моей психике.

Звучит нелепо и странно, знаю, но с таким смириться точно бы не смогла.

Дождливые мысли

Погода снаружи наконец достаточно успокоилась, чтобы выйти на крышу после очередного утра с отключкой после эфира. Климат на Таре определенно не фонтан. Неудивительно, что прибывшие сюда муинцы так страдали: непрерывные штормы сделали проживание на поверхности почти невозможным. Когда я вышла, было все еще ветрено и периодически брызгал дождь, но не настолько страшно, чтобы помешать мне наслаждаться свежим воздухом.

Вчера я целый день смогла не думать о Рууэле, но ночью он мне приснился, и дождь напомнил об этом сне, в котором промелькнул один момент из похода с четвертым отрядом. Так просто открыть журнал и вновь бросить тот короткий взгляд на Рууэла: пока Сонн трудилась над фазовыми вратами, он стоял в профиль ко мне, уставившись в серость — на одну из лошадей-ионотов. Капли дождя стекают по лицу, руки опущены. Дьявольски красив.

Такая пылкая привязанность начинает граничить с девчачьей одержимостью.

Действительно интересно сравнить, как я писала о Рууэле сначала и как пишу теперь. Я не упоминала его внешность, разве что походя, но это не значит, будто я ничего не заметила. Ну, может, на Муине было не до того из-за плохого освещения. Да и вообще я тогда обалдела, что в принципе встретила людей. Увидев их с Таарел вместе, я подумала, что они оба очень симпатичные, но больше задержалась на ней. Рууэл определенно с тех пор не похорошел. Так в чем дело? В том, что с каждой встречей он нравится мне все больше и больше, или же просто раньше я не уделяла ему достаточно внимания?

Самая отличительная его черта — глаза, темные, с поволокой. Лицо овальное. Четко очерченная, не очень тяжелая челюсть. Изогнутые брови, даже лучше, чем у меня (какая несправедливость). Стрижется Рууэл коротко, по форме черепа. Сложен как пловец: худощавый, не чересчур мускулистый, широкоплечий. Думаю, больше всего мне нравятся его руки. Прошлой ночью он снился мне уже второй раз, и я опять видела эти руки — как он аккуратно старается не касаться предметов, как четко и экономно двигается.

Кажется, теперь я начинаю понимать, почему запала на того, кто вроде как не в моем вкусе и толком со мной не разговаривает. Не потому, что он такой красивый и опасный, хотя, пожалуй, это тоже. Не потому, что он держался профессионально во время тестов или пересек тринадцать пространств, чтобы меня спасти. Думаю, все из-за того, как Рууэл тогда себя повел. Не обращался со мной как с тупицей, просто спокойно рассказал, что произойдет, если прорвать дыру в реальное пространство Земли, и позволил мне самой сделать выбор. Не торопил, давая время попрощаться. Сомневаюсь, что он такой уж предупредительный или сильно переживал о «психологических аспектах», но я это оценила.

Вдоволь налюбовавшись Рууэлом-под-дождем, я решила глянуть его отчет с той вылазки. Я люблю просматривать журналы наших миссий, хотя стараюсь не злоупотреблять. Мне до сих пор неловко залезать в чужие записи, а ведь для всех здесь это нормальное явление. Преодолев серьезный внутренний конфликт, я все же открыла журнал Рууэла, дошла до любимой сцены и посмотрела его глазами на лошадей-ионотов. Льющиеся потоки невидимого света переплетались и развевались, точно невидимые гривы. Ох уж эти видения. Потом отмотала назад и поняла, что он начал запись буквально перед моим приходом. Я досмотрела до появления Нилса и бросила на том моменте, где Рууэл глянул в мою сторону.

Нилс что-то говорил, наклонившись, и мне явно было неловко. Сидела там смущенная, изумленная, покрасневшая.

И выглядела очень по-человечески. Не так уж и плохо, наверное, но... смертно. Вот пишу и расстраиваюсь. Эти люди не боги. Герои — пожалуй. Придурки — некоторые. Солдаты. Убийцы. Специалисты.

А я очень полезная бродяга. И помню, что Рууэл так же был готов назвать меня «бродягой», как те идиоты из пятого и седьмого отрядов. Я даже не использую его имя в записях, которые веду на лишь мне понятном языке, потому что Рууэл не давал мне разрешения так к нему обращаться. И с первым отрядом — господи, Мэйз был на собрании, когда они обсуждали, как меня размножить! Рууэл тоже. Даже если я наконец выучу этот язык достаточно, чтобы перестать говорить странно, и они лучше поймут, что я за человек, то все равно продолжат относиться ко мне как к «полезной бродяге», работа у них такая. На этой планете я навсегда останусь скорее инструментом, чем личностью.

Впрочем, мысли о побеге лучше отбросить, пока меня не высадят на Муину, а там видно будет. С моей стороны просто нечестно слинять раньше. Но скоро папин день рождения. Потом Пасха. День матери. Меня нет уже почти четыре месяца. Думаю, вчерашнее собрание расстроило меня больше, чем казалось.

Сегодня не делала ничего, просидела весь день на крыше. А эта запись в дневнике выглядит так, словно у меня биполярное расстройство.

Не знаю. Наверное, стоит позаниматься, потому что думать я устала. Какая жалость, что первый отряд сейчас занят. Скучаю по нашим с Марой тренировкам. Мне нужна упорядоченность.

Ночная гостья

Я проснулась посреди «ночи», потому что на груди опять что-то урчало. Как здорово! Даже если Тень интересуется мной по той же причине, что и тарианцы (похоже, ее я тоже усиливаю), мне все равно. Она не возражала, что я говорю с ней по-английски. И можно было не переживать, что она здесь лишь по поручению и запишет все это в отчет. Тень вела себя в точности, как любая другая кошка: выпускала когти при опасности, играла с кусочками бумаги. Через какое-то время ей стало скучно, и она ушла, но еще вернется, я уверена.

Тень сделала остаток дня сносным. Бесконечные часы тестов и сканирований и вдобавок худший медицинский осмотр. Наполовину раздетая, я пыталась не заплакать, пока очередная кучка серых костюмов брала образцы костного мозга и спинномозговой жидкости. Может, меня и не клонировали, но недостатка в генетическом материале у них точно нет. Серые все еще пытаются понять, что заставляет мой интерфейс расти, и ищут различия между мной и тарианцами. Весьма скоро у них будет моя полная генетическая карта, но они так до сих пор не выяснили, почему я нравлюсь Муине.

Время между стонами я провожу, читая дебаты о клонировании на Таре. Большинство реально против, потому что клоны живут меньше и часто болеют. А еще у них наблюдается существенный упадок интеллекта. Потратив день на исследование местных законов и моральных норм, я все еще не решила, что они могут сделать, если ситуация ухудшится. У тарианцев нет никаких верований в бога-создателя, и они разрываются между глубоким почтением к планете и чисто научной теорией эволюции. Так что у них нет ничего подобного десяти заповедям, которые вроде как ниспослал господь. Законы или основаны на идее, что вы должны быть признательны планете за разрешение на ней жить, или на полностью клинической теории этики в действующем социуме. Довольно забавно, большинство законов очень похожи на земные, хотя здесь очень сильный упор на личную ответственность. Этаким социальный контракт. Живи и дай жить другим.

И сейчас я, похоже, полностью в этой системе. Рука и спина болят, не переставая.

Понедельник, 17 марта

Слишком много эфира

Тесты с эфиром утром и после обеда, так что весь день потерял, а я вообще не чувствую усталости. Круто, учитывая, что завтра мне вроде как на Муину. Хочу сделать сто пятьсот заплывов в бассейне, может, хоть после этого засну.

Гадские серые костюмы.

Громко

По расписанию мы выдвигались на Муину не раньше (моего) полудня. Я сомневалась, что смогу хоть ненадолго прилечь до отправления, но внезапно заснула перед тем, как обычно завтракаю. Поставила будильник за полчаса до времени общего сбора, однако где-то за час Зи прислала мне «приоритетный» запрос на открытие канала. Вообще-то, интерфейс сообщает, что абонент спит, поэтому когда посылаешь такой запрос, то осознанно будишь собеседника. Я совершенно не помню наш разговор, но просмотрела его позже в своем журнале — надо ж узнать, насколько сильно облажалась.

— М-м-м? — ответила я на вызов.

После длинной паузы Зи спросила:

— Касзандра? Ты заболела?

— Устала. Ваши медики настоящие садисты. — Так как произнесла я это на английском, она ничего не поняла, и я любезно добавила на их языке: — Чересчур много дурацкого эфира.

Какая жалость, что до сих пор не знаю подходящих ругательств на тарианском.

Последовала еще более длинная пауза, которая дала мне возможность опять провалиться в сон. Когда Зи наконец уточнила, не надо ли мне к врачу, я не ответила, и ей пришлось повторить вопрос.

— Никаких больше гадских тестов, — проворчала я по-английски, но потом кое-как проснулась и сумела выдать на тарианском: — Прости, устала. Вылет перенесли или что?

— Нет, мы просто собирались отправить тебя на корабль заранее, но это может подождать. Я пришлю к тебе кого-нибудь с завтраком за четверть кассе до отлета. Досыпай.

Я буркнула что-то вроде «марплмарпл» — понятия не имею, что хотела этим сказать. Когда сработал будильник, лучше мне не стало, но я поплелась в душ и врубил ледяную воду. А когда пыталась сделать что-нибудь с волосами, явились Лон и Мара, принесли суп, твердый черный хлеб и горячий сладкий молочный напиток.

— Милые круги, — сказал Лон, похлопывая меня по щеке. — У нас куча времени, чтобы добраться до ангара, так что не суетись.

— Сколько лететь до Муины?

— Около кассе, если учитывать всю предполетную возню и собственно путь до врат и глубокого пространства, ну а потом уйдет еще где-то кассе от врат до твоего городка. Мейз планировал использовать это время для инструктажа, но, подозреваю, ты скорее спать будешь, чем его слушать. Он пришлет тебе план. — Лон ухмыльнулся, растянувшись на одном из моих диванов. — Хотел бы я услышать, что он выговаривает исследователям.

— С тобой работали три разные группы, две специально по эффекту эфира, — объяснила Мара. — Между ними получилось что-то вроде соревнования. И поскольку экспедиция на Муину считается опасной, они поняли, что следует вытянуть максимум на случай, если больше не представится шанса.

Тут я смутно вспомнила, как ворчала на Зи, и спросила, судорожно пересматривая запись:

— Первый отряд быть раньше на Муине?

— Только один раз. У сетари, конечно, гораздо больше шансов на выживание, чем у

любой другой экспедиции, но мы все же слишком ценные, чтобы рисковать нами понапрасну. Узнать о присутствии эфира — серьезный шаг к пониманию по крайней мере некоторых наших потерь. — Мара покачала головой. — Впрочем, это все равно авантюра, и раз уж половина миссии состоит в том, чтобы осмыслить реакцию планеты на тебя, было бы здорово, если б тебя не довели до полубморочного состояния. В дальнейшем им придется пересмотреть свои методы.

— Не знаю, почему устала, — вздохнула я. — Проспала вчера весь день, сейчас должна быть в порядке.

Но все казалось таким тяжелым и стоило стольких усилий (включая попытки говорить на чужом языке), что я сконцентрировалась на еде, а потом вновь начала распутывать волосы. Лон беззаботно трещал, но теперь я понимаю, что он тщательно за мной следил.

Мы явились на место гораздо раньше назначенного, наверное, минут за двадцать, но я не удивилась, увидев кучу людей у корабля, если уже не на борту. Часть третьего, четвертого и седьмого отрядов в кои-то веки стояли вместе, а не порознь маленькими группками. Корабль снарядили или тот же, или очень похожий на тот, который я впервые увидела на Муине. Возле трапа суежилась горстка зеленых костюмов.

Едва завидев меня, Эли из третьего радостно подскочила, полная энтузиазма от предстоящей экспедиции. Мне было сложно разделить ее чувства. Поток комментариев и вопросов лился на меня, как серый шум, и только когда она сделала паузу, а Мара сказала «Я бы тоже хотела послушать», у меня появился шанс вставить слово. Эли жутко понравилось озвученная мною в Колонне фраза, и она хотела услышать стихотворение целиком.

— Может, после миссии? — предложила я. — Попробую перевести.

Правда, Эли жаждала услышать оригинал и «прочувствовать» все своим видением символов, но удовлетворилась моим обещанием зачитать стихотворение на обратном пути. С учетом того, что я едва помнила собственное имя, цитирование многострофного произведения на любом языке исключалось в принципе. Лон и Мара спасли меня от ее энтузиазма, сопроводив на корабль под названием «Литара», и тут же отдали на растерзание исте Треммар.

Я не имею ничего против исты Треммар. Она довольно строгая, но в меру, и не из тех, кто ставил на мне эксперименты. По крайней мере, в последнее время. Она провела быстрый поверхностный осмотр и задала множество вопросов о том, как и когда я спала, что ела и делала, были ли у меня сновидения после тестов с эфиром, и не чувствовала ли я себя странно или на взводе в дни без тестов.

Когда пришел Мейз, я как раз говорила «Может, немного» и «Нет, не думаю, что прирастилась к эфиру».

— Хотя, похоже, шансов тебе дали предостаточно, — заметил он. — Каков ваш вердикт, иста?

— Сильное переутомление и, возможно, умеренная анемия, но ничего больше. Судя по данным Харла и Луара, эфир действует как стимулятор. — Иста Треммар повернулась ко мне: — Когда ты теряешь сознание, монитор активности мозга не показывает никаких сигналов, характерных для сна. Скорее, похоже на паралич, и хотя я не видела никаких записей об исследовании энергетических затрат, могу предположить, что это нечто большее, чем просто состояние «отдыха». Раньше эфир успевал выветриться, и ты спала хорошо. Вчера случилась передозировка стимулятора вдобавок к нескольким дням умеренного воздействия. Пусть твой организм, вероятно, и не страдает от эфира, перед сном все же

должен от него очиститься, отсюда и твое нынешнее состояние. — Она снова переключилась на Мейза: — Не вижу никаких причин отменять операцию. Пусть отдохнет, затем я еще раз ее проверю, но считаю, что Девлин вполне пригодна для миссии.

— Все по графику, — кивнул Мейз, а когда иста Треммар ушла, долго смотрел на меня и наконец сказал: — Больше такого не случится, но все же прошу, сообщай кому-нибудь из нас, если на тебя будут так беспричинно давить. — Не дав мне возможности ответить, он развернулся и жестом велел идти следом. — Единственное, прежде чем мы начнем, хочу уточнить: то есть, ты видела вход под центральным амфитеатром, но не отважилась туда пройти?

— Слишком темно. — Я поежилась.

— Ты не испытывала ощущения опасности, особенно от амфитеатра?

— Амфитеатр — это где живут все кошки, — напомнила я, задержавшись на входе в комнату с рядами капсул, которые помнила еще с прошлого полета. Первый и третий отряды полусидели вдоль прохода в капсулах с поднятыми крышками. — Супердикие, недружелюбные кошки. Не собираюсь их гладить.

— Я знаю. — Мейз послал мне одну из своих божественных улыбок. — Ты не повторишь ошибку. А теперь отдохни.

Только два места остались пустыми, в углу слева от нас. Я заняла верхнее, улыбнувшись сидевшей напротив Зи, и заерзала, когда капсула начала меня обволакивать. Я слишком устала, чтобы еще о чем-то волноваться, даже о том, что Таарел смотрела на меня из противоположного угла. Мейз опустил крышку моей капсулы, и я тут же отключилась.

Зи разбудила меня очередным срочным запросом.

«Ну как, отошла?»

«Может, наполовину».

Я попыталась сесть и чуть не разбила голову о крышку капсулы, а затем выпрямилась, когда Зи меня освободила.

— Опять к медикам. Знаю, тебе не терпится с ними встретиться.

— О, теперь у нас Зи юморист.

Хотя, я действительно чувствовала себя лучше. По-прежнему сонная, но хотя бы без ощущения, будто мне мозг высосали. Иста Треммар, осмотрев меня, прописала соблюдать высококалорийную протеиновую диету и показала дорогу к ближайшей ванной. Умывание помогло, и Зи одобрительно кивнула, когда я вышла.

— Теперь нужно поесть. Мы приземлимся где-то через двенадцать дждоен. Для начала ознакомься с планом Мейза и дай знать, если появятся вопросы.

В касе сто дждоен, так что, получается, это чуть больше двадцати минут. Я только кивнула. Стало спокойнее. На самом деле очень хотелось проспать день или два, но нужно было разобраться со всем, что от меня требовалось, хотя требовалось-то не сильно много. Я прочитала сообщения Мейза и утреннее от Зи, с предложением провести экскурсию по кораблю. Он и правда большой, с кучей маленьких «отсеков», которые нужны при переходах через врата. И достаточно вместительный — хватает для приличного экипажа серых и зеленых костюмов. Здесь есть и медблок, и кухня, и столовая, а еще лаборатории и общие помещения.

План миссии оказался довольно простым. Все четыре отряда отправляются вдоль берега в мой город, делятся на две группы и проводят первоначальную разведку и проверку дронов. Я тусуюсь с первым и третьим отрядами, отвечая по ходу на любые их вопросы, а они

пускают все свои паранормальные способности на отслеживание любой необычной активности вокруг меня. Их очень интересовал амфитеатр, но также и пугал — из-за эфира, так что поход туда отложили на потом. Вроде как позже мы осторожно сунем туда нос и посмотрим, не откусят ли его.

В итоге план сводился к «поискать чего-нибудь интересное и постараться не погибнуть».

Четыре отряда — это множество народу на канале миссии. Плюс еще двое не-сетари по имени Кенсан и Теара, оставшиеся на «Литаре». Ну и я. Зеленые доставили нас на берег на парящих санях, а потом вернулись на корабль, и шагая за Кетзарен по камням, я смутно удивлялась, почему никто из них не присоединился к нам, чтобы помочь.

Это было то самое место, где меня когда-то подобрали. Казалось, прошла целая вечность, и так как рядом стояла Сонн, я поймала ее взгляд и сказала:

— Круг замкнулся.

Думаю, она меня поняла, но не ответила и не сменила серьезного выражения лица.

Ферус, однако, был совсем другого сорта.

— Что ж ты тут, интересно, готовила? — спросил он, указывая на едва заметные остатки моего очага и три тяжелые плоские чаши. — Я все гадал, как ты вообще могла столько съесть...

— Это для кипячения шерсти. — Я пожала плечами. — Чистишь, делаешь одеяло.

Если вдуматься, пожалуй, за все время на Муине я ни разу не готовила — в обычном значении этого слова. У меня так и не получилось поймать рыбу или найти хоть одно яйцо. Касс-первопроходец еле-еле сдала бы экзамен по выживанию.

Сейчас здесь стало холоднее, чем тогда. Ощущая порывы по-осеннему пронизывающего ветра, я от души порадовалась, что меня спасли. Если тут случается настоящая европейская зима, мне не только понадобится бы гораздо больше шерсти, но и пришлось бы столкнуться с серьезной перспективой голода.

Я пишу это, еще ни разу не упомянув Рууэла, в основном потому, что толком его не видела. Однако он стоял неподалеку и как раз в этот момент сказал:

— Угрозы нет.

Вот интересно, он нарочно на каждом шагу принимает такие драматические позы? Как на него ни посмотрю, Рууэл всегда очень фотогеничен. Хотя, пожалуй, всматриваться вдаль — часть его работы.

— Берем на себя левую половину, — сообщил Мейз. — Будьте на связи.

Я была счастлива, что команды разделили именно таким образом. Не потому, что постоянно боролась с желанием попялиться на Рууэла — с этим я уже более-менее справилась, — просто к этой Форел из седьмого у меня никакого доверия, учитывая, как она изводит Зен. Сейчас Форел походила на кошку даже сильнее обычного, и пусть вела себя очень аккуратно, я все же порадовалась, что остаюсь с первым и третьим отрядами.

А еще наблюдать за Эли было очень забавно. Она так радовалась своему первому полету на Муину, что едва не подпрыгивала. Время от времени что-то бормотала, но в основном смотрела вокруг во все глаза. Наконец Таарел тронула ее за плечо, чуть улыбнулась, и Эли немного успокоилась. Мы ходили по городу, который выглядел обычным заброшенным поселением. Сефен (у него самое сильное видение места) смог уловить лишь слабый отпечаток, оставшийся после эфира.

Я убивала время, предаваясь воспоминаниям, работая над переводом стихотворения и

гада, не злился ли на себя Рууэл из-за того, что не заметил ничего значимого, когда они тут гонялись за ддорой.

Мейзовское «будьте на связи», вероятно, значило, что мы должны много общаться в процессе исследований, но я слышала только отрывистые фразы Форел, Аурана и Халлы из другой группы. Наконец Мейз велел всем возвращаться на берег, чтобы собрать новых дронов, которых они там оставляли, и выдвигаться к амфитеатру.

Дрон, привезенный зелеными костюмами перед последним лунным дождем, взорвался. Они этого ожидали, раз уж он не передал данные, но все равно после долгих наблюдений решили поместить другого сюда же. Я же следила за котами, которые отступили к дальнему концу амфитеатра и раздраженно на нас зыркали.

Пока третий отряд ковырялся с остатками дрона, четвертый и седьмой повели меня вниз, чтобы проверить супербольшое центральное кольцо. Даже после усиления никто из них не засек ничего, кроме остаточного следа эфира. Затем меня поставили в центр. Все равно бесполезно.

— Нам стоит зачистить место от животных? — спросил Тсеннен.

Я успела лишь подумать, что он фанатичный идиот, как Сонн отрезала:

— Угрозы нет.

Только благодаря своему журналу, я потом разглядела, как Форел подвинулась, желая увидеть мою реакцию. Они проверяли, смогут ли вывести меня из себя из-за Тени. Рууэл повернул голову в сторону Форел, но больше никак не отреагировал. На ее месте я бы не выделяла подобных фокусов перед ребятами с даром видения. Особенно, учитывая, как отчаянно она старалась выпендриться перед этим конкретным парнем.

Наши четыре капитана отрядов на задании — это просто какая-то мыльная опера. Форел пытается впечатлить Рууэла. Он ведет себя непонятно, но вроде проводит кучу времени с Таарел. Я пытаюсь делать вид, что меня это не касается. Таарел (по крайней мере, если судить по ее поведению во время нашего отдыха в городе), кажется, страдает по Мейзу. А Мейза романтика отныне не интересуется.

Сейчас, не заметив ничего интересного, я просто забила на всякие глупости и вернулась к переводу стихотворения. И продолжила бродить по своему городку в сопровождении двадцати четырех космических ниндзя-экстрасенсов, которые надеялись на какое-нибудь внезапное происшествие куда больше, чем я. Не могу сказать, что очень на это рассчитывала, ведь некогда прожила здесь месяц, да и сетари все проверили. Если что и произойдет, то совершенно случайно.

Я ни капли не удивилась, когда мы вошли под амфитеатр и не обнаружили там никаких монстров — лишь короткий белый коридор, ведущий к пустой круглой комнате с круглой же высокой платформой в центре.

Я как раз раздумывала над менее чем забавной перспективой вернуться сюда снова, но только предварительно накачавшись эфиром, когда Сефен из третьего глянул на Рууэла и сказал:

— Я даже близко не понимаю, что это такое.

— Похоже на врата, — заметила Таарел, — но...

— Нет, это не врата. — Рууэл подошел ко мне слева и, коснувшись моей руки, нахмурился. — Гораздо сложнее. Я ощущаю здесь Эну.

Мейз, перетаскивавший телекинезом одного из новых дронов, опустил его на землю у противоположной стены.

— В конце концов, мы ожидали найти источник эфира. — Проверив настройки робота, он запустил его и убедился, что «Литара» получает данные. — Если это какое-то устройство, то для чего оно, по-вашему?

Народ зашевелился; все, кто обладал даром видения места и символов, усилились и принялись осматривать платформу с разных углов. Мейз запустил сканирование дроном. Я же видела перед собой обычную платформу: там даже ступеньки с одной стороны были.

— Для связи, — наконец вынес вердикт Рууэл, и несколько человек нерешительно кивнули.

— Здесь есть следы эфира, — прокомментировал Мейз, а потом через интерфейс спросил: — Какие будут приказы?

— Снимите первичные показания, — отозвался старший синий костюм, Теара, — но не больше, пока мы не вернемся. Анализ сканов, полученных в промежутке, вероятно, поможет понять, что делать дальше.

На два разведывательных отряда имелось четверо людей с талантом видения места.

— Давай сам, Сефен, — сказала Таарел. — Мы до сих пор до конца не уверены, есть ли какое-то искажение при использовании усиленного видения.

Сефен кивнул, а остальные трое — Рууэл, Халла и Мет — убрали перчатки в рукава формы. Сетари с подобными способностями часто работают с закрытыми ладонями, потому что прикосновение к объекту может дать им более глубокий контакт, вроде того, как когда Рууэл держал мой дневник. Я уже просмотрела достаточно серий «Скрытой войны», чтобы знать: сетари с видением места испытывают трудности с получаемой информацией и избегают случайных прикосновений к людям и предметам. Актер на экране всегда был напряжен, чувствителен и замкнут.

Мет, низкорослая мускулистая девушка из третьего отряда, рискнула первой и тут же отдернула руку.

— Эффект эфира, — пояснила она, хмурясь.

Халла и Рууэл тоже попробовали, но быстро закончили. Было видно, что им больно даже легонько касаться поверхности камня.

— Попробуй нейтрализовать отрицательные эффекты с помощью Девлин, — предложила Таарел, и вдруг и она, и все остальные с боевым видением насторожились. — Угроза!

Большинство сетари отступило от платформы, вырастив из своих костюмов наножижные клинки. Я тоже отошла, отметив, что Кетзарен и Алей привычно прикрыли меня с боков, а потом закрыла уши от внезапно раздавшегося шума. Рев кита — ничто по сравнению с этим.

— Приближается быстро, — сказал Мейз, к счастью, во время паузы между звуками. — Серьезная угроза. Выводите отсюда Девлин.

Кетзарен повернулась, но Рууэл оказался быстрее. Не тратя время на нежности, он просто схватил меня за запястье, поволок вперед и приложил мою ладонь к платформе.

Звук остался таким же громким, но изменилась частота, и все отреагировали так, будто едва разминулись с акулой. Рууэл что-то сказал, его глаза сузились и жутко почернели. Я хотела бы объяснить, мол, не слышу его из-за щоры, но даже пытаться не стала, так как поняла, что только меня словно на колокольню затащили.

«Это устройство связи, — прошло через интерфейс текстовое сообщение. — Вот и общайся!»

И тут ддора снова завела свое «Ххххххххххааааааааа!!! Ххххххххххаааааааааа!!! Ххххххххххаааааааааа!!!» так громко, что, клянусь, у меня чуть сосуды в голове не полопались. Рууэл, казалось, ничего не слышал, но держал руки на платформе и что-то говорил.

«Замолчи, замолчи, замолчи, замолчи!» — мысленно обращалась я к ддоре, опять и опять, и она немного притихла, но продолжала рокотать бесконечное «хххххххаааааааа!», словно эхо в горах. Рууэл просто счастливчик, что не слышал всего этого.

— Все прикоснулись к платформе, — сказала я вслух, не разобрав собственного голоса в шуме.

Сетари всегда беспрекословно подчиняются приказам — дисциплина. В журналах записано, как Мейз велел: «Выполнять», и все повиновались, несмотря на испытываемую боль.

«Это муинцы, — подумала я, обращаясь не то к ддоре, не то к платформе, не то к обеим сразу. — Они отсюда. Это их дом. Они все отсюда».

С ддорой случилась настоящая истерика — она действительно вела себя как бездомный пес, — и мне пришлось прибегнуть к мысленному визгу «ЗАТКНИСЬ!!!», от которого она испуганно затихла.

«Плохая ддора. Тихо. Тихо. Хорошая ддора. Да. Вот так. Тихо. Хорошая ддора. Ты ведь можешь защитить муинцев, правда? Хорошая ддора. Защищай муинцев».

Я остановилась и посмотрела на дрон у дальней стены комнаты:

«Эти дроны с Муины. Защищай дронов. Хорошая ддора. — Затем попыталась представить и «Литару», но в голове стучало, как в бочке, так что не знаю, получилось ли. — Это муинский корабль. Защищай корабли. Хорошая ддора».

Она опять начала свое «ххххххххаааааааааа», гораздо больше интересуясь сетари, что касались платформы, чем всем сказанным, так что я бросила свои попытки и потеряла виски.

— Тебе надо присесть? — Кетзарен взяла меня за руку.

— Надо заткнуть ддору. Слишком громко.

Казалось, по-прежнему только я одна все слышала. Как же нечестно. Многие сетари осторожно касались платформы и выглядели совершенно потрясенными. Эли плакала от переполнявшего ее счастья.

— Первый, ведите Девлин на корабль, — приказал Теара. — Третий, четвертый, седьмой, заканчивайте снимать показания и возвращайтесь.

Меня не нужно было просить дважды. Я шагнула к Кетзарен, и она потащила меня из комнаты. В амфитеатре оказалось, что все кошки исчезли. Первый отряд выстроился вокруг меня, хотя я все равно продолжала виснуть на Кетзарен. В обморок падать не собиралась, но голова гудела так невыносимо, что ни о какой концентрации речи не шло вообще. Я не слышала ничего, что мне говорили, ведь ддора продолжала греметь, лишь немного успокоившись. Зеленые костюмы нас ждали, и конечно, меня тут же поручили медикам, но сейчас мне было все равно, просто хотелось какого-нибудь болеутоляющего. Я отключилась от канала миссии, едва оказалась на санях, и мечтала только о темноте и тишине.

— Я открываю твой журнал, Касзандра, — сообщил Мейз, пока иста Треммар неумолимо прогоняла меня через сканирование, прежде чем дать лекарство.

Я наблюдала за Мейзом и подленько обрадовалась, когда он скривился.

— Громко, — сказала я.

Всю дорогу до озера у меня звенело в ушах, но, к счастью, теперь уже меньше. Мейз

кивнул и не ответил, продолжая смотреть запись, вероятно, с выключенным звуком, пока иста Треммар заканчивала свое сканирование. Наконец она согласилась накачать меня болеутоляющими под завязку, а еще посоветовала выпить побольше жидкости и лечь. Как раз то, что нужно. Мейз с отстраненным видом отвел меня в столовую, где ждали остальные ребята из первого отряда. Еда уже стояла на столе, хотя они едва к ней притронулись. Наверное, тоже слушали мой журнал, судя по болезненному выражению на лицах. Мои мысли не записывались — только вопли ддоры.

— Как по-твоему, что произошло? — спросил Мейз, пока я заливала в себя живительную холодную влагу.

— Похоже, ддора принять вас за ионоты, — предположила я, мечтая, чтобы болеутоляющие подействовали побыстрее. — Не поняла, что она говорит, но догадалась по тону. Вроде как большой домашний зверь, скучать по муинцам и убивать всех, кого не распознать. Я пыталась сказать, что Рууэл с Муины. Платформа что-то сделала, ддора поняла, Рууэл не ионот, и пришла в восторг. Стало еще громче. Это ддора заставлять корабли взрываться?

— В прошлом существовала такая версия, — кивнул Мейз. — Ддора определенно подбиралась к нам с целью убить. Когда ты коснулась платформы, она остановила атаку, но все еще была к нам враждебна. А потом — с точностью до наоборот. Видящие место почувствовали через платформу эмоции ддоры, когда она перестала действовать против них.

— Она знала, что я не с Муины, — размышляла я. — И стать гораздо дружелюбнее к сетари, когда не думать, что вы ионоты. Но это платформа изменила ее отношение.

— Рууэл сказал, это какой-то аналог системы безопасности. По какой-то причине устройство распознало тебя как свою и позволило идентифицировать нас.

— Теперь наш черед проходить тесты с эфиром, — заметил Лон.

Он обнимал Мару за плечи, и они впервые вели себя при всех как пара. Думаю, сегодняшнее событие всех воодушевило.

— Мой черед смеяться, когда Лон скажет глупости. — Я улыбнулась и потерла висок. — Я пыталась попросить ддору защитить дронов, корабли и прочее, но не думаю, что она слушала. Слишком радостная. Что дальше?

Мейз пожал плечом:

— Результаты миссии превзошли все ожидания. Итог очень хороший, мы рассчитывали на меньшее. Даже не знаю, поспособствует ли это скорейшей организации второй экспедиции или, наоборот, ее отсрочит.

— Что дальше, так это ты наконец сможешь отдохнуть. — Зи потрепала меня по руке. — Мы сделали большое дело, а в ближайшей перспективе у нас дорога домой длиной в два кассе. И потом еще как минимум день споров, тестов и анализа данных.

— И все же прогресс значимый, — сказал Лон. — Может, мы и не решили глобальную проблему, но освоение Муины постоянно срывалось из-за этой... системы безопасности.

— Ддора не объясняет всех смертей, — вставила Алей.

— Но большинство из них, — ответила Кетзарен. — Почти наверняка, если это из-за нее взрывались корабли. Даже гиганты незначительны по сравнению с этим, особенно когда КОТИС может использовать вооружение без риска для зданий. Могу предположить, что теперь вокруг твоего города попытаются создать серьезный плацдарм. И оттуда мы будем искать информацию о муинцах и способе постройки Колонн.

— Не понимаю кое-что про лантаров, — не удержалась я. — Как их система

безопасности исчезнуть? Они все это знали, создали ддору. Они вроде как более продвинутые, чем сетари. Но их убило. А вдруг построим здесь укрепление, а потом защита опять исчезнуть?

— Очень хорошее замечание. — Мейз играл со своей едой, и я была готова поспорить, что он думает о том же. — Я определенно не рекомендовал бы никаких спонтанных действий.

— Сетари могут бороться с ддорой?

— Ни в коем случае. — Зи посмотрела на Мейза и повторила: — Ни в коем случае.

— Мы впервые подобрались так близко к одной из них, чтобы оценить уровень того, с чем столкнулись, — продолжил Мейз. — Это гигант, созданный из чистой энергии, который, похоже, может атаковать реальное пространство из околопространства. Я очень рад, что нам не пришлось с ней сражаться. И вот на этой счастливой ноте иди-ка ты спать. И чтобы я тебя не видел, пока не перестанешь выглядеть так, будто по тебе потоптались.

Зи пошла со мной, подождала, пока я сбегая в туалет, а потом наблюдала, как я устраиваюсь в капсуле.

— Ты чем-то расстроена, — заметила она, положив руку на крышку. — И дело тут не только в головной боли.

— Не хотелось становиться еще более важной.

Если я единственная, кто может отключить систему безопасности, то черта с два меня когда-либо отпустят.

Зи неожиданно весело на меня посмотрела:

— Я так и подумала. Но представь, что бы случилось, не обладай ты такой возможностью. — Затем жестом велела мне лечь. — Можешь сделать оболочку непрозрачной, если свет мешает. А теперь спи.

Она права. Мы бы все там погибли. Зи определенно умеет душить зачатки жалости к себе прямо на корню.

Я разобралась, как затемнить капсулу, но, пока мы не взлетели, скорее дремала, чем спала, потому что ддора никак не затыкалась, хотя стала гораздо спокойнее. Было бы еще хуже, если бы погибли все, *кроме* меня. Не знаю, смогла бы я с таким справиться или нет. Впрочем, не уверена, что справлюсь с тем, что у меня получилось совершенно случайно. Каждый раз, когда пытаюсь осмыслить последствия встречи с «системой безопасности», мозг просто взрывается.

Похоже, я и сама не представляла, насколько хочу спать, потому что, когда Зи меня разбудила, мы уже приземлились на Таре. А потом была куча медицинских тестов и долгая попытка четко описать, что я сделала и о чем думала, касаясь платформы. Мои биоритмы совершенно сбились, но, полагаю, пока мне не поставят что-то в расписание, не имеет значения, в какое время просыпаться. За исключением медицинских тестов я все время сижу у себя в комнате, просто пишу и пытаюсь выкинуть из головы картинку, как все вокруг падают замертво, потому что я не догадалась коснуться платформы.

Перемены

Пришла Мара, чтобы рассказать мне о результатах тестов сетари, побывавших на Муине. Теперь эфир влиял на них так же, как на меня. Но только на эти четыре отряда. Он до сих пор атакует каждого, у кого нет «доступа».

— Как продвигается большое обсуждение?

— Оживленно. Вряд ли они перенесут сроки следующей миссии, но есть большая вероятность, что изменится число участников. Все, конечно, советуют не спешить, но каждый свято верит, что его-то точно включат. — Мара скривилась. — И это только в КОТИС. Долго утаивать такое от публики невозможно, и тогда на нас обрушится множество групп, каждая со своим интересом, и СМИ. Муина — крайне щепетильный вопрос.

— Не могу представить тарианцев, живущих на Муине. Вы же никогда не ходите наружу.

— Время перемен. — Она в шутку меня пихнула. — Хотя согласна, некоторых из тех, кто так рвется в следующую экспедицию, ждут серьезные затруднения. У сетари есть преимущество — нас учат адаптироваться к разным условиям, а вот другие члены КОТИС и близко к такому не готовы.

— Похоже, лед тронулся. Будет интересно.

Она не поняла, что я имею в виду, и мы немного поболтали про зиму и осень (на Таре бывает только два времени года: шторм и сильный шторм), а потом обсудили потенциальное давление на сетари, ведь придется работать на двух разных планетах. Все вчерашние отряды завтра на маршрутах, а на следующий день запланировано начало расширенной миссии. Мара предупредила, что пока точно посылают третий и/или четвертый отряды, но хотели подключить и других для поддержки.

— Можешь смело рассчитывать на Таарел и Рууэла. Если тебя что-то беспокоит или почувствуешь себя некомфортно, перебори в себе это желание смолчать. Возражай, если не хочешь чего-то делать.

В этот момент я заметила за ее спиной Тень и понадеялась, что Мара не обернется. Интересно, как она расценила выражение моего лица?

— Буду возражать, если решу, что это что-то изменит, — ответила я.

Ну резонно же. К примеру, я не хочу, чтобы мне в спину опять втыкали иглы, но протесты лишь растянут время процедуры, пока кто-нибудь не придет и не объяснит мне, мол, это все крайне важно.

— Ты бы жила на Муине, если б могла?

Мара задумалась и наконец пожала плечами:

— Мне очень трудно такое представить. Но здорово знать, что когда-нибудь мы сможем.

Интерлюдия

Бумажные тетради в этом мире редкость, но все-таки существуют. Сегодня наконец выяснила, где можно купить новый дневник. Ошеломляюще дорогой, и доставят его уже после того, как я отправлюсь на Муину, но, думаю, пока мне хватит нынешнего. Его я завтра беру с собой, потому что мы собираемся надолго. Я даже упаковала свой старый школьный рюкзак — смех, да и только!

Отряды уже известны: второй, третий, четвертый и восьмой. Ни одного нового, ни одного из тех, с кем мне не слишком комфортно. И все же жаль, что первый не с нами. Поболтать будет не с кем.

Результаты этой вылазки для меня крайне важны. Мне правда необходимо, чтобы кто-то еще мог давать «допуск» на планету.

Поэзия, смерть

У меня получилось отдохнуть и вовремя явиться на корабль. По плану это задание на три дня, а сейчас мы вот-вот пройдем через большие врата в глубокое пространство. Мучиться сомнениями мне не дали: стоило ступить на борт, как в меня вцепилась Эли. Даже устроила экскурсию по «Литаре», хотя я уже видела все, кроме рубки пилотов, лабораторий и «комнат отдыха», точнее, залов для собраний.

Мы вернулись к креслам заранее, но большая часть второго и третьего отрядов уже сидели на местах и ждали. Время взлета, посадки и перехода в глубокое пространство приходится проводить в капсулах.

— Можешь сейчас рассказать все стихотворение? — спросила Эли, едва я улеглась боком.

Лучше бы подождала, пока мы останемся одни, но ладно, по крайней мере, там было всего два отряда.

— Пожалуй. Сочинен человеком по имени Дилан Томас. Написал его для своего умирающего отца. У меня для него совсем неправильный голос, — жутко смущаясь, добавила я.

Но потом постаралась прочитать с выражением. Эти стихи я помню только потому, что почти все остальные, которые приходилось учить по литературе, терпеть не могла. И точно не отношусь к тем, кто в любой момент готов что-то декламировать.

Читая, я не отводила глаз от Эли, и все равно под конец лицо у меня пылало.

— Это хотелось? — спросила и почувствовала себя еще хуже, когда оглянулась и увидела, что из проема дальней двери на меня смотрят все капитаны отрядов.

Как и все, кто был в зале с самого начала.

Эли казалась зачарованной:

— Ты звучала совершенно иначе! Будто другой человек!

— Наконец-то могу говорить на родном языке, — ответила я с досадой.

— Но что оно означает? — спросил Нилс из второго отряда, сидевший в капсуле напротив. — Ты же из него что-то говорила в Колонне, правильно?

— Да. Прощу прощения, перевод очень плохой.

И я прочитала им, что напереводила, мысленно желая, чтобы капитаны наконец ушли. Если это все попадет в журнал миссии, я расстроюсь ужасно.

— О, я вполне правильно поняла! — радостно заявила Эли. И с сияющим видом посмотрела на Таарел (как ребенок, сдавший трудный экзамен), а потом снова на меня. — Спасибо, что рассказала все. Оно такое грустное и в то же время такое прекрасное, правда?

Я только неловко улыбнулась, и обрадовалась, что прозвучал приказ готовиться к взлету. И вот записала все это за время предполетных проверок, собственно взлета и дороги до межпланетных врат, через которые в первый раз за четыре поездки у меня есть шанс пройти в полном сознании.

Сегодняшнее задание

Врата оказались скучными. Из реального пространства их толком не видно, а едва переходишь в глубокое, все просто белеет.

До выхода к Муине мы долетели минут за двадцать пять, и как только вышли, Гриф — Гриф Реган, капитан второго отряда — начал инструктаж по первой части задания. Никаких сюрпризов: мы возвращаемся в мое поселение, и сетари берут меня с собой, чтобы посетить коммуникационную платформу. Они хотят понять, может ли кто-нибудь, кроме меня, объявлять людей «своими» (ах, как я на это надеюсь!), и потом, независимо от результата, собираются дать допуск всем, кто есть на борту, выгрузить кучу оборудования и встать лагерем у самой границы города, но при этом убрать подальше все, что может взорваться. После чего «Литара» нас там оставит.

Далее сетари хотят исследовать местность вокруг, включая околопространство, пока зеленые костюмы будут стеречь серых, а те — анализировать все, до чего смогут добраться. Среди них есть и несколько не-КОТИС-овских ученых, археологов. Их взяли с собой, чтобы начать потихоньку узнавать историю Муины.

Важнее всего, конечно, разобраться с ддорой: можно ли ее заставить не взрывать оборудование или как-то убедить, что оно «свое».

Кажется, мне нужны беруши для мозга.

Передышка

Сетари с талантом управления Эной могут давать доступ другим! Я так рада. Даже не пыталась скрыть облегчение, пока мы там были, и Таарел улыбнулась мне так же, как Эли, чему я и обрадовалась, и немного огорчилась, потому что к ней она относится как к экзальтированному ребенку.

Ддора показала не сразу. Мы уже сделали допуск всей команде корабля и обрабатывали тех, кто должен остаться на планете, когда мои барабанные перепонки взорвались. Одновременно и «ххххаааа» и «ххххииии», потому что была и куча людей, которых ддора сочла муинцами, и множество тех, кого она приняла за ионотов. «Собачка» примчалась в спешке, чтобы убить всех злодеев-немуинцев, грозящих ее драгоценным местным.

Ума ей правда недостает.

Пришлось без конца ее одергивать («Сидеть!»), пока все не получили допуск. Затем я еще раз попыталась велеть ддоре не трогать вещи, принадлежащие муинцам, потому как все, что оставили после прошлой экспедиции, взорвалось. Просто мысленно представляя дроны и космический корабль, я ничего объяснить не смогла, даже когда удавалось обратить на себя внимание защитницы, поэтому мы положили новенький дрон прямо на платформу и попытались «дать ему допуск». Кажется, получилось, но пока не уверены. Во всяком случае, угрозой его ддора считать перестала, поэтому мы повторили процедуру со всеми роботами и другой крупной техникой, которую можно было затащить в комнату.

Перед самым отлетом «Литары» пришлось сходить туда к медикам — у них оборудование лучше. Меня напичкали лекарствами и отправили обратно на берег, на раскладушку в палатке временного медпункта, отдыхать, пока остальные разбивают лагерь. Но я сначала дождалась и понаблюдала за отбытием корабля.

Сейчас уже ночь. К счастью, Гриф послал мне краткую схему, что где находится, а то пришлось бы в темноте разыскивать туалет среди палаток. Один из зеленых костюмов пожалел меня и показал, где можно раздобыть еды.

Собираюсь попробовать поспать, раз уж все записала. По крайней мере, ддора наконец заткнулась. И проводить все время в форме тоже не слишком приятно.

Рассвет

Когда я отчаялась снова заснуть и вышла, с озера в предрассветной темноте поднимался туман. Лагерь стоит к югу от города.

Они столько успели сделать за такое короткое время: здесь есть и общий зал, и лазарет, и палатки-спальни, и центральный штаб, и лаборатории, и рабочие помещения. Полно брезента, но они привезли с собой и бочку строительных нанитов, так что уже растут и «настоящие» здания. Тарианцы, разбивая лагерь, на полпути не останавливаются.

В штабной палатке горел свет. Экспедицией руководит некто цайл Стабен; вероятно, ее мне представили вчера во время особо жуткой головной боли, а может, и не представили. Еще в одной из лабораторий было полно людей, явно привыкших работать в другой смене.

Здесь почти сотня человек. Я и не знала, что экспедиция такая крупная. Сейчас, когда платформа всем дала допуск, сетари играют вспомогательную роль, а не главную. Лагерь

охраняют зеленые костюмы, а сетари действуют как продвинутая система оповещения об опасности — благодаря талантам боевого видения. Мне же остаются только попытки переговоров с ддорой, с чем стало полегче, потому что, кажется, она наконец успокоилась и ушла. Теперь, когда все будут одинаково реагировать на эфир, мне даже не нужно беспокоиться о завтрашней луне.

На месте не сиделось, хотелось развеяться — слишком долго спала, — и я решила прогуляться к озеру. Лагерь с той стороны сторожила одна из зеленых костюмов, но я просто кивнула ей на ходу, будто никто не должен возражать, если я пойду куда-нибудь в одиночку. Да озеро и не так далеко: я все равно оставалась в поле зрения охраны. Стояла почти полная тишина, только несколько птичек уже заподозрили, что светает, и если глядеть в сторону воды, казалось, будто я совсем одна.

Но вскоре шорох гальки предупредил, что это не так, и повернув голову, я увидела ногу на камне за мной и руку в сетарской беспалой перчатке. Достаточно, чтобы понять: это Рууэл. Поразительно, что я узнаю его по рукам. Двигается он как кошка, наверняка нарочно пошумел, чтобы я не заорала и не сиганула с перепугу в озеро. Эх, представляю себе, какой эпичный переполох поднялся бы в лагере.

— Там что-нибудь есть дальше у озера? — спросил Рууэл.

Не нотация, которой я ждала, скорее предупреждение, что я слишком задумчиво смотрела на юг. Однако, в конце концов, кто я такая, чтобы пренебрегать случаем, который сам идет в руки?

— Покажу, если хочет, — сказала я, посмотрев ему в лицо. — Одна вещь, по которым скучаю.

У него появился слегка отсутствующий взгляд говорящего по интерфейсу, а потом он кивнул. Я сначала удивилась, а потом засомневалась, что смогу идти вдоль озера с Рууэлом и не думать все время о том, что иду вдоль озера с Рууэлом. Но получилось не совсем так. Я, конечно, прекрасно осознавала его близость, но утро выдалось замечательное, прохладное и свежее, а света едва хватало, чтобы разглядеть дорогу, поэтому пришлось сосредоточиться на том, как бы ногу не подвернуть.

Путь занял минут двадцать, и когда мы дошли до глубокого ручья, впадающего в озеро, примерно в трети пути к той реке, вдоль которой я когда-то брела, только-только наконец посветлело. Завидев ручей, я прошептала:

— Сейчас надо потише, — что, конечно, Рууэлу можно и не говорить.

Я остановилась у тех же камней, что и в прошлый раз — их легко заметить по пирамидке, которую я выстроила на самом высоком, — и жестом попросила Рууэла, мол, садись. К счастью, те, к кому я шла, были на месте: я сразу их увидела, показала ему и потом просто смотрела.

Это я буду помнить вечно, даже без записи. Рассвет, все ярче блестит вода, небо расцвечено нежными красками. Туман потихоньку рассеивается, начинают петь птицы. И выдры танцуют в ручье, вытаскивая крабиков с каменистого дна. Я только разочек взглянула на Рууэла, и хотя понятия не имею, понравилось ему или нет, по крайней мере, за выдрами он следил внимательно. Возможно, придумывал, как их лучше всего убивать.

А потом появилась «Литара» и все испортила. Наверное, для космического корабля она довольно тихая, но живность распугивает только так.

— Называются выдрами на Земле, — вставая, сказал я. — Какой диапазон передачи интерфейса, когда не на Таре?

— С передатчиками примерно в пять раз дальше, чем мы находимся. — Рууэл наблюдал, как «Литара» разворачивается над озером, готовясь садиться. — Без них сюда немного не достанет.

Мы не спеша пошли обратно, хотя, по-моему, «Литара» вернулась намного раньше, чем планировалось. Мне много что хотелось сказать, но я так и промолчала, а стоило нам вернуться в лагерь, Рууэл кивнул и исчез.

Космический корабль будит ото сна даже лучше вопящих землян, так что кругом было уже полно народу. Я сижу в зале для собраний, записываю все это и плотно завтракаю в ожидании, когда выяснится, в чем дело.

Стройка

«Литара» вернулась рано, чтобы испытать сконструированный исследователями поддельный «пропуск» на Муину. Так что снова платформа. Стоит кому-нибудь начать там ковыряться, появление ддры обеспечено, но на этот раз ждать пришлось долго — наверное, далеко успела уйти. Инженеры уже начали недовольно коситься, будто я могла как-то повлиять на это чудище.

Интересно, кем она меня считает? Я ее слышу, и похоже, она «слышит» меня, когда я касаюсь платформы, но при этом знает, что я не с Муины, и, когда тарианцы-муинцы рядом, не слишком интересуется моей «речью». Когда ддора наконец появилась, дрон с поддельным пропуском ее смутил: она забеспокоилась и не знала, как к нему отнестись, но не сочла его угрозой. Она понимает, что с роботом что-то не то, но он кажется ей достаточно знакомым, чтобы на него не нападать. Все очень обрадовались, даже я — в стиле «я бы улыбалась, но голова раскалывается». Они по-прежнему осторожничают, но надеются, что теперь ддора не будет взрывать всю технику подряд и можно приводить новичков к платформе, не опасаясь, что она убьет их по пути. Для пробы они привезли с собой два самолетика-челнока: одному приделали «пропуск», другому — нет. Их поставили на вершины двух соседних холмов к востоку от города, дабы все могли насладиться зрелищем взрыва, если что.

Увы, на Тару (чуть не написала «домой» и ужасно расстроилась) все равно пока вернуться нельзя, придется торчать здесь как минимум до конца первоначально запланированного срока, хотя они, вероятно, не собираются ничего делать со мной во время лунного дождя. Я бы в принципе не возражала, но второй отряд заменили пятым.

Наверняка Каджал стабилен и не такой уж идиот, раз стал капитаном. То, что он козел и нас с Зен терпеть не может, не значит, будто он плохой сетари. Меня он по-прежнему «в упор не видит», что меня вполне устраивает и в здешней толпе не слишком заметно.

Третий и четвертый отряды почти весь день исследовали околоространство и окрестности; благодаря ддоре это не так сложно. Пятый и восьмой назначены в охрану, ходят парами вокруг лагеря на случай, если кто-нибудь вдруг покажется. Сейчас смена пятого, а восьмой сторожит ночью. Охрана из отрядов сетари кажется таким расточительством их способностей! Во всяком случае, очевидно, что Каджал считает именно так.

Завтра ночью будет лунный дождь, все страшно спешат успеть все установить. От суеты никуда не спрятаться. До ухода третьего Таарел заметила, мол, я не должна покидать лагерь, так что еще одной экскурсии мне не видать. Почти весь день я провела в лазарете из-за ддорной головной боли, а вечер — сидя на камне на берегу и мечтая, что раз уж мне нельзя

уйти, то хоть бы потише вокруг стало. Меня даже в «старый город» не пускают.
Сегодня пасмурно, но и ветрено. К завтрашней луне наверняка прояснится.

Бум!

Один из челноков ночью взорвался. К счастью, тот, который и должен был. Я слышала, как довольна ддора.

Забавно, насколько люди могут обрадоваться из-за взрыва новенького оборудования. Я сидела в лазарете — весь вечер специально слонялась вокруг медпалатки с головнобольным и усталым видом, пока иста Лима, главврач лагеря, не начала меня проверять и в итоге не оставила для наблюдения. У меня есть «койка» там же, где спят сетари, против чего я не возражала, когда моими соседями были второй и третий, но с пятым отрядом в следующем ряду это совсем не так здорово. Даже надежда увидеть Рууэла спящим не перевешивает моей нелюбви к Каджалу.

До взрыва я читала и вообще была не в духе, поэтому, услышав шум, притворилась спящей — а то вдруг кто-нибудь захочет, чтобы я поговорила с ддорой. Головная боль убивает всякое желание помогать. Подумала, как полезно иметь возможность читать с закрытыми глазами, а потом вспомнила, что интерфейс все равно покажет, что я не сплю.

Ну и ладно. Теперь, когда они убедились в возможности подделать допуск для своих машин, я почти уверена, что завтра меня отошлют на Тару. К счастью, я снова не такая важная. Можно потихоньку задумываться об экспериментах «пойти домой» без угрызений совести.

Позерство мужчин

Ранний вечер, все на нервах из-за лунного дождя. Я провела хороший день без головной боли и всего-то пару раз пыталась понять, нет ли у меня путеводного таланта — искала исту Лима.

Нашла отличное местечко на берегу, где можно усесться между двумя камнями: читала, спрятавшись там от ветра и ото всех.

Восьмой отряд, проспавший все утро, спустился к воде вместе с четвертым и начал тренировку по какой-то борьбе, основе их техники рукопашного боя. Ох, я полюбовалась! Среди сетари в плане грубой силы Рууэл один из самых слабых, но, зная набор его способностей, я совсем не удивилась, что его никто, кажется, так и не смог достать. Впрочем, капитан восьмого, Канато, заставил его попытеть, чему я очень порадовалась.

Все прошло очень по-деловому. Рууэл, как обычно, говорил мало, но все успевал. Собственно, оба капитана только подсказывали, как что улучшить, да одобрительно кивали время от времени. Они уже отпустили ребят и стояли разговаривали, когда на травянистом берегу, где только что шла тренировка, появился Каджал в сопровождении Найза.

— Все так же ищешь, где попроще, Рууэл? — Произнесенные бархатистым сильным голосом, слова казались особенно издевательскими. — Как насчет настоящего соперника?

Рууэл даже не обернулся:

— Каджал, ты на дежурстве.

— Тебя что, так беспокоит полное отсутствие каких-нибудь угроз? Постоянные отговорки начинают смахивать на трусость.

— Понимай, как хочешь. — Совершенно безразличным тоном.

Рууэл ушел, и Каджал, хотя и выглядел жутко злым, ничего делать не стал. Трагедии не

случилось. Нисколько не удивлена, что капитан пятого отряда еще и задира, но не очень понимаю, почему с ним отказались бороться. Вряд ли Каджал так психовал бы, если бы не проиграл Рууэлу когда-то в прошлом. Хотя кто знает? Я никогда не любила соревноваться (слишком ленива) и не могу понять тех, кто любит.

Мачизм возвращается

Лунный дождь для меня начался совсем неинтересно, потому что я ни в чем не принимала участия. Серые костюмы понаставили всяких наблюдательных датчиков и камер в разных частях городка, особенно на крышах, в амфитеатре и вокруг платформы.

Третий отряд отправился в околостранство, наблюдать оттуда — это сочли самым опасным занятием, так что им еще и восьмой назначили в поддержку. Входить в город с начала лунного дождя всем запретили, чтобы попозже отправить нескольких подопытных и четвертый отряд. Теоретически сетари собирались оставаться трезвыми, но я надеялась на лучшее.

Луна вошла поздно, я уже устала сидеть и мерзнуть. Однако издалека все выглядело красиво, и к счастью, не сбылись мои прежние ожидания, что все будут наблюдать, как я пьянею донельзя.

Через некоторое время световое шоу мне надоело, и я читала, сидя за одним из столиков у палатки общего зала, пока люди не начали возвращаться: серые и зеленые костюмы, третий и восьмой отряды, а потом, увы, совершенно трезвый четвертый.

В общем, не думаю, что они что-то там сногсшибательное узнали. Точно не то, как все работает. Народ начал расходиться, восьмой отправился караулить, а Рууэл и Таарел, как обычно, стояли рядом и тихо переговаривались — пара явно на одной волне. Я старательно на них не смотрела и заодно осознала, что не озаботилась найти повод провести ночь в лазарете.

— Ты целый день не спала. — Таарел подошла ко мне, как только Рууэл двинулся прочь. — Совсем на тебя не похоже.

— Пытаюсь ввести это в привычку, — ответила я.

Почему-то при ней всегда чувствую себя неловко, немножко слишком юной.

— Здесь, с суточным циклом дня-ночи, очень интересно. Работать посменно становится гораздо труднее.

Я смотрела на Таарел и начала не видела — только ее расширившиеся глаза. А когда обернулась на шум позади, оказалось, что там Каджал пытался пнуть Рууэла. Тот просто отклонился, ушел от удара и повторил то же самое, когда ему нацелились в лицо. Потом резко отступил назад, за пределы досягаемости задиры.

— Каджал, иди в лазарет. Ты надышался эфиром.

— Дерись, проклятый гелз ^[6], — выплюнул Каджал в ответ. — Так боишься, что я окажусь лучше?

— Мне совершенно неинтересно мериться с тобой силами. — И тон, и вид говорили, что Рууэлу ужасно скучно. — Ты доказываешь только собственную неуверенность.

И тут Каджал взорвался. Он быстрый и дерется здорово (насколько я могу судить, ничего в этом не понимая). Рууэл просто продолжал уклоняться. Немало сетари и несколько случайно оказавшихся поблизости серых и зеленых костюмов видели, что происходит, но держались в стороне. Таарел вроде рассердилась, что совсем для нее нетипично, однако не вмешивалась. Наконец что-то промелькнуло слишком быстро для того, чтобы я могла разглядеть, Каджал взлетел в воздух и, извернувшись, приземлился прямо перед столами. Трава там вытоптана, но земля влажная и мягкая, сильно он не ударился.

— Перестань, Каджал, — ледяным тоном приказал Рууэл. — В следующий раз я не буду сдерживаться.

Жаль, что Каджал смотрел в мою сторону, когда вставал. Я по лицу увидела, как он осознал, что перед ним усилитель. Таарел тоже это заметила и прикрикнула «Не дури!», но слишком поздно. Я отлетела к столу, когда Каджал толкнул меня в плечо, а потом его действительно стало невозможно разглядеть.

Рууэл откатился, получив в лицо кулаком, от которого не успел уклониться. Как и от пинка в живот, и от удара по колену. И все же второй раунд закончился точно так же: Каджал взлетел в воздух и рухнул на землю перед столами, на этот раз жестко. Рууэл подошел к нему, и нетрудно было вспомнить, что сетари — тренированные убийцы, когда он свысока глядел на поверженного соперника. Но, произнеся всего одно слово: «Лазарет», сам похромал туда же.

Не знаю, какими будут последствия. Не то чтобы зеленые костюмы пришли и отконвоировали Каджала. Сочтут ли действие эфира достаточным оправданием? Я решила не говорить о своем впечатляющем синяке — там, где я ударила рукой о стол после толчка, — а утром все вели себя так, будто ничего не произошло.

Я просто рада вернуться на Тару. Восьмой отряд оставили, они будут сторожить парами, поскольку никаких признаков нападения ионотов не видно. Считается, что у ддоры там «база», поэтому близ моего города гораздо чище, чем в других местах планеты. Я слушаю, как меняется гудение корабля — мы готовимся взлететь — и пытаюсь не слишком откровенно пялиться на третий и четвертый отряды в капсулах.

У Рууэла *шикарнейший* фингал.

Из ящика

У нас была еще одна короткая вылазка, прежде чем мы вернулись через расщелину в глубокое пространство. Я узнала о ней только на пути к воротам, когда Таарел начала инструктаж. Мы собирались посмотреть на найденный спутником второй город с кольцами на крышах. Меня приписали к четвертому отряду, который шел, несмотря на прихрамывание Рууэла. Сефен из третьего взял с собой дрона — тот плыл за ним, как воздушный змей.

Этот город стоял на реке, а не на озере, и «Литара» не стала спускаться: послала нас на небольшом корабле-челноке, сама же, наверное, пока летала по кругу.

Городок выглядел очень похоже. Те же растения, та же планировка, амфитеатр в центре, блочные дома. И все же оказался совсем другим.

— Угроза.

Мы были еще далеко от окраины, шагали по остаткам подмываемой рекой дороги. Я разглядывала бесчисленные наложившиеся друг на друга отпечатки лап, так что не слишком удивилась. Сефен показал на первого зверя, стоявшего намного выше нас на холме. Вероятно, муинская версия волков, хотя земных я видела только на картинках, и эти похожи скорее не на них, а на бордер-колли. Черно-белые, короткошерстные, с торчащими вверх ушами, немного крупнее собак и гораздо недружелюбнее с виду. Они не рычали, однако наблюдали внимательно, и, если бы они и не думали на нас нападать, сетари не стали бы предупреждать об угрозе.

— Впереди еще больше. — Рууэл поглядел на Таарел.

— Мы здесь не для зачистки, — ответила она. — Пока они ведут себя мирно, не трогайте.

Путешествие оказалось неприятным. Собаки нас не тронули, но мы постоянно видели их сверху на домах или дальше по улице — они шли следом, наблюдали. У меня сложилось впечатление, что они умны и организованы, и Аурон с Ферусом от меня не отходили. К моему облегчению, амфитеатр собакам, похоже, не нравился. Так как нашим главным делом здесь было проверить платформу, пустота там очень этому способствовала.

Комната с платформой оказалась совершенно такой же, только захламмленнее. Сетари попытались «прочитать» ее с помощью касаний, оставили наблюдательный дрон, и тут прибыла ддора. В полной истерике.

— Другая ддора, — сказала я, не слыша себя за всем этим «хххаааа!».

«В экстатической фазе», — добавил Рууэл текстом.

После этого, что приятно, все переговаривались письменно. И что еще лучше, четвертый отряд вывел меня наверх, наружу, пока третий заканчивал с проверками. Все равно ужасающе громко, но совсем не так больно, как когда стоишь прямо у платформы.

На верхнем ярусе амфитеатра собралось кольцо собак. Наблюдателей. Добро пожаловать в гости в мир Стивена Кинга. Я пыталась сообразить, где вожак стаи, но кандидатов было многовато.

При переговорах текстом ужасна только моя грамматика, можно не беспокоиться о произношении, писать много и передавать все за раз. Когда к нам вышел третий отряд, я послала: *«Эти возможно потомки одомашненных рабочих собак. Похожий тип на вид на моей планете. Очень умное животное. Сильный пастуший инстинкт»*.

— Много ли на Муине животных, которые напоминают кого-то из твоего мира? — спросил Рууэл.

— Трудно сказать с птицами, жуками. Овцы, кошки, эти собаки. Одомашненные животные. Выдры не домашние, хотя видела документальный фильм, люди с их помощью ловили рыбу. И люди, конечно.

Так и подмывало спросить, что он думает о моей идее, мол, муинцы изначально были землянами, но я решила, что обойдусь без этого вопроса в служебных записях.

Собаки «проводили» нас, совсем как племя дикарей, которому нужно убедиться, что чужаки покинули их территорию. Этот город принадлежал собакам точно так же, как первый — кошкам. Раньше принадлежал.

По пути к расщелине я много думала об этом и глядела на вид снаружи, и тут цайл Стабен запросила канал связи. Я удивилась: она оставалась в первом городе, а синие костюмы со мной, как правило, не общались.

— Девлин, — начала она, когда я ответила на вызов. — По традиции, имя месту дает его первооткрыватель. Для города, где тебя нашли, предварительное наименование выбрали во время операции по спасению, но новому поселению нужно название. Каким оно будет?

— Пандора. — Мне даже не нужно было задумываться, просто сообразить, как записать это в муинском алфавите.

— Записано, — сказала цайл Стабен и закрыла канал.

По сравнению с синими костюмами даже Рууэл разговорчив. Через несколько минут на карте появилось новое имя, и я почувствовала себя могущественной.

В начале обратного полета Эли оставила меня в покое — я почти уверена, что Таарел прочла ей нотацию и велела меня не допрашивать, особенно когда я еще не оправилась от головной боли. Но вскоре после разговора с цайл Стабен Эли зашла в уголок обзорной рубки, где я пристроилась, и поинтересовалась моим самочувствием.

— Все хорошо. — Я улыбнулась ее энтузиазму. Она правда такая милая и забавная. — Легла бы, если бы лекарство не подействовало.

Эли просияла:

— Я хотела спросить про название. Пандорой зовут кого-то для тебя важного?

Я рассмеялась:

— Не знаю никого именем Пандора.

К нам подошел Ферус из четвертого. Кажется, поговорить без зрителей у меня никогда не получается.

— Можно, я тоже погадаю? Это не название места, где ты живешь в своем мире?

— Быть миф сотворения района Земли, называемого Грецией, — объяснила я, подозревая, что Ферусу хочется поразвлечься, делая невероятные предположения. — Пандора была первой женщиной, сотворенной богами. Они дали ей ящик, сказали, чтобы берегла, но никогда не открывала. Кажется, никто не придумывает разумных богов. Пандора не устояла, приоткрыла крышку самую малость, чтобы заглянуть. Но крышка распахнулась, и все плохое в мире вылетело оттуда: ненависть, унижение, жадность. Пандора отчаянно старалась и закрывала ящик, но слишком поздно. Пандора в слезах, видит, как она испортила мир...

Пришлось прерваться, потому что Эли явно уже сообразила, почему я предложила «Пандору», и выглядела ужасно расстроенной и обиженной. Не стоило ее недооценивать.

— Это не конец истории. — Я потрепала ее по руке. — Пандора в слезах, когда слышит шум из ящика. Что-то еще внутри. Голос просит, чтобы выпустили, и она отважилась открыть снова. Последней в ящике была надежда, то, что позволяет вытерпеть все плохое. — Я улыбнулась: — История о невозможности вернуть, как было. Я открыла Муину. Плохое случится из-за этого. Но и хорошее тоже. Смысл имени в том, что переделать обратно нельзя. Чувствовала себя очень маленькой, думала об этом.

— Что плохое? — спросил Ферус, поглаживая Эли по плечу.

Я поморщилась:

— Ты смотрел на здания, которые делают там? Большая-большая коробка. Тарианцы не знают больше, как жить снаружи.

Ответ вызвал смех Эли, потихоньку утиравшей глаза:

— Что ж, правильно назвала. Подходяще.

— Подумала так, когда цайл Стабен спросила. Думала о тех собаках и кошках в первом городе, и других животных на планете. Для них, может, лучше, если ящик оставался закрытым? Хотя про убийство кошек плохая шутка седьмого, им не позволят остаться в амфитеатре. Они уже начали уходить, потому что не нравится так много людей рядом с котятками. Это место веками было их. Жалею их. Но этот мир принадлежит вам. Не место мне говорить, что нет, не должны быть здесь.

Я почти уверена, что тарианцам никак не испортить Муину так сильно, как мы местами испортили Землю. Хотя сомневаюсь, что они сумеют оценить балконы и приятный вид в ближайшем будущем.

Искусство ничегонеделания

Хороший спокойный день. Даже без медосмотра — меня проверили вчера после полета. Я поплавала, погуляла по пыточным лестницам, но в остальном просто валялась, радуясь, что на мне не форма, и пытаюсь магически перенестись в ванную. Никак не могу выяснить, как же мне тогда удалось добраться до Земли.

Кажется, завтра дежурю с первым. Я по ним скучала.

Нестабильные

Нестабильное патрулирование включает в себя кучу нервов по поводу того, как долго продержатся врата. Пространства оказались затоплены, пришлось использовать дыхательные маски и перевести наноформу в режим гидрокостюма. Первое затопленное пространство — воспоминания деревьев: острые листья кружились вокруг, как безглазые рыбы. Очень пригодился усиленный свет Лона, потому что от огня под водой толку нет, а молнию, даже найдись такой талант у первого отряда, использовать точно не захочешь. После агрессивных листьев была большая пещера, заполненная лесами вокруг чудовищного храма типа греческих.

В этом пространстве первый прежде бывал всего раз; оно входит в кругооборот пространств в данном месте. И здешних ионотов они вообще никогда не встречали: длиннющая плоская штука с волнистыми краями, похожая на то, что можно увидеть на Большом Барьерном рифе, но крупнее. Она извивалась и кружила вокруг лесов, таща за собой собственные отражения.

Мейз и Зи вернулись в затопленный лес вместо того, чтобы просигналить нам «проходите».

— Кеттара со мной. Остальным оставаться здесь.

Они оба усилились и снова прошли вперед. Сияние световой стены Лона озарило проход, но потом он вернулся, качая головой. Мейз встал прямо за воротами и поднял обе руки. Леса развалились, устремились к ионоту, и вскоре он стал походить на огромную игольницу, вокруг которой расплывалось темное облако крови. Телекинез опасен, если вокруг есть что-то острое или тяжелое.

Когда мы вернулись, все выглядели уставшими, а еще очень мокрыми и замерзшими. На маршруте пришлось много плавать, и листья совсем нас замучили — Лон не поспевал за их клубящимися тучами. Когда они подбирались близко, их приходилось убивать оружием костюма.

Когда нас проверяли на прилипал, Мейз объявил:

— Новости о Пандоре просочились в прессу.

— Позже, чем я ожидала. — Зи на секунду уставилась в пустое пространство, потом добавила: — В ответ собираются сделать официальное заявление.

— Новости вызовут проблемы? — спросила я по пути в душ.

Забавно, что можно, пока моешься, беседовать всемером, но с каналами интерфейса это легко.

— Не для нас. У некоторых отделов КОТИС начнется головная боль из-за желающих туда слетать, но на самом деле они откладывали объявление только потому, что не были полностью уверены, что лагерю не грозит уничтожение, как всем предыдущим попыткам. — После паузы Зи посоветовала: — Посмотри канал «Дальний».

Я не знала, что это такое, но нашла его как раз к тому моменту, как Мара спросила:

— Подтверждение будет?

— Частичное, — ответил Мейз. — Что в конце концов о существовании Касзандры узнают, было неизбежно, особенно после роли, сыгранной ею на Муине. Мы понимали, что трудности вызовет вопрос о взаимоотношении Земли и Муины.

Именно это обсуждалось на «Дальнем» — канале новостей, слухов и форумов для их обмусоливания. Самой большой новостью было открытие Муины, но «Дальний» утверждал, мол, они узнали, что решающим моментом стало участие бродяги, помогшей сетари. Сама служба новостей никаких подробностей не сообщала, однако форумы пошли гораздо дальше. Что ее зовут Пандорой, что она может командовать ддорой, что уже нашла и разрушила одну из Колонн и учит сетари секретам, утраченным после ухода с Муины. Короче, на десять процентов быть, на девяносто — сказка.

— У людей будут странные идеи обо мне, — сказала я после краткого молчания, во время которого, уверена, все читали одно и то же.

— Досточтимая мудрая Касзандра, — усмехнулся Лон и добавил, уже серьезнее: — Есть и недовольные.

— Никто, поклоняющийся Сердечному разуму, не обрадуется идее, что наши предки родом не с самой Муины, — сказала Алей. — Должна признать, мне и самой она кажется странной. Но ты в это действительно веришь, правда, Касзандра?

— По ископаемым мы знаем, что люди на Земле миллионы лет, — ответила я и вышла из душа, все еще пытаюсь привести в порядок волосы.

В последнее время подумываю постричься коротко — продвинутые здешние души хоть и сушат, обдувая горячим воздухом, зато расчесаться потом целая проблема. Без понятия, как Таарел ухитряется ходить с этими косами-спиралями.

— Возможно, предположим, на Муине тоже есть ископаемые, что люди пришли на Землю с Муины миллионы лет назад. Вряд ли у двух разных планет одновременно одинаковая эволюция.

— Ты расстроишься? Если ваши люди на самом деле с Муины? — спросила Мара.

— Нет. Многие на Земле решат, что это здорово. И многие не обрадуются.

Я напоказ для Мейза пожалала плечами — он внимательно наблюдал за мной. Сердечный разум — главная философия (или религия) Тары, основанная на почитании Муины как праматери, и немало ее последователей обзывали «меня» нехорошими словами.

— Если только расстроенный последователь Сердечного разума не появится в КОТИС и столкнет меня с лестницы, неважно, что говорят. Никого не знаю, кроме людей здесь. Они заставят меня говорить с прессой, да?

— Твоя личность не подлежит огласке так же, как и сетари. — Я удостоилась одобрительного капитанского кивка. Мейз обрадовался, что я не собираюсь расстраиваться. — И могу с уверенностью сказать, что КОТИС не подпустит к тебе журналистов.

— Я однажды вызвался принести себя в жертву прессе, — сказал подошедший Лон и пожал мне плечо. — Интерес к нам так высок, что пара сетари дала строго анонимные интервью нескольким избранным представителям. Еще КОТИС публикует описания пространств, которые мы патрулируем — подкармливает народ информацией.

— Вы смотрите сериалы про сетари?

Мейз поморщился, а Лон пожал плечами:

— Иногда. «Скрытая война» рассказывает о проблемах, действительно похожих на то, с чем мы сталкиваемся. Не думаю, что видел или читал хоть что-нибудь без совершенно невероятных подробностей для нагнетания драматизма. Интриг в КОТИС совсем не так много, и нам не приходится нарушать правила и вполтину так часто.

— Уже не говоря о том, что никто не ходит в Эну на свидания, — добавила Мара,

взбивая волосы. Они вышли одновременно с Алей. — Поторопитесь, вы двое; мой желудок уже сам себя переваривает.

Мы отправились обедать. Первый отряд очень устал, особенно Лон, но никто не уходил. Я поняла, что они по-прежнему читают обсуждения и ждут, пока появятся хоть какие-то указания насчет официального ответа. Им оказалось объявление, мол, да, действительно, в экспедицию сетари, открывших Муину, входило перемещенное лицо родом с «братской Муине» планеты Земля, на которой, к сожалению, нет развитых талантов и знаний о лантарах.

И мне абсолютно запрещено выходить в город в ближайшем будущем. Эх. Мара говорит, что зато мы можем побольше потренироваться.

Не в новостях

Мара меня сегодня ухахла: после уворачиваний еще и пробежали по парку препятствий. Затем она показала мне дополнительные возможности нанокостюма: как делать оружие, как закрывать голову. Потом мы плавали.

Завтра у меня очередной маршрут с первым, потом день с Марой, потом опять маршрут. Дальше в расписании пусто, если не считать неизбежных медосмотров, но Мара сказала, что меня могут снова послать на Муину.

Я притомилась следить за обсуждением открытия Муины и за все более невероятными рассказами о себе. Расстраивает как раз то, чего я раньше не знала. Не думаю, что у этих сердечноразумников есть шанс мне как-то навредить, но неприятно, что людей огорчает сам факт моего существования. Благо, я пока приписана к первому, и после тренировок с Марой сил терзаться уже не остается.

Ради чего, наверное, она меня и ухахивает.

Скитальцы

Сегодняшняя вылазка с первым отрядом оказалась как никогда опасной. Очередной сдвиг в нестабильном маршруте привел нас к пространству, полному больших металлических контейнеров, сложенных в ряды, прямо как в порту. Ребята совсем не ожидали сюда попасть. И местных ионотов прежде никогда не встречали.

Человекоподобные, покрытые седыми волосами. Похоже, они переделали контейнеры под дома, создав оживленный городок. Мы все еще были за воротами, присматриваясь, когда двое из них выпрыгнули из ниоткуда и набросились на Мейза с ржавыми металлическими трубами. И пока к нам мчалась еще дюжина таких же волосатиков, Кетзарен обхватила меня за талию и потащила назад через пространство, представлявшее собой сплошь неудобно низкие туннели в жемчужно-кремовой скале.

А дальше — кровь и ужас. Ионоты были быстры, вооружены и очень решительно настроены, но первый отряд хорош в ближнем бою, тем более под усилением. Ребята, конечно, удивились, но совершенно не растерялись.

— Двигаемся ко входу, — велел Мейз, как только пал последний ионот.

Затем бросил быстрый взгляд на пространство с контейнерами и примкнул к остальным, уже выполнявшим приказ.

— Сломано? — спросила Зи, заметив, как Мейз поморщился, поведя плечом.

Без травм обойтись все-таки не удалось.

— Кажется, нет. Как остальные?

— Ничего серьезного. — Лон сжал и разжал кулак, потом вынул аптечку и сбрызнул жидким бинтом порез на костяшках.

— Сможем прочитывать врата?

— Похоже, неподвижны, — сказала Алей. — По крайней мере на несколько дней.

— Тогда займемся зачисткой, — объявил Мейз. — Кеттара, выстрели разок, а потом разведаем, что к чему.

Мертвые волосатики казались меньше, а расплзающаяся лужа крови сделала врата неприятными и скользкими. Зато с другой стороны никто не прятался, и мы, повинувшись жесту Мейза, перебрались в легко обороняемый угол, и отряд попытался подсчитать контейнеры.

— Десятки, — наконец сказала Мара. — Некоторые выстроены кругом, но большинство собрано вон там. — Она кивнула на гору контейнеров, высившуюся в некоем центре пространства.

— Предпочитаю высоту, — пробормотала Зи, и Мейз согласно кивнул.

Крыши были изъедены ржавчиной и пару раз неожиданно рассыпались прямо под нашими ногами. Но именно на возвышении мы смогли увидеть ловушку за пару секунд до того, как она сработала. Контейнеры на самом верху задрожали, и металлическая стена накренилась, угрожая раздавить и нас, и контейнер, на котором мы стояли.

Мейз скомандовал «Вверх!» прежде, чем я все это заметила, и мы тотчас взмыли в воздух, а все контейнеры между воротами и центром сложились точно домино, сбитые тараном-ловушкой. И не успело все стихнуть, как нас начали обстреливать из арбалетов. Алей попали в ногу. Мейз с Лоном тут же спустились ниже и устроили врагу мини-

Армагеддон, в результате которого ряды ионотов сильно поредели. И пока Мейз и Зи отлавливали выживших, остальная часть отряда собралась на крыше слегка перекошенного контейнера, чтобы осмотреть ногу Алей.

— Двоим удалось улизнуть через ворота, — доложил вернувшийся Мейз и осмотрел стрелу, которую Мара вытащила из ноги Алей. — Никаких следов яда?

— Ничего явного. Я остановила кровь.

— Тогда оглядимся. Гейнер, дай знать, если почувствуешь какие-то симптомы.

Мы с Алей и Кетзарен остались на месте, а остальные обошли пространство, осматривая тела ионотов, хотя большинство из них хрустело и рассыпалось. Справились быстро, и вскоре мы уже возвращались. Мейз на секунду задержался у врат, потом шагнул к похожей на плетеную клетку, заткнутой в угол, и открыл ее.

Там сидело с полдюжины маленьких ионотов, чем-то напоминавших Ити из «Инопланетянина». Они были в довольно плачевном состоянии, будто кто-то тыкал в них заостренными палками. И двигались еле-еле, со страхом глаз на Мейза. Он отступил в сторону, жестом велел нам уходить и сам шагнул к воротам следом:

— Наверное, коренные жители этого пространства. А другие, похоже, скитальцы.

Мейз с особой тщательностью осмотрел трупы, после чего мы отправились назад в два раза быстрее, чем шли сюда. При этом Зи телекинезом тащила за собой Алей.

Поистине ужасный день. Эти новые ионоты — оба вида — отличаются от всех, с которыми я сталкивалась раньше. Они более... реальные, что ли. Они прекрасно знали о вратах между пространствами и были готовы отразить нападение, что в корне отличает их от животных или жутких черных теней. А еще они истекали кровью.

Теперь я начинаю понимать, почему Мейз всегда выглядит таким усталым, даже не применяя свои суперспособности. Все это от переживаний, что кого-то из отряда могут убить. Даже страшно представить, насколько сильно пострадал бы первый без усиления...

Соперничество

Первому дали несколько дней на отдых и восстановление сил. Я спросила Мару, выбираются ли отряды на маршруты в составе менее шести человек, и она сказала, что такое хоть и редко, но случается — главное, чтобы присутствовали все необходимые таланты.

— Тебе не казаться, что волосатые готовят ловушку специально для сетари?

— Похоже на то, да? — Мара, как всегда, ответила без обиняков. — Но у нас нет никаких записей об этом виде, значит, скорее всего, мы просто влезли в какие-то разборки среди ионотов. Возможно, между разными группами одного вида.

— Часто бывает?

— Нет. Многие ионоты ходят в ближайшие пространства в поисках пищи, но после охоты обычно возвращаются к себе. Скитальцы, систематически исследующие территорию или пытающиеся захватить чужие районы, — редкость, и большинство таких исчезает, если слишком долго находится вдали от родных мест. Эти же ионоты были хорошо организованы. Слишком хорошо.

Простые броски мячом остались в прошлом, и сегодня Мара старалась заставить меня блокировать удары. Она считает, что, хоть я и лишена боевых инстинктов, все равно должна учиться защищаться. Весьма сомнительное утверждение, но я понимаю ценность таких навыков. Мара не сюсюкается со мной, но и гадостей не говорит и не смеется над моими неудачами. И пусть это смахивает на мазохизм, я рада, что опять с ней занимаюсь.

— Кто сетари лучший боец? — спросила я, думая о схватке между Каджалом и Рууэлом.

— Лучше не выяснять, как ты уже поняла.

— Каджала наказали?

— Он мог потерять все привилегии. Конечно, воздействие эфира не извиняет его действий, но означает, что он вряд ли лишится звания капитана из-за этого инцидента.

— Мейз не любит соперничество сетари из-за такого? Рууэл мог разрядить ситуацию, согласиться драться, но Каджал никогда бы не успокоился, да?

— Только в случае своей победы, — не стала спорить Мара. — Мейзу не нравится, когда мы направляем энергию друг на друга, а не на ионотов. В статусе калрани нам это помогало, а теперь лишь сильно отвлекает некоторых младших сетари.

Сегодня все мои мысли заняты Рууэлом (будто обычно это не так), потому что первый отряд на больничном, и на завтрашнем маршруте меня приставили к четвертому. Интересно, как там поживает его фингал?

Как же Рууэл тогда был раздражен... И скорее тем, что его вынудили драться, чем полученными травмами. К тому же, он ни на секунду не усомнился в своей победе над Каджалом. Этот всплеск гнева и презрительного высокомерия застал меня врасплох. Я много думала о том, кто же такой Каорен Рууэл на самом деле: робот без чувства юмора, будто кол проглотивший, или стереотипный талант видения места — чувствительный, мучимый кошмарами и вынужденный все держать под контролем. Драка показала, что я ничего о нем не знаю.

Нужно тратить больше времени на поиски способа вернуться домой.

Пробный камень

Для маршрута с четвертым отрядом я постаралась прибыть к Красному шлюзу пораньше, а затем задавалась вопросом, чего надеялась этим добиться. Хотела произвести впечатление на Рууэла? Пора уже включать мозги, когда дело касается его. В любом случае, ранний подъем должен был еще и помочь избежать одного из косых взглядов, которые Рууэл бросает на тех, кто попусту тратит его время. Просто мимолетный взгляд, даже выражение лица не меняется, но я знаю, что все равно бы съежилась.

Мои старания остались незамеченными, потому что я прибыла на место намного раньше назначенного времени, а вот Рууэл почти опоздал. Я успела поболтать с Ферусом и Эйз об их миссиях и о том, что они до сих пор разбираются с последствиями отключения Колонны и смещения пространств. С ними действительно легко общаться — у обоих явно есть чувство юмора. Ребята надеются вернуться на Муину и заняться разведкой в крупных городах.

Рууэл подключил всех к каналу миссии, выдал буквально два предложения — в его представлении, инструктаж — и только потом явился пред нами во плоти:

— В дополнение к текущим целям мы будем искать новый тип скитальцев, с которыми столкнулся первый отряд. Наша главная задача — выяснить, из какого пространства они прибыли.

Запустив открытие шлюза, Рууэл отошел в сторону, собирая необходимое для вылазки оборудование, и вернулся как раз, когда двери распахнулись. Колено, кажется, не особо его беспокоило, а фингал, увы, уже пожелтел. Но над миссией нависла тень неудачи еще до того, как мы вышли в Энну. Рууэл подождал, пока за нашими спинами закроются двери, и тут к общему каналу подключился Селки.

— Девлин. — От его тона я почувствовала себя нерадивой ученицей, которую вызывают к директору. — Тебе знакомо слово «Гия»?

— Гира? — переспросила я из-за неясности произношения. — Утяжелитель?

— В частности меня интересует словосочетание «ребенок Гии».

— О. Может, Гея? «Гея» — значит «Земля» или «Терра». Разные названия моей планета на разных языках. Гея — мать-богиня-планета в греческой мифологии, как Муина для муинцы. Дети Геи называть или мифических Титанов, или любой житель Земли, как посмотреть. Вы найти записи о Земле?

— Нет. Из глубокого пространства явился посланник с Нури и попросил о встрече с ребенком Геи.

Даже Рууэл отреагировал — нахмурился, — и повисла небольшая пауза, пока Селки, скорее всего, общался с кем-то еще. Закончив, он сказал:

— Продолжайте маршрут, но возвращайтесь через кассе.

И отключился от канала, оставив четвертый отряд пялиться друг на друга и на меня — жутко удивленную.

— Сосредоточились, — приказал Рууэл, сузив глаза, и отправил нас через врата.

Думаю, то, что его отряд серьезно отвлекли в самом начале миссии, пришлось ему не по душе. Благо, от меня требовалось лишь идти и останавливаться вместе со своим эскортом, потому что в голове вертелось множества отвлекающих мыслей.

Нури — луноподобная планета, заселенная бывшими муинцами-противниками технологий. Тарианцы отыскали ее восемьдесят лет назад, но нурийцы отшили их категоричным: «Мы не хотим иметь с вами ничего общего, уходите». С тех пор мало что изменилось, разве что эта фраза повторялась с большим количеством деталей. Нурийцы считают, что тарианские технологии, особенно интерфейс, оказывают на них тлетворное влияние, и не желают рисковать. Нет, они не собираются присоединиться к альянсу, созданному для поиска и исследования Муины. И нет, они не хотят делиться своими знаниями о случившейся на Муине катастрофе. В прошлый раз, когда тарианцы отправили делегацию для обсуждения возросшей опасности вторжения ионотов, нурийцы только что их самих во всем не обвинили.

Поэтому сам факт, что нурийцы обратились к Таре с просьбой поговорить со мной, шокировал.

У меня была пара часов, чтобы как следует все обдумать, пока четвертый отряд пробирался через те же пространства, которые очистил первый во время последнего маршрута. К каждому пространству Рууэл подходил с чрезвычайной осторожностью, потому что в прошлый раз сетари столкнулись с ловушками, но мы добрались до контейнеров без приключений. А там обнаружили только маленькие сероватые люди, наблюдавшие за нами из-за построенных ими укреплений.

Четвертый отряд нашел здесь более десятка врат и исследовал все. И хотя те, через которые выбежали волосатики, сместились, удалось обнаружить их следы на трех других. Мы выбрали врата, что использовались чаще всего, и направились в следующее пространство. Это был небольшой островок, размером с пару муинских квадратных домов, окруженный песчаными косами. В норах под росшей пучками травой приютилась целая куча коричневых мышей, а учитывая зловонную грудку раскуроченных тушек в воде, там наверняка водятся акулы.

И снова четвертый отметил врата на карте и выбрал те, которыми чаще всего пользовались. Следующее пространство походило на большую многоэтажную парковку, полную расплывчатых воспоминаний об автомобилях, что совершенно сбивало с толку. Из того, что я могла разглядеть в пятнах, машины были низкими и большими, с подобием дымоходов в водоворотах хрома. Рууэл и Сонн долго не давали нам отмашку, а когда мы наконец подошли, Рууэл сказал по каналу миссии:

— Следующий уровень. Возможно, шгук десять. За нами наблюдают.

Ловушка тоже была, но Рууэл заранее ее распознал. Он приказал Сонн отправить усиленную шаровую молнию по пандусу на следующий этаж, и мы замерли, прислушиваясь к раздавшемуся шуму. Потом Ферус разделался с ловушкой с помощью телекинеза, и мы поднялись наверх. Парковка состояла из восьми уровней, плюс куча врат, но как только мы разыскали и ликвидировали последнего волосатика и нанесли обновления на карту, Рууэл объявил:

— Это не их родное пространство. Вернемся к поискам в другой день.

Понятия не имею, как долго бы они искали, если бы не моя встреча с нурийцем. В любом случае, никто не казался особо расстроенным из-за прерванной миссии. Мы отправились назад, не пренебрегая предосторожностями просто потому, что уже здесь были, и оказались в реальном пространстве минут за десять до назначенного времени.

Я не слишком удивилась, увидев ожидавшего меня Мейза. Он кивнул Рууэлу:

— Мы с тобой сопровождающие. — После чего вручил мне белое платье и сумку с

обувью и еще какими-то вещами: — Надень.

Я машинально все схватила и только потом поняла, что это такое.

— Ты серьезно?

Даже суровый четвертый отряд не мог на меня не пялиться.

— Отдел связи делает все возможное, чтобы диалог с нурийцами продолжался, потому тебе лучше снять нашу форму. Это одежда Мары.

— Лон где-то сейчас сильно смеяться, да?

— Не сомневаюсь. — Мейз улыбнулся. — Не волнуйся, мы с тобой.

— Со мной носить платье? — уточнила я, но тут же решила не затевать споров.

Вздыхая, приняла душ, при этом не намочив волосы, и надела сарафан и босоножки Мары, оказавшиеся лишь слегка великоватыми. Она не забыла положить расческу и какой-то почти прозрачный блеск для губ, который я тут же нанесла. Затем расплела косу, завязала волосы в высокий «конский хвост» и глянула на себя в зеркало.

Стиль платья мне понравился — надо запомнить, чтобы потом купить, когда пойду по магазинам, — но я все равно не понимала, почему именно платье. Почему не моя собственная одежда? Да, смотрелось лучше моих повседневных шмоток, но было неприятное чувство, будто меня выряжают на свидание вслепую. Алисса однажды сказала, мол, я чересчур услужливая и слишком поздно вспоминаю о своем праве возразить, но это платье очень вовремя вызвало сомнения и разбудило мое упрямство.

Однако тут я вспомнила свою лабораторную крысу.

И чуть не засмеялась, представив, какой переполох бы вызвала, явившись на важную дипломатическую встречу с логотипом «экспериментального животного», ведь любой с видением символов все поймет. Запихнув обвязку униформы в сумку, я вышла.

— Уже знать, о чем нуриец хочет говорить?

— Скорее всего, о твоей планете. — Мейз подключил меня к каналу, на котором уже были Рууэл и кто-то по имени Тармиан, и проводил к ближайшему лифту. — Он недолго ждал. Понадобилось некоторое время, чтобы убедить его встретиться с тобой для разговора здесь, и самолет приземлился как раз перед твоим возвращением.

— Если он с тобой заговорит — это уже достижение, — сказала Тармиан, оказавшись женщиной с глубоким хриплым голосом. — Я удостоилась только заявления, что мне ни к чему знать его имя.

К каналу подключились Селки и некто Ганаран, и я с ужасом осознала, что сейчас, предположительно, буду беседовать с представителем другой планеты, одновременно прислушиваясь к раздающимся в голове полезным советам целой кучи людей. Это заставило вновь вспомнить слова Алиссы о моей угодливости, потому что никому из присутствующих, похоже, не приходило на ум, что мои интересы в данном разговоре могут не совпадать с их. А может, и приходило, но они надеялись, что меня не посетит никакая шальная мысль.

Я, не перебивая, выслушала советы Тармиан и Ганарана (оба из отдела связи КОТИС) дескать, мне стоит дать нурийцу самому вести разговор, при этом поощряя его на более подробное обсуждение выбранных им тем. Мейз и Рууэл помалкивали и казались спокойными, однако, прежде чем мы вошли, усилились. Пора бы уже привыкнуть, но с оголенными руками и плечами их прикосновения жутко обескураживают.

Все-таки забавная штука эти предрассудки. Я ожидала увидеть какого-то буддистского монаха с лысиной и в оранжевом балахоне. Самой близкой догадкой оказалась одежда, и то она мало напоминала балахон, да и цвет был другой — бордовый с белым. Внешне нуриец

походил на Рууэла, Таарел и Селки, но с длинными волосами, которые он завязал сзади в высокий хвост, оставив только пряди на висках. Прямо самурай из манги, особенно с двумя мечами, заткнутыми за пояс.

В комнате присутствовал еще один человек — женщина с пышными формами, приятным лицом и копной темных вьющихся волос, так и норовивших выскочить из заколок. И в одежде красновато-фиолетового цвета — такой я еще не видела. Отдел связи.

— Это Касзандра Девлин, — представила Тармиан, и нуриец обернулся ко мне.

Взгляд его был скорее оценивающим, чем теплым или радостным, а приветственный поклон и вовсе свелся к слабому кивку головой.

— Привет, — поздоровалась я сначала на английском, затем на тарианском, даже не попытавшись поклониться.

— Признателен за уделенное мне время.

Нуриец говорил с акцентом и слегка неуверенно, будто тарианский — лишь диалект его родного языка.

— Прошу, присаживайтесь. — Тармиан жестом указала на кофейный столик и окружающие его диваны.

В комнате имелась и другая мебель: стол и стулья для официальных приемов, несколько групп кресел по углам и столики поменьше, и даже настоящее длинное окно, дающее возможность оценить масштабы развернувшего снаружи шторма. Это сильно сбивало с толку: повседневная жизнь на этой планете идет своим чередом, а погода — своим.

Диваны были сделаны из какого-то твердого плотного материала. Я уселась, Мейз с Рууэлом встали сзади по бокам, Тармиан пристроилась на стуле справа, а нуриец сел на диван напротив — прямо посередине.

— Как дитя Геи попало в этот мир? — спросил он.

А потом в голове словно защекотало, и я услышала, как его голос добавил: *«Ты сможешь отвечать таким способом?»*

«Да?», — попыталась подумать я, всю ощущая присутствие Мейза и Рууэла, которые вряд ли не заметили мою внезапно выпрямленную спину. Понятия не имею, что показали Рууэлу его способности, потому, выигрывая время, решила пока сосредоточиться на озвученном вопросе.

— Прошла через врата с моей планеты на Муину. Оставалась там, пока люди с Тары не нашли и не привезли сюда.

«Мое имя Инисар».

Нуриец неотрывно наблюдал за мной своими удлинненными темными глазами.

— Гея сохранила какие-то знания о Муине?

«Меня послали, чтобы предложить тебе нашу помощь».

«Помощь?»

— Никаких. До Тары я не слышать о Муине. Нет никаких историй, нет важных преданий о людях моей планета, летящих на другую. Муинцы пришли с моей планета?

— Не знаю.

«Помощь в виде приюта».

— Мы не отрицаем, что Гею и Муину что-то связывает. Это древняя связь, возникшая до всех наших записей.

«Вижу, люди этого мира исковеркали тебя так же, как и себя».

«Интерфейс?»

— Путь на Гею давно утерян — еще до того, как мы покинули Муину. Случилось ли что-то необычное в Эне Геи прямо перед твоим прибытием на Муину?

«Жаль, что я не могу отменить эти изменения, но могу предложить бежать отсюда. Сначала на Нури, а потом в твой мир».

Тармиан и Ганаран что-то сказали по интерфейсу, но я пропустила все мимо ушей, лишь одарив Тармиан пустым взглядом.

— Моя... планета, парапсихические способности считают выдумкой. Все забыли, если вообще знали. Не в курсе Эны, не выходить туда.

Я ужасно разозлилась. Поддерживать сразу два разговора, в то время как кто-то еще разглагольствует прямо в твоей голове, очень тяжело. А уж когда твой дом используют как какую-то приманку... Я почувствовала, что Мейз за моей спиной переместился, и не знала, радоваться или волноваться из-за его присутствия.

«Нурийцы найти естественные врата в мой мир?»

— Как часто ионоты беспокоят детей Геи?

«Связанной с Геей рождением и сердцем дорогу назад отыскать несложно. Естественные врата открыты не всегда, но если ты смогла попасть на Муину, то можно найти этот путь и вернуть тебя».

— Ионоты не мочь добраться реальное пространство мой мир. Что они есть, что пространства есть, ничего такого не известно. Пространства — это воспоминания миров или их ночные кошмары?

«Чего Нури хочет взамен?»

— И то, и другое.

«Ты открыла Таре Муину. Этого уже не изменить, но мы бы хотели уравновесить содеянное».

— Воспоминания, кошмары, мечты. Отражение жизни, отпечатанное на Эне.

«К тому же, мы не желаем видеть Пробный камень в руках заблудших умов. Вернуть тебя на Гею — значит, устранить угрозу, которую ты собой представляешь».

«Пробный камень — это я?»

Я замолчала на секунду, уже с трудом отслеживая нить разговора. Плюс еще и этот Ганаран что-то взволнованно лепетал о какой-то подтвержденной теории.

— Вы знать, есть ли у всех людей моя планета дар усиливать?

«Почему нурийцы так плохо думают о людях Тара?»

«Потому что они высокомерно повторяют ошибки прошлого, стремясь выйти за пределы доступного. Без баланса, без мудрости, они настраивают природу против себя».

— Такие, как ты, появляются раз в десять поколений — не так уж необычно для Геи.

«Разрешешь спасти тебя отсюда? Просто возьми меня за руку».

«Вы вроде нурийского сетари? Защищать Нури от ионотов?»

Я разрывалась на части: с одной стороны, желание попасть домой зашкаливало, с другой — дико бесило, что они не предложили этого в открытую. Ну, по крайней мере, я догадалась, что нуриец вряд ли сумеет осуществить задуманное.

— Вы знаете, почему некоторые таланты я усиливать, а другие менять?

Такого Инисар не ожидал. Вообще, он такой же невозмутимый, как Рууэл, но после моего вопроса резко одернул руки и сложил на коленях — от греха подальше.

— Я сначала узнала, что усилитель, когда кто-то меня телепортировать, — услужливо продолжила я, довольная, что в данный момент могу сосредоточиться только на явном

разговоре, а то болтовня «в голове» вызывала зуд. — Мы оказались совершенно не там. Упали. Большинство способностей усиливать, но некоторые делать очень странно.

— Исковеркали тебя. — Инисар посмотрел за мое плечо. — Называют себя сетари, а сами не понимают, что это значит.

«Даже если бы могла пойти, не думаю, что принять предложение, — продолжила я наш безмолвный разговор, в то время как он изучающе глядел то ли на Рууэла, то ли на Мейза. — Я скучаю по дому, но эгоистично ставить тоску выше помощи людям, которых мучают монстры. Знаю, для тарианцы важнее их интересы, не мои, но в целом они относятся ко мне как цивилизованные люди. Кроме того, думаю, Нури не помогает решить проблему, всем своим видом показывая, что Тара слишком глупа, чтобы учиться. Если ребенок вот-вот упадет с обрыва, какой смысл сказать, что он глупый, и видеть, как он падает? А интерфейс — лишь инструмент. Не более естественный, чем два лезвия, что вы носите».

«Точно подмечено».

К моему удивлению, нуриец смотрел на меня будто бы с одобрением. Затем он встал:

— Я передам твои ответы старейшинам. Спасибо за разговор.

И исчез — телепортировался. Наверное, решил, что нет толку задерживаться, раз уж не в силах вытащить меня отсюда. Интересно, учли бы мой отказ, если бы телепортация была осуществима?

— Нурийцы еще страннее тарианцев, — сказала я, жалея, что не могу почесать внутри головы.

Я зашла в свой журнал и не слишком удивилась, узнав, что, в отличие от воплей ддоры, «беззвучный» нурийский на записи не отразился.

— Разговор оказался короче, чем я ожидала, — невыразительно заметила Тармиан.

— Вы не могли слышать все, — вздохнула я. — Нужна минута, я запишу.

— Он говорил с ней, как ддора, — предсказуемо догадался Рууэл.

— Так вот почему твой пульс постоянно прыгал. — Мейз наклонился вперед, изучая выражение моего лица.

— Какова же истинная цель его визита? — впервые за все время подал голос Селки.

— Пришел спасти меня от заблудших и порочных тарианцы. — Я с опаской покосилась на Рууэла, но тот казался еще более беспристрастным, чем обычно. — Теперь надо сосредоточиться, иначе забуду, что говорил.

Я отключилась от канала и закрыла глаза, с облегчением почувствовав, что все покорно отошли. Я была всерьез расстроена и напряжена и совершенно не хотела ни говорить, ни даже видеть кого-либо, пока перевариваю свой отказ вернуться домой.

С той самой прогулки в околостранство Земли я планировала выяснить, как это сделала и как все повторить без угрожающих последствий. Как я и сказала нурийцу, я знаю, что тарианцы никогда не поставят мои интересы выше своих. И домой меня тянула не только ностальгия, просто это наилучший вариант.

Виной всему Доктор Кто, мистер Спок и Скуби с его бандой. Я выросла на историях с людьми, которые не сдаются, возвращаются за друзьями и стоят до победного конца. Сэмуайз Гэмджи промыл мне мозги.

И хотя я уже не слишком-то нужна для изучения Муины, я все же сыграла важную роль во время столкновения первого отряда с теми скитальцами. И наверняка это далеко не последний раз, когда мои способности усилителя спасают жизни. Ни за что не слиняю лишь

потому, что для них я задание и подопытная, пусть и не могу доверять абсолютно всем в КОТИС. Даже второй уровень мониторинга не является достаточно серьезной причиной бросить первый отряд. Они столько для меня значат! Как я могу снова стать собой, если проведу остаток жизни, стыдясь своих поступков?

Поэтому, записывая сказанное нурийцем, я ничего не скрыла, а закончив и перечитав все несколько раз, успокоилась и признала, что это было мое решение, я не попала в ловушку и не упустила единственный шанс. Хорошо или плохо, но я хочу увидеть, к чему все приведет.

Под конец этих глубоких раздумий к моей руке прикоснулось что-то холодное, едва не заставив подскочить до потолка. Оказалось, всего лишь стакан. Рууэл всучил мне его, проигнорировав выражение моего лица:

— Последний раз ты ела перед маршрутом.

В любой ситуации — всем капитанам капитан. Начав пить, я поняла, что действительно жутко проголодалась, и возрадовалась подносу с закусками на одном из угловых столиков. Затем решила не оттягивать неизбежное, отправила запись разговора Рууэлу и Мейзу и, пока они (а заодно и каждый синий костюм в КОТИС) читали, набросилась на еду.

Рууэл вышел из комнаты, но вскоре вернулся и вместе с Мейзом присоединился ко мне за небольшим столом.

— Полегчало? — Мейз схватил одну из хлебных палочек.

— Просто устала. Люди с Колара, наверное, тоже заявятся со мной говорить? Если да, могу притвориться, что не знаю язык?

— Тобой они не интересовались и, если получится, не заинтересуются никогда.

— Помогает отсутствие наших отчетов о последних событиях, — добавил Рууэл. — Об открытии Муины коларцы узнали из новостей.

— Может, как и Нури узнать? Думают, интерфейс плохо, но большое совпадение, если услышали обо мне не через него.

Мейз пожал плечами и едва заметно поморщился: плечо все еще его беспокоило.

— Скорее всего, у них тут есть информаторы. Мы сильно недооценили нурийцев, понятия не имели, что они могут путешествовать через расщелину без кораблей. Неудивительно, что их совершенно не заинтересовало заявление Тары о нахождении Муины.

— Тара откроет Муину для Колар и Нури?

— Для Колара — вероятно. Хотя не знаю, как это будет преподнесено. Мне не очень нравится идея разделения Муины на территории, но подписанные нами торговые соглашения слишком важны, чтобы пытаться лишить коларцев доступа. А вот насчет Нури даже гадать не стану — они только что пытались тебя... спасти.

— Можешь определить, что из сказанного нурийцем — правда? — спросил Рууэл.

— Нет. Точнее, сначала он вел себя как «моя честь не позволяет лгать», а потом выглядел довольным, когда я сказала, что считаю нурийцев глупыми лицемерами. Не похоже, что врал, но, думаю, согласен не со всеми приказами. Кажется, о сетари говорил всерьез.

Рууэл одарил меня холодным взглядом — самая эмоциональная его реакция за все время:

— Ты поверила, что он сможет вернуть тебя домой?

— Поверила, что он сам верил. — Тут я нахмурилась, вспомнив охватившую меня злость. — Семантика, не более. Сказал, что пришел предложить помощь. Что должен

забрать некий «пробный камень», так неудачно, по мнению нурийцев, попавший вам в руки. Да, можно считать спасением, но только их выгода, не моя. Не думаю, что они считают меня менее заблудшей и порочной, чем тарианцев. А «сетари» — какое-то историческое название?

— Нет, насколько я знаю, — ответил Мейз. — Это слово существовало задолго до нас и означает «специалист», точнее «специальная охрана»

— А «пробный камень»?

Вообще, по-местному, «даленсет»: «дален» — это «пробовать, трогать», а «сет» — «камень». Кажется, на Земле выражение тоже используется, только не в отношении людей.

— Такого нет даже в словарях. Хотя, по-моему, это как раз подходит для твоих способностей.

Я вздохнула: «раз в десять поколений» — не то, что я хотела услышать.

— Теперь еще больше ограничений?

— Не знаю. Встреча с нурийцем была ошибкой. Теперь он знает тебя в лицо. — Мейза ситуация явно не радовала.

— Думаете, он попробует снова меня спасти? Рискнет телепортация?

— Зависит от того, что для них важнее. — Рууэл снова стал совершенно бесстрастным, но при этом широко распахнул глаза, словно я символ, который нужно расшифровать. — Они хотят использовать тебя в каких-то непонятных нам целях или убедиться, что мы не сможем?

Я засыпала на ходу, так что Мейз проводил меня до квартиры. Он не заикнулся о дилемме «остаться или уйти», просто велел поднимать тревогу, если случится что-то даже слегка странное. Да, есть такая личная тревожная «кнопка», транслирующая сообщение тому, кто отвечает за безопасность. Я не считаю Тень чем-то странным и, проснувшись, порадовалась ее появлению. Она уселась на столе и бесстыдно требовала внимания, пока я заполняла последние страницы этого дневника.

Итак, сегодня я познакомилась с космическим самураем-экстрасенсом Инисаром, который оказал мне медвежью услугу, продемонстрировав тарианцам, что я еще интересней, чем они считали, и который, возможно, еще вернется, чтобы меня убить. В результате чего решила больше не быть «просто Касс», хотя наверняка когда-нибудь сильно об этом пожалею. Еще я знаю, что важные для меня люди весь день потратят, обсуждая, как лишить меня шансов и причин для побега и найти баланс между моим желанием уединиться и их стремлением постоянно за мной наблюдать.

И раз уж ниндзя и самураи уже были, может, не за горами и космические пираты экстрасенсы?

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Первый отряд:

Мейз Сурион (м)
Зи Аннан (ж)
Лон Кеттара (м)
Мара Сенез (ж)
Алей Гейнер (ж)
Кетзарен Спел (ж)

Второй отряд:

Гриф Реган (м)
Джех Омай (ж)
Нилс Сайят (м)
Кир Чарал (м)
Энма Долан (ж)
Бри Чо (ж)

Третий отряд:

Мир Таарел (ж)
Делла Мет (ж)
Эли Бата (ж)
Тол Сефен (м)
Гео Чиз (м)
Рита Орла (ж)

Четвертый отряд:

Каорен Рууэл (м)
Фиар Сонн (ж)
Пар Аурон (м)
Глейд Ферус (м)
Чаран Халла (ж)
Мори Эйз (ж)

Пятый отряд:

Хаст Каджал (м)
Дорей Найз (м)
Фэвер Элвез (ж)
Кир Паланти (м)

Трелест Сит (м)
Сейен Ракс (м)

Шестой отряд:

Элен Кормин (ж)
Стен Аммас (м)
Джуна Куан (м)
Дел Рот (м)
Мелид Алук (ж)
Кестер Ам-ротен (м)

Седьмой отряд:

Атара Форел (ж)
Пол Тсеннен (м)
Тез Мема (м)
Боди Резайден (м)
Ахери Дален (ж)
Сайтел Раф (м)

Восьмой отряд:

Ро Канато (м)
Пала Хазен (ж)
Сили Хеназ (ж)
Чжоу Кейд (м)
Кай Трубан (м)
Зама Бриз (м)

Девятый отряд:

Деза Келин (ж)
Зэл Тур (ж)
Ребар Долас (м)
Оран Томасал (м)
Кахл Анья (ж)
Терел Ревв (м)

Десятый отряд:

Элс Харал (м)
Лорис Дарм (ж)
Сел Тенс (ж)
Джорен Мейн (ж)

Фахр Шерун (м)
Нетра Кантан (м)

Одиннадцатый отряд:

Сек Эндаран (ж)
Кира Куран (ж)
Ялеран Джерена (м)
Палест Вен (м)
Зар Сит (м)
Ден Дава (м)

Двенадцатый отряд:

Зен Намара (ж)
Роак Лентон (м)
Десс Чарн (ж)
Сора Нелс (ж)
Тенна Дризен (м)

Тал Кист (м)

notes

[1] NOT HAPPY, JAN.

Отсылка на австралийскую телерекламу Australia's Yellow Pages. В рекламе бизнесвумен узнает, что ее сотрудница Джен не разместила объявление вовремя, и им придется ждать целый год, чтобы попасть в следующий выпуск Australia's Yellow Pages. Женщина демонстрирует завидную выдержку и методики управления гневом и лишь в конце рекламы кричит убегающей сотруднице: «Джен, я недовольна!». Сейчас в Австралии эта фраза стала расхожим выражением как проявление недовольства проблемами, вызванными чужой халатностью или некомпетентностью.

[2] Неигровой персонаж (англ. *Non-Player Character (NPC)*) — в компьютерных и настольных ролевых играх термином «NPC» обозначаются персонажи, общающиеся с игроком, независимо от их отношения к игровому персонажу. NPC могут быть дружественными, нейтральными и враждебными. Неигровые персонажи служат важным средством создания игровой атмосферы, мотивируют игроков совершать те или иные действия и являются основным источником информации об игровом мире и сюжете игры.

[3] Квест на сопровождение — задание в игре, которое требуется выполнить персонажу (или персонажам) для достижения игровой цели. После выполнения игрок получает опыт, деньги, репутацию, вещи, одежду, оружие и т. д.

[4] PvP — Player vs Player, Игрок против игрока. Термин появился для того, чтобы

можно было различить игру человека против персонажей, управляемых компьютером (PvE), от игры против других игроков (PvP).

[5] Не уходи безропотно во тьму,
Будь яростней пред ночью всех ночей,
Не дай погаснуть свету своему!
Хоть мудрый знает — не осилишь тьму,
Во мгле словами не зажжешь лучей -
Не уходи безропотно во тьму.
Хоть добрый видит: не сберечь ему
Живую зелень юности своей,
Не дай погаснуть свету своему.
А ты, хватавший солнце налету,
Воспевший свет, узнай к закату дней,
Что не уйдешь безропотно во тьму!
Суровый видит: смерть идет к нему
Метеоритным отсветом огней,
Не дай погаснуть свету своему!
Отец, с высот проклятий и скорбей
Благослови всей яростью твоей -
Не уходи безропотно во тьму!
Не дай погаснуть свету своему!

(авт. Дилан Томас; пер. Василия Бетаки)

[6] Гелз — почти истребленное тарианское насекомое, живущее в пещерах. Отличается тем, что в качестве защитного механизма выпускает стойкий запах гнили.